

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (37)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4 (37)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поевская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Ключанов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вушпертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тошенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаплина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серий

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Т.С. Кутаренкова, канд. филол. н., ст. преп. (РГГУ)

Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

Д.Н. Рамазанова, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

Ю.Э. Шустова, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Источниковедческие исследования

- В.И. Дурновцев*
Экологическая история в координатах отечественной историографии
и исторического образования 9
- Е.Ю. Нуйкина*
Конституционные основы антирелигиозной политики
советского государства: 1918–1937 гг. 17
- Д.Г. Полонский*
Влияние Петра Скарги на православную традицию жития
римского папы Льва Великого 24
- А.Ю. Самарин*
П.К. Симони об объекте и методах исследования книги 31
- В.В. Тихонов*
Неврученная награда: Сталинская премия
в области исторических наук за 1952 г. 39
- Н.С. Успенская*
Историография экологической истории Франции XX–XXI вв. 47
- Е.Л. Чернова*
Почему М. Вебер? Немецкая история повседневности
в поисках методологической основы 54
- И.Г. Шевелёв*
Личные дневники и полковые журналы боевых действий русской армии:
опыт источниковедческого анализа по материалам
500-го Ингульского пехотного полка 1915–1917 гг. 63

Вспомогательные исторические дисциплины

- С.В. Зверев*
Монетное дело в Новгороде в середине XVII в. 72
- С.С. Ковалева*
Историографический обзор русской крестьянской генеалогии 81

<i>Н.А. Комочев</i> Дипломатика на страницах отечественных энциклопедий: опыт источниковедческой характеристики	90
---	----

<i>Т.Д. Панова</i> Состав семей старицкого князя Владимира Андреевича	98
--	----

<i>Е.В. Пчелов</i> Городская геральдика дореволюционной России: основные тенденции исторического развития	109
---	-----

<i>Д.Н. Рамазанова</i> Русские списки переводных сочинений Илии Миниатиса (Минятия) в XVIII в.	117
---	-----

Хроника

<i>Е.В. Пчелов</i> XXIX Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании»	124
---	-----

<i>Е.В. Пчелов, С.В. Зверев</i> Научный семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам: хроника заседаний (продолжение).....	132
---	-----

In memoriam

<i>Е.В. Пчелов</i> Игорь Станиславович Сметанников (01.06.1960 – 11.01.2017)	134
---	-----

<i>С.В. Зверев</i> Татьяна Юрьевна Стукалова (17.12.1958–16.01.2017)	136
Список печатных работ Т.Ю. Стукаловой	140

Abstracts	154
-----------------	-----

Сведения об авторах	160
---------------------------	-----

CONTENTS

Studying the sources

<i>V. Durnovtsev</i> Environmental history in the coordinates of national historiography and historical education	9
<i>E. Nuikina</i> Constitutional foundations of anti-religious policy of the Soviet state. 1918–1937	17
<i>D. Polonskii</i> Piotr Skarga's Influence on the Orthodox Tradition of Pope Leo the Great' hagiography	24
<i>A. Samarin</i> P. K. Simoni on the objects and methods of book study	31
<i>V. Tikhonov</i> Unpresented award. The Stalin prize in the field of History for the 1952	39
<i>N. Uspenskaya</i> The historiography of France environmental history in the 20–21st centuries	47
<i>E. Chernova</i> Why Weber? The German history of everyday life in search of a methodological basis	54
<i>I. Shevelev</i> Private diaries and regimental registers of the Russian army military operations: the source-study analysis experience based on the materials of the 500th Ingulsky infantry regiment	63

Auxiliary sciences of history

<i>S. Zverev</i> Coinage in Novgorod in the middle of 17th century	72
<i>S. Kovaleva</i> Historiographical review of Russian peasant genealogy	81

<i>N. Komochev</i>	
Diplomatics in Russian encyclopedic studies articles. Source study essay	90
<i>T. Panova</i>	
Prince Vladimir Andreevich Staritsky's families composition	98
<i>E. Pchelov</i>	
Municipal heraldry in pre-revolutionary Russia. The main trends of historical development	109
<i>D. Ramazanova</i>	
Russian manuscripts of Elias Meniates's works translated in the 18th century	117
Chronicle of events	
<hr/>	
<i>E. Pchelov</i>	
XXIX International Scientific Conference "Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge"	124
<i>E. Pchelov, S. Zverev</i>	
Report on scientific seminar on heraldics and supporting and special historical disciplines (<i>continued</i>).....	132
In memoriam	
<hr/>	
<i>E. Pchelov</i>	
Igor Stanislavovich Smetannikov (01.06.1960–11.01.2017)	134
<i>S. Zverev</i>	
Tatyana Stukalova (17.12.1958–16.01.2017)	136
List of T. Stukalova published works	140
Abstracts	154
General data about the authors	162

УДК 94:574

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-4-9-16

В.И. Дурновцев

Экологическая история в координатах отечественной историографии и исторического образования

В предлагаемой статье представлен принципиально новый образовательный продукт в российском образовательном пространстве – магистерская программа «Экологическая история: источники, методы и исследовательские практики (Россия – Запад)», разработанная в РГГУ при поддержке Фонда В. Потанина. Программа соответствует Федеральному государственному стандарту высшего образования по направлению подготовки 46.04.01. – История – и мотивирована бурным развитием одного из авторитетных направлений в мировой историографии и историческом образовании – Environmental history.

Ключевые слова: экологическая история (environmental history), историография, информационные ресурсы, глобальная история, региональная история, междисциплинарность, историческое образование (уровень магистратуры).

Определения экологической истории не отличаются строгостью, а для ее проблематики характерно исключительное разнообразие. Экологическая история – это и история взаимодействия Человека и Природы во времени, и взаимоотношения между человеческой культурой и окружающей средой в прошлом, и «история взаимоотношений между человечеством и остальной природой»¹. Экологическая история является одним из средств познания истории человечества. Многие явления в истории цивилизации, в том числе на современном этапе, обусловлены изменениями в окружающей среде.

Впрочем, то, что природа сформировала всю человеческую историю, осознавалось едва ли не со времени возникновения исторических знаний, а затем и исторической науки. Предэкологическая история – неотъемлемая и важная страница мировой историографии, не исключая российскую.

История людей неотделима от истории природы, от окружающей их среды. Британский и уэльский писатель и теоретик культуры Реймонд Уильямс однажды заметил: «Идея природы содержит, хотя часто незамеченное, экстраординарное количество человеческой истории». Но можно сказать и иначе: история человечества, являясь частью истории природы, и сегодня, и тысячи лет назад, зависит от окружающей среды; люди постоянно изменяют ее, нередко губительно для себя самих. С эпистемологической точки зрения это означает, что последовательно антропологически ориентированное научное историческое познание не может быть исчерпывающим и полноценным вне постоянного учета взаимодействия человека с природой.

Во второй половине минувшего века представления о роли природно-географического фактора в человеческой истории, исследовательские практики, раскрывающие разнообразные стороны взаимодействия цивилизации и природы во времени, оформились в особое научное направление.

Место рождения экологической истории – США. Историографическая традиция связывает возникновение экологической истории с мощным социальным экологическим движением в защиту окружающей среды, породившим феномен энвайронментализма. Из США экоистория перекинулась в Западную Европу и быстро распространилась в мировом научно-образовательном пространстве.

Возникновение экологической истории обусловлено, с одной стороны, потребностями глобального исторического анализа, с другой – вызовами современной цивилизации, отчетливой тревогой человечества за состояние окружающей среды. Не последнюю роль играет региональная составляющая экологической истории.

Статус экологической истории как строгого академического научного направления постоянно уточняется. В современной исторической науке образ мировой истории формируется в сферах взаимодействия культур, масштабной экономики, политической и социальной истории и не в последнюю очередь историко-экологического изучения. Глобальный исторический анализ, исключаящий свободу исторического опыта от природных условий его приобретения, ведется на региональном, локальном уровнях, в различных хронологических и тематических пределах.

Проблематика экологической истории тесно связана с различными областями естественно-научного и гуманитарного знания, основывается на последовательном применении междисциплинарных методов в исторических исследованиях.

Современная экологическая история представлена многочисленными исследователями едва ли не во всех странах мира, десятками авторитетных научных центров и образовательных университетских программ, многими обществами и ассоциациями, среди которых выделяются Американское общество экологической истории (The American Society for Environmental History) и Европейское общество экологической истории (The European Society for Environmental History). Библиография трудов как фундаментальных, так и частных насчитывает многие сотни наименований².

Экологические историки сходятся во мнении, что ведущими направлениями их научных изысканий являются, во-первых, собственно природа и происходящие в ней с течением времени изменения, в том числе в результате воздействия на нее цивилизации. Во-вторых, история эксплуатации природных ресурсов, роста населения, применения эффективных технологий, изменений в структуре производства и потребления. В-третьих, история колониальных экспансий, экологических и человеческих последствий промышленных и технологических революций. В-четвертых, изучение представлений людей о природе и о том, как они влияют на процессы взаимодействия цивилизаций, в том числе в форме мифа, религии, науки.

Дж.Р. МакНилл пишет о трех разновидностях экологической истории – материальной, культурно-интеллектуальной и политической, преимущественно современной³.

Российская история и география открывают богатые возможности для развития экологической истории. Они успешно реализуются в новейших исследовательских практиках. Устойчив и разнообразен интерес к экологической истории России в зарубежной историографии. Постепенно входят в практику совместные исследования российских и зарубежных авторов. Определились и центры экологической истории России – Москва, Санкт-Петербург, Тамбов, Тверь, Казань, Елабуга, Саратов... Ввиду пограничного положения экологической истории между естественными, социальными и гуманитарными науками можно с уверенностью полагать, что по большому счету те или иные компоненты этого направления присутствуют во всех крупных научно-исследовательских и образовательных центрах России. В то же время известность экологической истории даже среди профессиональных исследователей не следует преувеличивать.

Новый образовательный проект РГГУ в сфере эколого-исторического образования отличается последовательным практико-ориентированным подходом к подготовке обучающихся. Учебный план основан на взвешенном сочетании фундаментального теоретического знания и практических навыков, диффузии исторических, а главное, гуманитарных, естественных и технических наук. Междисциплинарность – важнейшее свойство методов и методик экологической истории.

Более полувека назад известный английский физик и писатель Ч.П. Сноу выступил с докладом «Две культуры», вызвавшим неподдельный интерес в научном сообществе и во многом предопределившим развитие интеллектуальных контактов между представителями так называемой художественной интеллигенции, гуманитарных и социальных наук и учеными, работающими в сфере естественно-научного знания. Ученый с тревогой констатировал существующий и расширяющийся разрыв между художественной и научной интеллигенцией, представителями естественных и гуманитарных наук. Ч.П. Сноу призвал деятелей двух культур сделать шаги к взаимопониманию, изменить существующее, как ему казалось, тревожное положение вещей. «Столкновение двух дисциплин, двух систем, двух культур, двух галактик – если не бояться зайти так далеко! – не может не высечь творческой искры. Как видно из истории интеллектуального развития человечества, такие искры действительно всегда вспыхивали там, где разрывались привычные связи»⁴.

Напомним, что в годы «оттепели» в нашей стране прошли бурные дискуссии о месте и роли в прогрессе «физиков» и «лириков». Они отразились в знаменитых строчках Б.А. Слуцкого, напечатанных в 1959 г., тогда же, когда состоялось выступление Ч.П. Сноу: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне. Дело не в сухом расчете, дело в мировом законе». Итогом споров советских интеллигентов был вывод о том, что одинаково нужны и физики, и лирики. Но, кажется, о конвергенции, взаимопроникновении двух направлений научно-познавательной деятельности тогда речь не шла.

Разработка магистерской программы по экологической истории осуществлялась в РГГУ на базе факультетов и научных центров Историко-архивного института (ввиду особой значимости информационных ресурсов экологической истории) с привлечением других вузовских структурных подразделений – Института экономики, управления и права (юридический факультет, экономический факультет, факультет управления), факультета истории искусств, отделения социокультурных исследований, Междуна-

родного учебно-научного центра русского языка. К разработке рабочих программ ряда дисциплин привлекались специалисты из МГУ им. М.В. Ломоносова, Института истории естествознания и техники РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН, Института российской истории РАН, Государственного университета по землеустройству.

В процессе разработки программы проводился тщательный учет аналогичных образовательных продуктов в зарубежных университетах.

Университетские центры экологической истории предлагают развернутые программы эколого-исторического образования. Среди них Йельский университет, Университет Канзаса, Университет штата Орегон, Джорджтаунский университет (США), Австралийский национальный университет, Ноттингемский университет, Кембриджский университет (Великобритания), Университет Уппсалы (Швеция), Сент-Эндрюсский университет (Шотландия). Одно из первых мест в мире по постановке историко-экологического образования принадлежит Университету Висконсин-Мэдисон (США), где лидирующие позиции занимает выдающийся экологический историк Уильям Кронон.

Соответствие международному уровню подготовки магистрантов в области экологической истории позволит РГГУ осуществлять взаимодействие с передовыми научными, образовательными и культурными институциями за рубежом.

В этой связи необходимо отметить блестящие опыты преподавания экологической истории в российских регионах. Так, в Санкт-Петербургской школе социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ при поддержке Фонда В. Потанина реализуется международная магистерская программа на английском языке по прикладной и междисциплинарной истории «Актуальное прошлое» (International MA program in Applied and Interdisciplinary history “Usable Pasts”) (руководитель – признанный авторитет в экологической истории России Ю.А. Лайус). Одна из дисциплин программы – экологическая и технологическая история.

В вузах Сургута (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) курс экологической истории ведет проректор по научной работе СГПИ Е.И. Гололобов, изучающий корни экологических проблем на западе Сибири.

Актуальность подготовки магистров, свободно ориентирующихся как в гуманитарных (исторических), так и естественно-научных и научно-технических проблемах взаимодействия человека, общества, природы и защиты окружающей среды, определяется их способностью по результатам освоения программы комплексно

изучать влияние на людей изменений в биологических и физических средах, осмысливать отражение природы в философии, искусстве, литературе, исследовать государственную политику по отношению к природе. Реализация проекта в других университетах полностью или частично возможна, с соответствующими коррективами, в таком широко распространенном направлении магистерской подготовки, как «Экология и природопользование».

Выпускники, освоившие программу магистратуры, готовятся к научно-исследовательской и экспертно-аналитической профессиональной деятельности. В соответствии с федеральным государственным стандартом 2015 г. по направлению подготовки 46.04.01 (уровень магистратуры) базовая часть магистерской программы определена университетом и включает теорию и практику управления в гуманитарной сфере, анализ междисциплинарных подходов в исторических исследованиях, актуальные проблемы современной исторической науки, теорию и практику коммуникаций в гуманитарной сфере. Указанные дисциплины создают условия для освоения учебных курсов, представляющих костяк собственно профессиональной подготовки экологов. Скажем, углубленные по сравнению с программой бакалавриата представления о государстве, праве, законности, правопорядке и правоприменении позволяют в дальнейшем сосредоточиться на изучении экологического права, экологической политики, истории государственных учреждений и общественных организаций России в сфере экологии и природоохранной деятельности, экологической безопасности и устойчивого развития. Овладение принципами междисциплинарных подходов в научных исследованиях закрепляется изучением методов и исследовательских практик в дисциплинах естественно-научного цикла: это концепция современного естествознания, история науки, техники и технологий, история климата, история воды, история леса, природные ресурсы и история природопользования, история почв и почвоведения.

Цифровая эпоха раскрывает богатые возможности работы с информационными ресурсами экологической истории. В учебный план магистерской программы включены такие учебные дисциплины, как исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, технологии и методы, интернет-ресурсы экологической истории, геоинформационные системы (ГИС) в историко-экологических исследованиях и в управлении природопользованием.

Культурно-исторические, историко-архивные, литературно-художественные аспекты экологической истории представлены в следующих дисциплинах: источники природного наследия

в Архивном фонде Российской Федерации, образы природы в литературе и изобразительном искусстве, музеи-усадыбы и музеи-заповедники России, история и теория культурного ландшафта.

Экологическая история, историческая география, культурная география – союзные области. Экоисторики, многие из которых, особенно на заре экологической истории, были – и остаются – в значительной мере историческими географами, в поиске перспектив развития научного направления, в разработке ее методов, источниковедческих методик, уточнении дисциплинарного статуса апеллируют к историографическим традициям и новациям исторической и культурной географии. Так что появление этой дисциплины в учебном плане вполне закономерно. Как и то, что именно в этом случае вопрос о границах дисциплинарности исторической географии и экологической истории перестает быть актуальным.

Наконец, две из дисциплин учебного плана выполняют интегральную роль в качественной подготовке обучающихся – источники и историография экологической истории, глобальная и региональная экологическая история. Важный региональный компонент учебного плана представлен учебным курсом по экологической истории Сибири.

Экологический историк в одном случае может удовлетвориться традиционными методами научно-исторического познания, но в других необходимым образом осваивает методы естественных и технических наук, правда, в несколько облегченной, но вполне достаточной версии. Экологическая история – это и собственно история, и основы естествознания, в первую очередь экология. Отсюда овладение, в допустимых объемах, методом датирования биологических остатков, предметов и материалов биологического происхождения путем радиоуглеродного анализа. Экоисторик должен ориентироваться в методах исследования экологической истории техники – совокупности экологических характеристик эволюции техносферы как единого социотехноприродного процесса взаимодействия человека, общества и природы. Свои особенности имеют методы прикладной экологии, структурированной на промышленную, транспортную, строительную, военную, сельскохозяйственную, биоресурсную, промысловую, медицинскую и др. В особую группу выделяются методы экологического, биологического мониторинга. Традиционные в историографии представления об историческом источнике как результате исключительно человеческой деятельности в экологической истории решительно пересматриваются, что влечет за собой поиск новых методологических и методических оснований изучения ее информационных ресурсов.

Основная сфера реализации профессиональной деятельности – работа в государственных (федеральных и региональных), общественных и частных учреждениях, связанных с решением задач охраны окружающей среды, памятников культурного и природного наследия, экологического туризма, экологическим образованием и воспитанием, просветительской работой в СМИ и профессиональных сообществах. Выпускники магистратуры могут быть востребованы в областях управления природопользованием и экологической политикой, в системе управления экологической безопасностью в Российской Федерации. Обладая компетенциями в сфере социально-гуманитарной экспертизы, они могут проводить анализ социальных экологических движений, участвовать в преодолении и разрешении возможных социальных конфликтов в этой сфере с учетом исторического опыта взаимодействия человека и природы во времени.

Выпускники магистратуры могут работать в государственных учреждениях, в том числе структурах Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, соответствующих учреждениях в субъектах Российской Федерации, аналитических и консалтинговых центрах, органах муниципального управления, образовательных учреждениях, научно-исследовательских, проектно-изыскательских структурах.

Исключительная популярность программ подготовки экологических историков в Европе и США и практическое отсутствие их в России позволяют утверждать, что магистры в области экологической истории могут успешно развивать соответствующие проекты как в российском образовательном пространстве, так и в странах СНГ. При этом следует иметь в виду пристальное внимание экоисториков Западной Европы и США к экологической истории России, которое в некоторых отношениях является интеллектуальным вызовом российской науке.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Человек и природа: экологическая история / Под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггмайера, Ю. Лайус. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008.
- ² The Oxford handbook of environmental history / Ed. by A.C. Isenberg. N.Y., 2014.
- ³ Человек и природа: экологическая история. С. 24.
- ⁴ *Сноу Ч.П.* Две культуры и научная революция. [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/SNOW/TWOCULT.HTM> (дата обращения: 12.03.2017).

Конституционные основы антирелигиозной политики советского государства: 1918–1937 гг.

В публикации представлен сравнительный анализ статей трех конституций РСФСР, регулировавших взаимоотношения церкви и государства в период наиболее активного гонения на Русскую православную церковь, с 1918 по 1937 г. Данный подход позволил проследить правоприменительную практику конституционных норм в их развитии.

Ключевые слова: Конституция, РСФСР, антирелигиозная политика, духовенство.

Правовые основы антирелигиозной политики, проводимой советским государством, в отечественной историографии все еще не получили достаточного освещения. Не проведено комплексного выявления и систематизации нормативных правовых актов и циркуляров, регулирующих вопросы церкви, духовенства, верующих. Актуальность проблемы во многом обусловлена тем, что большинство нормативных актов по религиозной политике не публиковалось в печати и сборниках правительственных постановлений, что осложняет анализ соответствия проводимой антирелигиозной политики правовому законодательству.

Статья посвящена анализу конституционных норм, действовавших в период 1918–1937 гг. в Российской Федерации, как основных «инструментов управления масштабными социальными трансформациями»¹.

Сравнительный анализ трех конституций, действовавших в период наиболее активного гонения на церковь, с 1918 по 1937 г., показал следующее.

В Конституции (Основной закон) РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.² и провозгласившей

диктатуру «городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти»³, вопросы взаимоотношений с церковью регулировались ст. 13, 23 и 65.

Ст. 13 устанавливала, что в «целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». В основу этой статьи были положены п.1 и 9 Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.⁴ Таким образом, мы видим, что Конституция 1918 г. предоставила гражданам Российской Федерации права свободы совести и свободы *как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды*.

В Конституции 1918 г. мы не находим прямого ответа на вопрос, кто является гражданином Российской Федерации. Однако в ст. 23, 64, 65 Конституции содержатся установления, касающиеся групп населения, не подпадающих под права гражданства. Ст. 23 гласила: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции»⁵. В ст. 64 и 65 Конституции РСФСР четко выделены группы населения, наделенные и лишенные избирательных прав. К категории лиц, которые «не избирают и не могут быть избранными» были отнесены: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) *монахи и духовные служители церквей и религиозных культов* (курсив мой. – Е. Н.); д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором»⁶.

Согласно ст. 10 Конституции устанавливалось, что «Российская Республика есть свободное социалистическое общество *всех трудящихся России* (курсив мой. – Е. Н.)», согласно ст. 18, труд признавался «обязанностью всех граждан Республики». Таким образом, категории лиц, лишенные избирательных прав (ст. 64 и 65) согласно Конституция 1918 г. не наделялись правами гражданства.

Конституция РСФСР 1925 г.⁷, утвержденная постановлением XII Всероссийского съезда Советов 11 мая 1925 г.⁸, вопросы свободы совести раскрывала в ст. 4, где полностью повторяла вышеприведенную формулировку ст. 13 Конституции 1918 г.

Однако начиная с 1929 г. наблюдаются серьезные изменения в государственной церковной политике в сторону ужесточения, тенденция, которая сохранится на протяжении десятилетий.

В январе 1929 г. принимается постановление Политбюро «О мерах по усилению антирелигиозной работы», во исполнение которого вносятся следующие изменения в ст. 4 и 12 Конституции РСФСР 1925 г.

В ст. 4 слова: «а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» заменяются словами: «а свобода религиозных убеждений и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

В ст. 12 слова: «подвергающимся преследованиям за политическую деятельность или за религиозные убеждения» заменяются словами: «подвергающимся преследованиям за революционно-свободительную деятельность»⁹. Внесение данных изменений сопровождалось серьезными дискуссиями.

На первом заседании XIV Всероссийского съезда Советов 10 мая 1929 г. председатель СНК А.И. Рыков, комментируя внесение изменений в ст. 4 Конституции, пояснял, что «мы, сторонники борьбы с религиозным дурманом, не только не собираемся применять против религии принудительных административных мер, но признаем в нашей конституции свободу религиозных исповеданий. Борьба с религиозным дурманом может быть успешной только в том случае, если она связана с подъемом массовых сил, с глубоким проникновением в массы научных знаний и с изменением культурного быта»¹⁰. Некоторым делегатам съезда такая позиция показалась слишком мягкой, высказывались пожелания «религиозную дурь... выжечь каленым железом»¹¹ или: «нужно ударить покрепче по этому дурману и стегнуть его получше»¹². Однако А.И. Рыков настаивал на том, что «конституция дает свободу исповедания религии и что административные меры борьбы с исповеданием религии, меры борьбы, не связанные с массовым культурным подъемом, приносят вред», поскольку указанные методы «по отношению к значительным группам трудящегося населения едва ли уместны»¹³.

Вносимая поправка в ст. 4 объяснялась целью «ограничения распространения религиозных предрассудков, путем пропаганды, используемой весьма часто в контрреволюционных целях»¹⁴. Относительно ст. 12 указывалось, что «предлагаемая поправка

раскрывает основной смысл и содержание этой статьи и вносится в целях недопущения использования права убежища контрреволюционными элементами»¹⁵. Данные поправки были приняты XIV Всероссийским съездом Советов 17 мая 1929 г.¹⁶

По разъяснению Н.М. Орлеанского, статья которого была опубликована в журнале «Безбожник» в 1930 г., отныне «деятельность верующих по исповеданию своих религиозных догматов ограничена средою самих верующих и рассматривается как тесно связанная с отправлением религиозного культа той или иной терпимой в нашем государстве религии. Привлечение же новых кадров трудящихся, особенно детей, в число сторонников религии... каковая деятельность несомненно вредна с точки зрения интересов пролетариата и сознательного крестьянства, конечно, никоим образом не может находиться под защитой закона и охватываться понятием «свобода религиозных исповеданий»»¹⁷.

Несмотря на заявленное желание Председателя СНК избежать ссор на религиозной почве с середняцкими и бедняцкими группами, потому как – по словам А.И. Рыкова – это «вовсе не с руки», начиная с 1929 г. начались повсеместное закрытие церквей и аресты священства, что приводило к массовым выступлениям крестьян на селе¹⁸.

Что касается лишения «отдельных лиц и отдельные группы прав», то эта позиция осталась без изменений и была закреплена в ст. 14. Однако в ст. 69, где по аналогии со ст. 65 Конституции 1918 г. определялись категории лиц, которые не избирают и не могут быть избранными, относительно представителей церкви содержалось следующее уточнение: «Монахи и духовные служители религиозных культов *всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией* (курсив мой. – Е. Н.)»¹⁹. На том же заседании XIV Всероссийского Съезда Советов указывалось, что данная поправка носит чисто редакционный характер и «по существу ничего не изменяется»²⁰.

В январе 1937 г., в соответствии с ранее принятой в 1936 г. Конституцией СССР постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов была утверждена новая Конституция РСФСР.

М.И. Калинин в своей речи на этом съезде при рассмотрении вопроса о принятии текста новой Конституции отметил, что в ней, как в зеркале, отражается «жизнь народов нашей страны», а также то, что в результате «беспощадной борьбы» была уничтожена эксплуатация человека человеком и как результат – утверждён социализм как «незыблемая основа хозяйственной и политической жизни». Таким образом, обозначен новый этап, когда

социалистическое общество «в основном построили»²¹. Совершенно очевидно, что в подтексте это означало, что и с религией как пережитком прошлого, несовместимым с победившим социализмом, покончено.

Данный вывод находит свое подтверждение в докладе И.В. Сталина «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. Касаясь поправок к Конституции СССР, которые предлагали запретить отправление религиозных обрядов, а также ограничить или лишить избирательных прав служителей культа наряду с белогвардейцами, бывшими людьми и лицами, занимающимися бесполезным трудом, И.В. Сталин отметил, что они должны быть отвергнуты, поскольку за истекший период «эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу»²².

Было провозглашено всеобщее равное и прямое избирательное право при тайном голосовании (ст. 138). Согласно ст. 139 Конституции РСФСР выборы депутатов объявлялись всеобщими: «все граждане РСФСР, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав». К категории лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав, относилось по существу все духовенство, поскольку практически все лица духовного звания неоднократно подвергались арестам, которые принимали массовый характер в 1922–1924 и 1929–1932 гг.²³ Таким образом, ко времени выхода Конституции РСФСР служители церкви фактически не могли воспользоваться этим правом, поскольку подавляющее большинство было осуждено и лишено избирательного права.

Обратим внимание на то, что в предыдущих двух Конституциях РСФСР вопрос об отделении церкви от государства и школы от церкви входил в первые разделы, касающиеся общих положений. В Конституции РСФСР 1937 г. этот вопрос освещается в главе XI «Основные права и обязанности граждан»: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в РСФСР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 128). С одной стороны, эта формулировка предполагала продолжение идей, заложенных в 1929 г., и не предполагала возможности открытой проповеди. С другой – определяла конституционное требование к атеистическому мировоззрению граждан страны, наделяя их правами антирелигиозной пропаганды.

Таким образом, все конституции РСФСР, действовавшие в Советской России в период 1918–1937 гг., законодательно развивали и ужесточали антирелигиозную направленность государственной политики, нормативно закрепив практику лишения избирательных прав и гражданства лиц духовного звания по суду или на основе их профессионального служения, не признаваемого трудовой деятельностью.

Примечания

- ¹ Шахрай С.М. О конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических трансформаций. М.: Наука, 2013. С. 4.
- ² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
- ³ Там же. Ст. 9.
- ⁴ Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 20 января 1918 г. // Собр. узак. 1918. № 18. Ст. 263.
- ⁵ Собр. узак. 1918. № 51. Ст. 582. Ст. 23.
- ⁶ Там же. Ст. 65.
- ⁷ В данной статье рассматриваются Конституции РСФСР 1925 и 1937 гг. Это обусловлено тем, что принятая в 1924 г. в окончательной редакции II съездом Советов СССР Конституция СССР была посвящена системе взаимодействия высших и региональных государственных органов образуемого союзного государства. Статья 5 устанавливала, что «союзные республики, в соответствии с настоящей Конституцией, вносят изменения в свои конституции», в связи с чем в 1925 г. была принята Конституция РСФСР, где уже и были прописаны права и обязанности граждан. То же касается Конституции РСФСР 1937 г. принятой годом позже Конституции СССР 1936 г.
- ⁸ Конституция (Основной Закон) РСФСР от 11 мая 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.
- ⁹ Цит. по: *Одицов М.И.* Государство и церковь в России: XX век. М., 1994. С. 74–75.
- ¹⁰ Бюллетень № 1: XIV Всероссийский съезд Советов: Заседание первое, вечернее, 10 мая 1929 г. // РСФСР. Съезд Советов (14; 1929; Москва). XIV Всероссийский съезд Советов: [10–18 мая 1929 г., г. Москва]: стенографический отчет: бюллетени № 1–18. М.: ВЦИК, 1929. С. 16–17.
- ¹¹ Там же. Бюллетень № 2. Заседание второе, утреннее, 11 мая 1929 г. С. 10.
- ¹² Там же. С. 25
- ¹³ Там же. Бюллетень № 4. Заседание третье, утреннее, 11 мая 1929 г. С. 13.
- ¹⁴ Там же. Бюллетень № 16. Заседание тринадцатое, утреннее, 17 мая 1929 г. С. 45.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 55.

- ¹⁷ Орлеанский Н.М. Закон о религиозных объединениях РСФСР. М.: Безбожник, 1930. Цит. по: Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М.: ПроPILEI, 1995. [Электронный ресурс] URL: <http://vishegorod.ru/download/Schtrikker-RPZ-1917-1991.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).
- ¹⁸ Дамаскин (Орловский), игум. Гонения на Русскую Православную церковь в советский период // Россия Православная. 2005. № 7. С. 100; Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 418–421.
- ¹⁹ Конституция (Основной Закон) РСФСР от 11 мая 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218. Ст. 69.
- ²⁰ Бюллетень №16. Заседание тринадцатое, 17 мая 1929 г. С. 53.
- ²¹ XVII Чрезвычайный Всероссийский Съезд Советов. Заседание первое вечернее от 15 января 1937 г.: М.И. Калинин о проекте Конституции РСФСР // Бюллетень № 1. С. 22–24.
- ²² Сталин И.В. Соч.: В 18 т. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 119–147 [Электронный ресурс] // Библиотека Михаила Грачева. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t14/t14_40.htm (дата обращения: 10.11.2016).
- ²³ Дамаскин (Орловский), игум. Дела по обвинению духовенства и верующих Московской епархии в архивном фонде УКГБ по г. Москве и Московской области // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 67–73.

Влияние Петра Скарги на православную традицию жития римского папы Льва Великого

В статье рассматриваются исторические и легендарные подробности деяний римского папы Льва Великого (понтифик в 440–461 гг.), отраженные в агиографическом сочинении видного польского католического духовного писателя Петра Скарги (1536–1612). Показано, что составленное Скаргой житие понтифика, во-первых, стало источником старо-белорусского перевода, сохранившегося в рукописи Библиотеки Академии наук Литвы им. Врублевских в Вильнюсе (1669). Во-вторых, труд Скарги был использован Димитрием Ростовским при написании первого пространного восточнославянского жития папы Льва, изданного в Киеве в 1695 г. в составе «Житий святых».

Ключевые слова: Лев Великий, Петр Скарга, Димитрий Ростовский, агиография, жития святых.

В XVII в. в славянской кириллической книжности впервые появляются подробные агиографические сказания о жизни и деяниях римского папы Льва I Великого (440–461) – выдающегося первоиерарха латинской Церкви, канонизированного как в католической, так и в православной традициях и почитаемого как первый богослов на римской кафедре и искусный дипломат своего времени¹.

Отсутствие на протяжении предшествующих столетий пространного славянского жития понтифика объяснимо. У православных славян культ папы Льва, зафиксированный в месяцесловах и памятниках гимнографии, еще в XI–XII вв. наследуется из Византии², но такой важный атрибут культа понтифика, как житие, не был распространен у греков. Анонимное греческое житие понтифика известно в единственной рукописи³; оно не содержит значимых

исторических подробностей и занимательных перипетий сюжета⁴ и, по-видимому, никогда не переводилось на славянский язык. На протяжении столетий в славянской книжной традиции, в отличие от латинской, существовало только лаконичное житие папы Льва в составе Пролога (под 18 февраля)⁵, где также отсутствуют исторические детали⁶.

Впервые в исследовательской литературе подробное агиографическое сказание о папе Льве упомянуто Ф.Н. Добрянским, засвидетельствовавшим наличие такого жития в кодексе февральской Минеи четъей, переписанной старобелорусской скорописью в 1669 г. в Богоявленском Кутеинском монастыре в Орше по распоряжению игумена Иова Молочки⁷. Автор описания не уточнял, что в кодексе представлен перевод с польского языка, однако мои наблюдения над этой рукописью, хранящейся ныне в Библиотеке Академии наук Литвы им. Врублевских в Вильнюсе (*Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka*, далее LMAVB)⁸, показали, что находящееся в ее составе житие папы Льва представляет собой сокращенный перевод из популярного агиографического свода⁹ Петра Скарги (1536–1612) – видного деятеля католической церкви в Речи Посполитой, плодовитого духовного писателя, ученого иезуита и первого ректора Виленской академии и университета Общества Иисуса, сыгравшего значимую роль в ходе движения контрреформации и католических реформ при короле Сигизмунде III Ваза (1566–1632)¹⁰. Уже начало жития не оставляет в этом сомнений: если в начале агиографического сказания Скарги при описании происхождения папы Льва сказано «Leon z narodu Włoskiego, z ousa Kuincyana, z młodości w nauce i cnotach Chrześcijańskich wuchowany...»¹¹, то в рукописи Кутеинского монастыря говорится буквально то же: «Леонтий з народу влоского з *отца* ѿвинтияна з молодости в науце и цнотах хрестиянских выхований...»¹².

В агиографическом сборнике Скарги житие Льва Великого («*Żywot ś. Leona Wielkiego Papieża*») помещено под 11 апреля – днем, когда память папы отмечалась в традиции римско-католической церкви. Житийное повествование, в начале которого агиограф описывает понтифика как выдающегося духовного лидера, церковного администратора и проповедника, отличавшегося, согласно Скарге, также личным бесстрашием, состоит из нескольких эпизодов. Эти эпизоды, начинающиеся с описания дипломатических успехов будущего понтифика в Галлии, куда он был направлен в 440 г. как представитель папы Сикста III для прекращения конфликта между командующим римской армией Аэцием и префектом Альбином¹³ (которых Скарга описывает как «*wielkich hetmánow*»), также включают описание дипломатической победы папы Льва

над «прозванным бичом Божиим» Атилиой (452) вследствие возникшего у «короля» гуннов видения угрожающих ему с небес апостолов Петра и Павла. Затем следует изложение исторических обстоятельств, сопутствовавших организации и проведению IV Вселенского собора в Халкидоне, а также утверждению на нем послания папы Льва в качестве официальной доктрины (451).

Это центральная и наиболее обширная часть жития. При ее составлении Скарга, возможно, пользовался латинским жизнеописанием папы Льва, приписываемым Анастасию Библиотекарию и вошедшим в свод житий римских пап, известным в средневековой рукописной традиции как «Gesta Pontificum Romanorum»¹⁴. Далее агиограф рассказывает о захвате Рима войсками вандалов Гейзериха (455) и кончине Льва Великого (461), причем включает сюда легенду об отпущении грехов папе апостолом Петром (видимо, используя латинский перевод «Лука духовного» Иоанна Мосха, первое издание которого под названием «Vitarum Sanctorum Patrum» вышло в Риме в 1558 г.¹⁵ и могло быть доступно Скарге). Завершается житие перечислением имен троих канонизированных католической церковью исторических лиц, которых папа Лев, по утверждению агиографа, любил и с которыми поддерживал добрые отношения («kochał i towarzysko z nimi żył»): Проспера Аквитанского (ок. 390–455)¹⁶; Павлина Ноланского (ок. 353–431, еп. Нолы ок. 410)¹⁷ и Мамерта Вьенского (еп. Вьена близ Лиона, ок. 461–475; Скарга его называет «Mamerk»)¹⁸. Затем к житию приложены выписки и цитаты из ключевых, по мнению Скарги, богословских положений папы Льва, извлеченные из его проповедей и посланий.

Даже комбинируя сведения о событиях разных лет в ущерб хронологии и опуская даты, составитель польского жития действовал как историк не в меньшей степени, чем как богослов и литератор, причем выполнил сочинение на высоком для своего времени источниковедческом уровне. Об этом свидетельствует характер оформления издания «Żywotów świętych», традиционный для латинских ученых книг XVI в.: тексты житий (и папы Льва в том числе) помещены в рамку, за границы которой на полях страниц вынесены многочисленные примечания и ссылки на источники. Из этих комментариев видно, что при создании жития Скарга опирался на акты IV Вселенского собора и письма папы Льва (очевидно, агиограф пользовался их латинскими текстами); а в комментарии к пассажу, истолковывающему переписку папы Льва и константинопольского патриарха Анатолия по вопросу о римском примате во Вселенской церкви (где, как подчеркивает католический писатель, папа Лев проявил глубокую мудрость церковного политика, сохранившего мир между церквями Востока и Запада), Скарга ссылает-

ся и на собственное сочинение по вопросу о единстве христианской Церкви, опубликованное незадолго до первого издания его свода житий в княжеской типографии Радзивиллов в Вильно¹⁹. Примечательно, что некоторые из источников, использованных Скаргой, привлекались и в другом крупном труде католического историка Церкви, опубликованном примерно в то же время, – 12-томном своде «*Annales ecclesiastici*» Цезаря Барония (1538–1607), впервые изданном в Риме на латинском языке в 1588–1607 г. Событиям периода понтификата папы Льва, описанным у Барония гораздо подробнее, чем у Скарги, в этом своде уделена значительная часть VI тома, вышедшего в свет в 1595 г., на три года позднее третьего издания «*Żywotów świętych*».

Примечательны не только отмеченный выше факт включения в кутеинскую Минею перевода жития папы Льва на старобелорусский язык, но и то обстоятельство, что ее составитель провел специальную работу по организации текста: если в издании Скарги житие папы Льва в соответствии с традицией римско-католической церкви помещено под 11 апреля, то в старобелорусской рукописи – под традиционным для православных днем памяти понтифика 18 февраля. При этом перевод по сравнению с оригиналом существенно сокращен: опущены комментарии Петра Скарги, его ссылки на источники и примечания, а также состоявшееся из цитат из сочинений папы Льва приложение.

В целом распространение переводов агиографического свода Скарги на территории Великого княжества Литовского, преимущественно в XVII в., еще в первой четверти XX в. послужило предметом исследования Н.К. Гудзия, писавшего о «широкой и продолжительной популярности книги Скарги в юго-западной литературе»²⁰. Уже в нынешнем столетии обстоятельное изучение распространения и бытования переложений «*Żywotów świętych*» предпринял Ф. Томсон²¹, в отношении переводного жития папы Льва отметивший, помимо кутеинской Минеи, присутствие памятника еще в двух кодексах XVII в.: утраченного ныне списка Могилевской духовной семинарии²² и Синодального собрания ГИМ²³.

Примерно спустя столетие после Петра Скарги и через четверть века после появления кодекса со старобелорусским переводом польского свода житий в Кутеинском монастыре, в 540 верстах от него, в Киеве, было составлено и издано новое пространное восточнославянское житие папы Льва I²⁴, выдержавшее впоследствии ряд переизданий. Оно появилось благодаря знаменитому труду митр. Димитрия Ростовского (1651–1709)²⁵, причем в начале составленного им жития папа Лев впервые в славянской книжности охарактеризован как «Великий С(вя)титель и Пастырь Б(о)жїя

Ц(е)ркве». О составе и источниках этого жития (за исключением труда Скарги) мне уже приходилось вкратце писать²⁶. В целом влияние агиографических сочинений Петра Скарги на труд Димитрия Ростовского подробно рассматривалось Л.А. Янковской²⁷, выявившей, в частности, что три издания «Zywotów świętych» (1619, 1626 и 1700 гг.) из библиотеки ростовского митрополита ныне хранятся в РГАДА, и исследовавшей владельческие пометы в них. Она также заметила, что определить источники ряда житий затруднительно ввиду стилистической однородности, характерной для труда украинского агиографа.

В житии папы Льва Димитрий Ростовский, как и Скарга, использовал легенду об Аттиле, причем, как и польский предшественник, переставил местами сведения об исторических событиях, разделенных одним годом (451–452): после рассказа о встрече папы Льва с Аттилой и устршении вождя гуннов следует описание событий на IV Вселенском соборе в Халкидоне. Затем Димитрий Ростовский изложил сказания о папе Льве из «Луга духовного» (видимо, известные ему по изданному Спиридоном Соболем сборнику святоотеческих рассказов «Лимонарь, сиречь Цветник», датированному печатником 1628 г.). Налицо сходство сюжетной композиции в польском и восточнославянском житиях, но текстологической близости в них не наблюдается. Димитрий Ростовский явно самостоятельно проанализировал и пересказал доступные ему источники частей жития, составленного Скаргой. Преимущество и влияние здесь очевидны, однако все же Димитрий Ростовский в работе над житием папы Льва действовал и как духовный писатель, и одновременно как источниковед, осуществивший новацию в православной агиографии.

Примечания

- ¹ Историография вопроса весьма обширна, среди важнейших работ: *Jalland T.* Life and Times of St. Leo the Great. N.Y., 1941; *Klinkenberg H.M.* Papsttum und Reichskirche bei Leo d. Gr. // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung.* 1952. Bd. 38. S. 37–112; *Ullmann W.* Leo I and the Theme of Papal Primacy // *Journal of Theological Studies* [далее – JTS]. 1960. Vol. 11 (Pt. 1). P. 25–51; *Wessel S.* Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome. Leiden, 2008.
- ² Подробнее об этом см.: *Полонский Д.Г.* Почитание римского папы Льва I Великого в южно- и восточнославянской традициях XII–XVII вв. // *Славяноведение.* 2016. № 2. С. 82–88; *Он же.* Церковная политика и доктрина папы римского Льва Великого в славянских источниках XII–XVII веков // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2016. № 1. С. 242–254.

- ³ Издание: *Van de Vorst C. La vie grecque de s. Léon // Analecta Bollandiana. 1910. Т. 29. P. 400–408.*
- ⁴ Ср. краткий комментированный пересказ: *Neil B. Leo the Great. L.; N.Y., 2009. P. 3–4.*
- ⁵ Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам; Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. 1. М., 2010. С. LXVIII, 774.
- ⁶ В рукописной традиции проложное житие папы Льва воспроизводилось неоднократно, например, в списках: РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 157. Л. 139 об. (первая половина XIV в., датировка А.А. Турилова); Там же. № 166. Л. 165–165об. (конец XIV – начало XV в., датировка его же); БАН. № 17.11.4. Л. 139–139об. (конец XIV – начало XV в.) и др.
- ⁷ *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. № 82(9). С. 131 (краткое описание и датировка на основании выходной записи); филиграни: Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог / Сост. Н. Морозова. Vilnius, 2008. С. 32.
- ⁸ LMAVB. F-19. № 82. Л. 403об. – 406.
- ⁹ Для рассмотрения этого жития я обращался к третьему изданию свода житий П. Скарги (всего при жизни писателя их вышло восемь), первое (Вильно, 1579) и второе (Краков, 1585) не были мне доступны. Житие папы Льва в третьем издании: *Skarga P. Żywoty świętych Starego y Nowego zakonu na każdy dzień przez cały rok wybrane z poważnych Pisarzów y Doktorów [...]. W Krakowie, 1592. S. 311–315.* Цитаты далее приводятся по этому изданию.
- ¹⁰ О нем, с указанием библиографии: *Domaradzki T.F. Skarga, Piotr // The New Catholic Encyclopedia [далее – NCE]. Vol. 13. Washington, 2003. P. 199–200.*
- ¹¹ *Skarga P. Żywoty świętych... S. 311.*
- ¹² LMAVB. F-19. № 82. Л. 403об. Ошибка белорусского писца в имени «овинтиян» (в рукописи – со строчной буквы), передающего польское «Kuincyap», объяснима: в краковском издании 1592 г., выполненном готическим шрифтом, буква «К» визуалью схожа с «О», которую писец, видимо, решил передать как «о».
- ¹³ Об этом: *Wessel S. Op. cit. P. 36–38.*
- ¹⁴ Первое издание свода, включающее житие папы Льва, вышло в Майнце только в начале XVII в.: [*Anastasius... Bibliothecarius*]. *Historia, De Vitis Romanorum Pontificum... Moguntiae, 1602. P. 37–38.* Очевидно, поэтому Скарга если и пользовался сводом как источником, должен был использовать неизвестный нам манускрипт. Впоследствии свод стал известен как «Liber Pontificalis»: *Noble T. F. X. Liber Pontificalis // NCE. Washington, 2003. Vol. 8. P. 535.*
- ¹⁵ *Chadwick H. John Moschus and his friend Sophronius the Sophist // JTS. 1974. Vol. 25 (Pt. 1). P. 41.*
- ¹⁶ О нем и его богословских воззрениях: *Hwang A. Intrepid Lover of Perfect Grace: The Life and Thought of Prosper of Aquitaine. Washington, 2009. XIV, 267 p.*; о служебных и творческих отношениях Проспера и папы Льва: *James N.W. Leo the Great and Prosper of Aquitaine: A fifth century pope and his adviser // The Journal of Theological Studies. 1993. Vol. 44 (Pt. 2). P. 554–584.*
- ¹⁷ О нем см.: *Trout D.E. Paulinus of Nola : Life, Letters, and Poems. Berkeley, 1999; Conybeare C. Paulinus Noster: Self and symbols in the letters of Paulinus of Nola. N.Y., 2000.*

- ¹⁸ *McCarthy M.C.* Mamertus of Vienne, St. // NCE. Vol. 9. P. 84–85.
- ¹⁹ *Skarga P.* О jedności Kościoła Bożego pod jednym Pasterzem i o greckim od tej jedności odstąpieniu z Przestroga у upominanim do Narodow Ruskich przy Grekach stojących... Wilno, 1577. Сочинение неоднократно переиздавалось.
- ²⁰ *Гудзий Н.К.* Переводы «Żywotów świętych» Петра Скарги в Юго-Западной Руси. Киев, 1917. С. 37. Вслед за Н.К. Гудзием присутствие «70–80 статей», переведенных из книги Скарги, отмечал в рукописи LMAVB. F-19. № 82 также Е.Ф. Карский: *Карский Е.Ф.* Белорусы. Пг., 1921. Т. 3. [Ч.] 2. С. 45.
- ²¹ *Thomson F.* The Popularity of Peter Skarga's 'Lives of the Saints' among the East Slavs // For East is East. Liber amicorum Wojciech Skalmowski / Ed. by T. Soldatjenkova, E. Waegemans. Leuven; P.; Dudley (MA), 2003. P. 119–149. Сердечно благодарю С.Ю. Темчина (Институт литовского языка, Вильнюс), указавшего мне эту работу.
- ²² *Thomson F.* Op. cit. P. 136. Этот кодекс, местонахождение которого теперь неизвестно, упоминался и ранее: *Гудзий Н.К.* Указ. соч. С. 24–27; *Карский Е.Ф.* Указ. соч. С. 45.
- ²³ ГИМ. Син. № 752. Л. 549: *Thomson F.* Op. cit. P. 138–139. Ср. *Гудзий Н.К.* Указ. соч. С. 29–30, 73–77.
- ²⁴ Жития святых. [Т. 2]: Декабрь–февраль Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1695. Л. 707–709.
- ²⁵ Об обстоятельствах работы Дмитрия Ростовского над составлением житий святых см.: *Шляткин И.А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 236–258.
- ²⁶ *Полонский Д.Г.* Почитание римского папы Льва I Великого... С. 85–86.
- ²⁷ *Jankowska L.* Recesja “Żywotów świętych” ks. Piotra Skargi TJ w twórczości św. Dymitra z Rostowa // Acta Universitatis Lodziensis. Folia litteraria polonica. 2013. T. 3. Nr. 21. S. 297–315.

А.Ю. Самарин

П.К. Симони об объекте и методах исследования книги

Статья посвящена двум неопубликованным при жизни автора статьям члена-корреспондента АН СССР П.К. Симони (1859–1939). В них он выступил как теоретик книговедения, определяя как объект исследования конкретный экземпляр издательской продукции в многообразии его вариантов. П.К. Симони поставил проблемы сохранения книги как аутентичного памятника культуры, исследования листовых изданий и не вышедших из печати книг, использования поэкземплярного метода изучения книги.

Ключевые слова: П.К. Симони, книговедение, метод поэкземплярного изучения книги, варианты издания, дефектные издания, листовые издания, невыпущенные в свет издания.

Член-корреспондент АН СССР Павел Константинович Симони (1859–1939) получил известность как филолог, собиратель и издатель фольклора, специалист в области палеографии и вспомогательных исторических дисциплин, библиограф, историк книги и книжной торговли. Составленная недавно его полная библиография¹ включает более 100 опубликованных работ².

По словам одного из биографов ученого, «книга и ее окружение были преобладающими рефлексамии в жизни П.К. Симони, а проблемы ее истории, создания и распространения – жизненной доминантой, определившей всю его творческую направленность»³. Труды ученого посвящены конкретным и, как правило, малоисследованным темам, например истории техники переплетного дела. Именно поэтому они сохраняют непреходящее научное значение.

Не все научные замыслы П.К. Симони были доведены до завершения, многие из его работ остались неопубликованными. Личный архив исследователя рассредоточен по нескольким хранилищам: это отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ),

это отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), Российский государственный архив литературы и искусств, отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Изучение его материалов показывает, что П.К. Симони одним из первых в отечественном книговедении поставил вопрос о необходимости поэкземплярного изучения памятников книжной культуры⁴. Данной проблеме, в частности, посвящена статья «Книжные дефекты и положение исследовательской работы над книгой». Она датируется октябрём 1928 г. В ней учёный проанализировал различные изменения, вносимые в часть тиража издания самими издателями, цензурой, книготорговцами, а также владельцами-библиофилами в свои экземпляры. Недавно она была впервые опубликована⁵ на основе рукописного оригинала из архивного фонда П.К. Симони в отделе рукописей РГБ (ОР РГБ. Ф. 362. Карт. 6. Ед. хр. 30) и машинописной беловой рукописи с небольшой правкой, отложившейся в личном архиве известного издателя, директора знаменитого издательства «Academia», книговеда А.А. Кроленко (1889–1970) в отделе рукописей РНБ (ОР РНБ. Ф. 1120. Ед. хр. 554).

В этой статье П.К. Симони ставит проблему сохранения книги в аутентичном виде как памятника, характеризующего свою эпоху: «Вообще с точки зрения науки и научного исследования книги никак нельзя согласиться и допускать любительских замашек и обычаев пополнять и украшать экземпляры наивно любительской отсебятиной и тем более, что любители или забывают, или, желая мистифицировать своих клиентов и почитателей их собраний, не отмечают на прибавках откуда они взяли то или другое приложение. Так называемые “охотничьи”, т. е. любительские экземпляры книг и старопечатных и книг граж<данской> печати с точки зрения всякой книжной науки должны быть осуждены раз <и> навсегда. Это вредная любительская затея. Любитель-“охотник”, книжный эстет покупает (благодаря избытку средств) несколько экземпляров одного и того же издания книги и по своему вкусу и усмотрению вырезает, выстригает или выклеивает не угодившие его вкусу отдельные тетради, листы, гравюры или даже отдельные места и заменяет их, вставляя таковые из других экземпляров более удовлетворивших его «изысканный» охотничий вкус. Это заведомая порча и безнадежная утрата документальных данных для истории книги и книговедения вообще. Это, одним словом, должно быть осуждено самым строгим образом. Вообще в наше время при массовой гибели и утратах старой книги, пора бы возбудить вопрос о праве книги на существование как непреложного памятника культуры своей эпохи»⁶.

Схожие мысли об осуждении изъятий или дополнений, способствующих «невознаградимой гибели того законного исторического вида и состава книги, который был придан ей ее творцами – автором, издателем, печатником, иллюстраторами и даже переплетчиками или картонажниками», высказывались П.К. Симони в статье о библиотеке П.В. Шапове, изданной в 1929 г.⁷

П.К. Симони констатирует, что по различным причинам встречается иногда значительная разница в экземплярах, казалось бы, одного издания: «В одном и том же издании, одного и того же года (выхода) бывают и разницы в шрифтах на одном и том же месте одной и той же страницы: или страница, лист закончен и отпечатан одним шрифтом, а с 1-ой же строки новой страницы, листа пошел другой шрифт. Надо решить, какая причина несходства: перешло ли печатание в другую типографию (и там уже заканчивалось издание книги), что, во всяком случае, причина законная, особенно, если текст в разн<ых> экземплярах и разными шрифтами набранный тождествен со стороны смысла. Но бывает и хуже, в книгах в одном экземпляре смысл текста один, а в другом – иначе: случаются пропуски целых абзацев, отдельных строк с переиначенным и даже не всегда логически-здравым смыслом. Это мы имеем дело с преступным фактом – “подпечаткою”, т. е. со своевольным, без участия и ведома автора и владельцев типографии, даже метранпажа. Недобросовестные типографские наборщики и их всякого рода помощники копят макулатурные листы, а всякую недостачу пополняют собственным умом, лишь бы как-нибудь покрыть недостачу в книге и чтобы листы сошлись. Такие экземпляры, даже иногда в значительном числе экземпляров у мелких букинистов и уличных торговцев «с рук» предлагаются за дешево неприхотливым покупателям, иногда даже без печатн<ых> обложек. Но книга без глаз, и затем странствует и попадает иногда даже в большое ответственное книгохранилище»⁸.

Именно наличие разнообразных вариантов одного и того же старопечатного или современного издания диктует, по мысли П.К. Симони, необходимость исследования как можно большего числа экземпляров. В выводах своей статьи он констатирует: «В прежнее время наши библиографы и описатели книг высказывали свои суждения о книгах и их содержании, изучая данное сочинение по одному только экземпляру, попавшему им в руки. Более сознательный книговед, особенно, исследователь “книжной истории” не может замкнуться в изучении одного единичного только экземпляра данной книги, а обязан сравнивать во всех отношениях свой экземпляр хотя бы с несколькими экземплярами в собраниях своих коллег. Если нельзя видеть и изучить и другие экземпляры,

наприм<ер>, хранящиеся в других городах, можно заказывать снимки разных интересующих мест книги и сравнивать с своим экземпляром»⁹.

Декларируемый П.К. Симони подход нашел свое воплощение спустя несколько десятилетий. Его активно внедрял в жизнь, например, знаменитый исследователь славянской раннепечатной книги Е.Л. Немировский. «Суть моей методики состояла в том, чтобы выявить все упоминания о конкретных экземплярах этих изданий, а затем проследить их историю, выяснить, где они находятся сейчас и, наконец, познакомиться с ними», – отмечает он в своих воспоминаниях¹⁰.

П.К. Симони предвосхитил ставшую повсеместной во второй половине XX – начале XXI в. практику подробного изучения всех экземпляров славянских старопечатных книг кирилловской печати, а также книг гражданской печати XVIII – первой трети XIX в. Именно такой подход принят сегодня при организации государственного учета и регистрации книжных памятников¹¹.

Среди неопубликованных трудов П.К. Симони имеется и статья «Несколько слов “на память” о “листах” и “недопечатанных” книгах»¹². Она представляет собой черновой автограф, который судя по тому, что в нем имеются дата написания (1 декабря 1928 г.) и почтовый адрес автора, был предназначен для копирования на печатной машинке и отправке в какую-то редакцию. Первые три из восьми листов имеются и в машинописном варианте. Судя по всему, статья создавалась одновременно с работой, посвященной книжным дефектам и тематически продолжает ее.

Целью статьи П.К. Симони определяет обратить внимание на те произведения, выходявшие из-под печатного станка, «коим вполне можно придать наименование “изгоев” печати»¹³.

П.К. Симони пишет: «Существует между прочим два рода книг не вызвавших к себе симпатий и внимания ни у людей литературного склада, ни у обыденного читателя, да и хранители книжных богатств в наших библиотеках очень равнодушны к ним, если не прямо против них настроены бывают. Не любят держать их в своих лавках и книготорговцы, и даже антиквары. Их можно находить изредка лишь в частных коллекциях иных наших библиофилов.

Я разумею здесь 1) “листы”, “летучие” листы, летучки, листочки и “листочки” (тетрадки объемом не более 1–2 1/2 печатного листа) и 2) “недопечатанные” книги объемом подчас во много листов и даже частей или томов; значит одни отпечатанные или так называемые в типографиях “чистые” листы, сфальцованные, но не сшитые, по большей части без шмуцтитолов, заглавных листов, предисловий, указателей и т<ому> под<обного> и, конечно,

без обложек печатных. По какому-либо внешнему случаю листы остались в типографии, не имея так сказать “вида на жительство” на белом свете и вот им не суждено выйти за порог типографии и стать обыкновенными правомочными печатными изданиями. Их ожидает “торговая казнь”, ошельмование – уничтожение разными способами (на перемол на писчебумажную фабрику, для завертки товаров, оклейку комнат на обои и т. п.). Грустно, что все издание, т. е. “весь завод” – уничтожается бесследно, а иногда автор положил чуть не всю жизнь на свой труд, а в наших книгохранилищах не остается и малейшего следа о труде целой жизни»¹⁴.

Ученый отметил, что листовые издания были предметом интереса целого ряда известных ученых, библиографов, коллекционеров. Он называет имена Г.Н. Геннади, М.Н. Лонгинова, С.А. Соболевского, И.Е. Забелина, Д.А. Ровинского, П.А. Ефремова, Н.П. Лихачева. Говоря о значении такого рода изданий, П.К. Симони пишет: «Наши рукописные листы-летучки ведут свое начало еще с конца XV стол<етия>. Они были “лицевые”, т. е. иллюстрированные, или только один текст без изображений, и те и другие перешли потом в печатные и литографированные листы и образнообразились и применились к новым условиям культурной жизни. Общая численность листов чрезвычайно велика. До того, что всего подсчета нет возможности сделать, т. к. ни полного набора их никто никогда не пытался сделать, ни правительственные, ни частные собрания и библиотеки не находили нужным приложить к этому свой труд»¹⁵. Вслед за Г.Н. Геннади П.К. Симони перечисляет некоторые виды летучих, листовых изданий: «летучие листки, афиши, объявления, программы, мелкие брошюры, старинные театральные пьесы, стихотворения и речи на разные случаи, описания торжеств, наконец, оттиски журнальных статей, часто отпечатанных в небольшом числе»¹⁶.

Указывает П.К. Симони и на значение листовых изданий своего времени: «Ныне в XX веке в век Революции мы также присутствуем при небережии и уничтожении даже революционных летучек и листков и во всяком случае полной коллекции их мы нигде не видим. Все, по-видимому, от того, что нет распоряжения их собирать, а в хранилища от типографий и ведомств, если они и поступали, но далеко не все попали в музеи и библиотеки и сбереглись донныне»¹⁷.

Другой вид печатной продукции, прошедший мимо библиографического учета, по мнению П.К. Симони, книги, не получившие законченного полиграфического оформления. «Еще хуже обстояло и обстоит дело с не допечатанными книгами или так или иначе не выпущенными из типографий. На них и Геннади не обратил

должного внимания и не придавал им значения. Между тем еще с XVIII и XIX столетий можно уследить, что книги печатались, но не всегда заканчивались печатанием и поступали исправно в книгохранилища», – пишет он¹⁸.

Исследователь приводит целый ряд примеров таких не вышедших в свет изданий. В частности, труды академика А.А. Куника¹⁹. Он выдвигает идею своеобразного обязательного экземпляра для таких книг, которые, по его мнению, необходимо отправлять в Государственную публичную библиотеку и Библиотеку Академии наук в Ленинграде, в Публичную библиотеку СССР им. В.И. Ленина и Институт Ленина в Москве²⁰.

Стоит отметить, что идеи П.К. Симони о библиографическом учете листовых изданий и не выпущенных в свет книг остается актуальной и сегодня. Ведь, например, при составлении «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» прямо указывалось, что к книгам «отнесены издания, имеющие 5 и более страниц текста. Листовой материал в Сводном каталоге не представлен»²¹.

Таким образом, книговедческие статьи П.К. Симони, относящиеся к 1928 г. и неопубликованные при его жизни, позволяют говорить о том, что их автор предвосхитил ряд важных направлений современных исследований в сфере истории книги. Фактически он определяет в качестве объекта книговедческого исследования конкретный экземпляр издания со всеми полученными им при создании и бытовании характеристиками. «Пересмотр наших книгохранилищ и более детальное и всестороннее обследование и, наконец, изучение книг в их внешней и внутренней истории, далее изучение всех обстоятельств, сопровождающих жизнь книги от ее появления до наших дней. Все это не пустые задачи, а сравнительное разрешение их в будущем сулит нам приятные перспективы и облегчит исторические исследования и приблизит нас к самой книге, т. е. ее идее и законам внешнего проявления руководящей Автором-книжным творцом – идее», – заключает он свою статью о книжных дефектах и способах исследования книги²².

Исходя из этого он настаивает на необходимости сохранения экземпляров книг в качестве аутентичных памятников культуры. Данный подход получил развитие в трудах ученых, определяющих подходы к выделению книжных памятников²³, соотношению понятий «книжный памятник» и «редкая книга»²⁴. Он реализуется в последние годы в рамках государственных программ по сохранению и описанию книжных памятников, действующих ранее²⁵ и актуальных в настоящее время²⁶.

П.К. Симони также принадлежат идеи о необходимости широкого внедрения метода поэкземплярного изучения книги прошлого, внимательном отношении к вариантам изданий, библиографировании и изучении «малых форм» печатной продукции, в частности листовых изданий, а также не вышедших в свет книг. Все это позволяет считать П.К. Симони не только ученым, занимавшимся изучением конкретных тем в истории книги, но и оригинальным теоретиком историко-книговедческих исследований.

Примечания

- ¹ *Самарин А.Ю.* О подготовке библиографии члена-корреспондента АН СССР П.К. Симони // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова: Годичная научная конференция (2016). М., 2016. С. 270–272.
- ² *Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И.* Павел Константинович Симони (1859–1939): материалы к биобиблиографии // Библиография. 2016. № 3. С. 84–109.
- ³ *Машенцева Л.П.* П.К. Симони – библиограф и книговед // Меняющийся мир и образование в духе мира и ненасилия: Тезисы докладов Международной научной конференции, 17–22 мая 1993 г. Самара, 1993. С. 174.
- ⁴ *Самарин А.Ю.* П.К. Симони о поэкземплярном изучении книги: по материалам личного архива // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии: Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М.: РГГУ, 2012. С. 459–462.
- ⁵ *Симони П.К.* Книжные дефекты и положение исследовательской работы над книгой / Публ. и вступ. ст. А.Ю. Самарина // Про книги: журнал библиофила. 2014. № 4. С. 87–95.
- ⁶ Там же. С. 92.
- ⁷ *Симони П.К.* Московский библиофил П.В. Шапов: 1848–1888 // Альманах библиофила. Л., 1929. С. 240–241.
- ⁸ *Симони П.К.* Книжные дефекты... С. 95.
- ⁹ Там же. С. 94.
- ¹⁰ Евгений Львович Немировский: Страницы воспоминаний: Автобиобиблиография: К 80-летию со дня рождения. М., 2005. С. 62.
- ¹¹ *Карпова И.Л., Руденко И.А.* К проблеме описания экземпляров для Общероссийского свода книжных памятников // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Архангельск, 2010. Вып. 5. С. 19–24.
- ¹² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 362: П.К. Симони. Карт. 6. Ед. хр. 27.
- ¹³ Там же. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 1–2.
- ¹⁵ Там же. Л. 2.

- ¹⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 362: П.К. Симо-ни. Карт. 6. Ед. хр. 27. Л. 3.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 8.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1962. Т. 1: А–И. С. 4.
- ²² *Симони П.К.* Книжные дефекты... С. 95.
- ²³ *Яцунок Е.И.* Книжные памятники в культурном наследии России: современное состояние проблемы. М.: Пашков дом, 2008.
- ²⁴ *Самарин А.Ю.* О редких книгах и книжных памятниках. М.: Пашков дом, 2014.
- ²⁵ *Самарин А.Ю.* Подпрограмма «Книжные памятники Российской Федерации» в 2000–2010 гг.: задачи и достижения // Справочник руководителя учреждения культуры. 2010. № 8. С. 80–89.
- ²⁶ Основные направления развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011–2020 годы / Т.Л. Манилова, С.А. Добрушина, А.Ю. Самарин, И.П. Тикунова, И.Г. Пестерева, М.В. Дьяченко, Т.Я. Кузнецова, Е.А. Ястржембская, Н.И. Хахалева, Н.А. Щербачева // Информационный бюллетень РБА. 2012. № 62. С. 92–113.

Неврученная награда: Сталинская премия в области исторических наук за 1952 г.

Статья, написанная на основе комплекса документов Российского государственного архива новейшей истории, посвящена описанию и анализу внутреннего процесса присуждения Сталинской премии за 1952 г. Рассматриваются механизмы принятия решений, идеологическая подоплека отбора книг вероятных лауреатов. Невручение Сталинской премии оценивается как элемент общего процесса постепенной десталинизации.

Ключевые слова: советская историческая наука, Сталинская премия, идеология, десталинизация.

Сталинская премия, учрежденная в 1939 г., до самой смерти Сталина считалась главной наградой Советского Союза в области науки и искусства. Ее получение являлось символом успеха и признания властью. Непосредственная связь с «вождем» ставила эту премию в особое положение, придавала ей своеобразный статус награды от самого Сталина, который лично принимал участие в отборе конкурсных заявок. Механизм присуждения был следующим. Выдвинутые работы рассматривал Комитет по Сталинским премиям, куда входили крупные деятели партии, искусств и науки. Комитет мог выделить секции в соответствии с научной специализацией и жанровыми особенностями¹. Решение Комитета направлялось в Отдел агитации и пропаганды, где высказывались дополнительные соображения. Затем списки с краткими аннотациями рассылались членам Политбюро и Совета министров, которые высказывали свои соображения.

Присуждение премии носило ярко выраженный политический характер. Книги, получившие премию, как правило, образовывали достаточно отчетливую идеологическую линию. Об этом

свидетельствует и К.М. Симонов: «Анализируя книги, которые он [Сталин. – В. Т.] в разные годы поддержал, вижу существовавшую у него концепцию современного звучания произведения, концепцию, в конечном счете связанную с ответом на вопрос: “Нужна ли эта книга нам сейчас? Да или нет?” И всякий раз – и за произведениями, получавшими премии, и за идеями о создании произведений о чем-то или о ком-то, произведений, которые впоследствии были обречены, как правило, на премию, стояли сугубо современные политические задачи»². Приведенная цитата касается художественной литературы, но и к научно-историческим трудам ее можно отнести в полной мере.

Поскольку в присуждении непосредственное участие принимал сам Сталин, то исследования, удостоившиеся этой чести, сразу же приобретали статус идеологического ориентира для других ученых и деятелей культуры. Поэтому к претендентам относились внимательно, проверяя их на соответствие актуальным идеологическим веяниям. Впрочем, случались и скандалы, связанные с обнаружением идеологических ошибок в трудах лауреатов. При выборе лауреатов учитывалась не только идеологическая верность выводов, но и научная состоятельность и фундаментальность трудов. Откровенно пропагандистские и недостаточно научно отработанные издания отбраковывались.

Сталинская премия являлась важнейшим инструментом утверждения идеологических ориентиров. Между тем изучение ее истории, механизмов вручения и места в истории советской культуры и науки только начинается³.

В Российском государственном архиве новейшей истории в фондах Политбюро КПСС отложился комплекс материалов, связанных со Сталинской премией. Они позволяют увидеть внутреннюю кухню работы Комитета по Сталинским премиям и роль различных властных инстанций и конкретных людей. Кроме того, в фонде Отдела науки и культуры ЦК КПСС можно найти документы, освещающие процесс присуждения премии⁴.

Особый интерес представляет наградная кампания 1953 г., когда решалось, кому вручать премии за 1952 г. Ее уникальность заключается в том, что она проходила уже после смерти диктатора. Тем самым он уже не мог выступать в роли итогового арбитра. Более того, почти сразу после его смерти в стране начался процесс неофициальной десталинизации, в том числе и в области исторической науки⁵. Конечно же, это не отразилось на присуждении премии. Стоит заранее указать и на то, что впервые Сталинская премия приобрела заметную международную направленность, стремясь превратиться в главную награду мирового коммунисти-

чешского лагеря. Теперь к конкурсу принимались работы иностранных ученых. Главное, чтобы они были опубликованы в СССР и на русском языке.

После работы секции по историческим наукам было предложено ряд кандидатов в лауреаты. Премию первой степени было предложено вручить известному чешскому историку и политику, члену-корреспонденту АН СССР Зденеку Неedly за книгу «История чешского народа» (М., 1951. Т. I: Чехия в древнейшие времена). Как всегда в таких случаях, акцентировалась политическая актуальность издания. Так, писалось в заключении Комитета, автору удалось показать самостоятельность развития местной культуры и ее независимость от римского влияния. Это было важно в связи с продолжающейся борьбой с идеологией итальянских фашистов, где идея мировой миссии Римской империи играла важную роль. Еще большее значение имело то, что в книге доказывалось, что славяне появились на территории Чехии во II тысячелетии до н. э. «Тем самым опровергаются немецкие националистические теории о позднем приходе славян на эти земли»⁶. Но не только победенных фашистов и нацистов разоблачала книга известного чешского историка: «Книга З.Р. Неedly вносит большой вклад в дело разоблачения фальсификаций англо-американской буржуазной историографии о якобы исконной отсталости и неспособности славянских народов создавать и развивать свою собственную культуру»⁷. Таким образом перекидывался мостик между фашистскими и нацистскими теориями и англо-американскими историками.

Положительные отзывы на книгу представили известные советские историки Б.А. Рыбаков и П.Н. Третьяков. Из 37 членов комитета 31 проголосовал за присуждение Сталинской премии I степени.

На премию второй степени Комитет выдвинул книгу «Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в.» (М., 1952) покойного историка К.В. Базилевича (умер в 1950 г.). Монография объявлялась первым марксистским исследованием внешней политики России второй половины XV в. Одновременно она хорошо вписывалась в советский великодержавный нарратив, обосновывающий с точки зрения исторической необходимости права российской державы на вошедшие в нее территории. К.В. Базилевич обозначил три основных вектора внешнеполитической программы Русского централизованного государства: борьба с татарскими ханствами, борьба с Литвой и Польшей за «воссоединение всех земель Руси (русских, украинских и белорусских)» и борьба за приобретение выходов к Балтийскому морю. Иван III был представлен как борец с остатками феодальной

раздробленности, подготовивший условия для активной внешней политики следующего столетия.

Положительные отзывы были предоставлены лауреатами Сталинской премии прошлых лет И.И. Смирновым и Л.А. Никифоровым. Голосование в Комитете также было положительным: за вторую степень проголосовал 31 член комитета из 37⁸.

Кроме того, на премию второй степени была выдвинута книга китайского историка Лю Да-Няня «История американской агрессии в Китае» (русское издание вышло в 1951 г.). В сравнении с предыдущими претендентами на премию книга была небольшой по объему – 154 страниц. Внимание к этому изданию диктовалось сразу двумя факторами. Во-первых, особыми отношениями с КНР как главным союзником в борьбе с капиталистическими странами. Во-вторых, что вытекало из первого, тема разоблачения империалистической американской политики была сверхактуальной. В резолюции комитета приветствовалось то, что автор «последовательно... разоблачает хищническую политику правящих кругов США в отношении Китая...»⁹. Несмотря на идеологическую важность издания, за него свои голоса отдало несколько меньше членов Комитета, чем за предыдущие, – всего 28 из 37. Видимо, сомнения вызвали небольшой объем книги и ее публицистичность.

Наконец, на премию третьей степени была выдвинута книга главы коммунистической партии Таджикистана Б.Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении» (Т. I. М., 1952). По статусу автора и политическому значению книга вполне могла претендовать и на первую премию. Но его стремление выпячивать иранское происхождение таджиков и противопоставлять тем самым их среднеазиатским тюркским народам из других советских среднеазиатских республик, о чем неоднократно докладывалось в ЦК¹⁰, не позволяло дать первую премию, объявив тем самым книгу эталоном. Книга представлялось как фундаментальный обобщающий труд, построенный на марксистско-ленинской методологии. Подчеркивалось, что в издании много внимания уделяется героической борьбе народов Средней Азии с захватчиками и местными угнетателями. В то же время автор вскрывает «глубокие исторические корни дружественных связей народов Средней Азии с великим русским народом и выясняет прогрессивную роль присоединения Средней Азии к России...»¹¹. Это являлось вкладом Б.Г. Гафурова в наполнение конкретными историческими фактами идеологемы «дружбы народов», утвердившейся в СССР в послевоенное время¹².

Но, пожалуй, самым важным было то, что Гафуров обосновывал самобытность таджикской культуры, доказывая, что таджики – не часть иранцев, а самостоятельный этнос. Тем самым отвергались

претензии сторонников «паниранизма» (реальные и мнимые) на включение таджиков в паниранский проект¹³. За присуждение премии проголосовало 34 члена комитета.

Также на премию третьей степени претендовала книга еще одного китайского историка – Ху Шэна – «Агрессия империалистических держав в Китае» (М., 1951). Подчеркивалось, что в монографии американский империализм представлен как самый «опасный враг китайского народа». В книге акцентировалось значение Октябрьской революции, «показавшей китайскому народу путь борьбы с империалистами и давшей ему веру в возможность победы»¹⁴. За присуждение премии свои голоса отдало 30 членов Комитета.

Итак, номинанты были названы. Но у контролирующих органов некоторые из них вызвали сомнения. Особое внимание уделялось иностранным претендентам, поскольку присуждение им Сталинской премии являлось международным делом. Несмотря на большой авторитет в СССР Неедлы, в его книге Отделом науки и культуры ЦК КПСС были обнаружены «серьезные» ошибки: «Книга Неедлы имеет некоторые существенные недостатки. В книге не показан четко процесс складывания классового общества у чешских племен, в некоторых местах книги говорится о приходе в Чехию “слоя господ” извне, об образовании особого “слоя воинов” и т. д. Автор преувеличивает влияние античной римской культуры на экономическое и культурное развитие славянских племен, слабо показывает роль западных славян в ликвидации рабовладельческой Римской империи. В книге недостаточно использованы труды классиков марксизма-ленинизма»¹⁵. Сразу бросается в глаза отсутствие конкретики в критике. Более того, если раньше утверждалось, что Неедлы сумел показать независимость славянской культуры от римской, то теперь утверждалось прямо противоположное. Очевидно, что книгу стремились не награждать любой ценой. Возможно, негативным фоном в вопросе о присуждении премии стал прошедший в Чехословакии в 1952 г. «процесс Рудольфа Сланского», в ходе которого ряд видных коммунистов страны обвинили в связи с лидером Югославии И. Тито и создании «троцкистско-сионистско-титовского заговора». Неедлы по процессу не проходил, но был хорошо знаком со Сланским. Кроме того, Неедлы могли припомнить его положительные отзывы о первом президенте Чехословацкой республики Т. Масарике¹⁶.

В связи с обнаруженными ошибками комитет предложил вручить Неедлы премию второй степени, но Отдел науки и культуры посчитал целесообразным вообще отложить вопрос о присуждении. Также предлагалось отложить награждение двух китайских

историков. На записке стоит подпись главы Отдела А.М. Румянцева, документ датирован 13 июлем 1953 г. Еще одним аргументом, который был озвучен Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву, стало указание на то, что в КНР и Чехословакии есть свои премии¹⁷.

Одновременно шли переговоры с китайскими представителями, поскольку вопрос о вручении/невручении становился болезненным с точки зрения внешней политики. М.А. Сулову было доложено, что китайское посольство, по поручению Отдела пропаганды КПК и МИДа КНР информирует о согласии на присуждение премии Ху Шэну, но предлагает отсрочить вопрос с книгой Лю Да-Няня до следующего года, поскольку в ней обнаружены ошибки и искажение фактов¹⁸.

В итоге Отдел науки и культуры предложил компромиссный вариант, по которому китайским авторам награда не присуждалась «до более широкого ознакомления с работой советской общественности», а Неедлы получал премию второй степени¹⁹.

Но премию так никто и не получил, несмотря на то, что 30 июня 1953 г. на заседании Президиума Совета министров СССР было решено провести присуждение Сталинских премий за 1952 г. Но решение по каким-то причинам не было реализовано. К тому времени уже был подготовлен проект по внедрению нового формата премии. В нем предлагалось ужесточить требования к кандидатам, исключить конфликт интересов при выборе лауреатов, снизить суммы вознаграждений и сократить само количество премий. Решение должен выносить единый комитет (ранее их было два – по науке и изобретательству, а также по искусству). Присуждать премию предлагалось не ежегодно, а раз в три года, тем самым предполагалось награждать научные и художественные труды только после широкого и всестороннего обсуждения²⁰. Возможно, это предложение стало поводом отсрочить очередное награждение на более позднее время. Идею поддержали Н.С. Хрущев, М.А. Сулов и П.Н. Поспелов, изложившие в записке Г.М. Маленкову все эти предложения.

В 1955 г. Президиум ЦК поручил рассмотреть вопрос об учреждении премии имени Владимира Ильича Ленина (Ленинской премии). В этом же году статья о Сталинской премии исчезла из Большой советской энциклопедии²¹. А после XX съезда, на котором произошло развенчание культа личности, судьба Сталинских премий была окончательно решена. Награжденные ею обязаны были обменять знаки и дипломы лауреатов Сталинской премии на аналогичные знаки и дипломы Государственной премии²².

Невручение Сталинской премии за 1952 г. вполне вписывалось в общий процесс десталинизации, начавшийся сразу после смерти

диктатора. Описанный эпизод стал своеобразным символическим завершением сталинской эпохи в советской исторической науке, когда вождь, в том числе и при помощи премий его же имени, определял основные направления исторической политики. Это не значит, что так называемый сталинский исторический нарратив исчез. Наоборот, многие концепции лауреатов Сталинской премии прочно вошли в советскую историческую науку и массовые исторические представления.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 7.
- ² *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 179–180.
- ³ Сталинские премии: две стороны одной медали: Сборник документов и художественно-публицистических материалов. Новосибирск, 2007; *Двоскина Е.* Восьмая симфония Шостаковича и Сталинская премия // Музыкальная академия. 2008. № 2. С. 88–94; *Тихонов В.В.* Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 2. С. 177–185; *Он же.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. М.: СПб.: Нестор-история, 2016. Гл. 11; *Фельдман Д.М., Бит-Юнан Ю.Г.* Сталинские премии Василия Гроссмана: история с библиографией // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 186–223; и др.
- ⁴ Отдел науки ЦК КПСС. 1953–1966: Справочник: (Аннотированные описи). М.: РОССПЭН, 2006. С. 15.
- ⁵ На это указывает ряд исследований: *Рыжковский В.В.* В поисках англо-саксонского феодализма: А.Я. Гуревич и московские медиевисты от позднего сталинизма до ранней «оттепели» // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М.: Архив РАН, 2013. С. 435–440; *Юрганов А.Л.* Первый шаг в десталинизации исторической науки // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. ст. Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 295–306; *Тихонов В.В.* Первые после Сталина: историки и выборы в Академию наук СССР в 1953 г. // Вестник Пермского ун-та. Серия «История». 2016. № 2. С. 108–113.
- ⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 52.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Л. 53.
- ⁹ Там же. Л. 55.
- ¹⁰ Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии // Советская национальная политика: идеология и практики: 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2013. С. 199.

- ¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 56.
- ¹² См.: *Tillett L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969; *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: ДНК, 2009. Гл. 2–3; и др.
- ¹³ О борьбе с паниранизмом при помощи исторической науки см.: *Yilmaz H.* National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. L.; N.Y.: Routledge, 2015. Ch. 5.
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 57.
- ¹⁵ Там же. Л. 85.
- ¹⁶ Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: Документы. В 2 т. Т. 2: 1949–1953 гг. / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 167.
- ¹⁷ Там же. Л. 101.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 406. Л. 5–6.
- ¹⁹ Там же. Ед. хр. 404. Л. 8.
- ²⁰ Как отменяли Сталинские премии: Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР, 1953–1967 гг. / Публ. В.И. Ивкина // Исторический архив. 2013. № 6. С. 8–9.
- ²¹ Там же. С. 5.
- ²² Там же. С. 26–29.

Историография экологической истории Франции XX–XXI вв.

Статья посвящена анализу наиболее известных работ французских историков и исследователей, с которыми связано зарождение и развитие экологической истории во Франции XX–XXI вв. Большое влияние на работы французских ученых и становление экологической истории оказала историческая география, но, как считают французские историки, она и препятствовала развитию экологической истории во Франции. Кроме того, возникало немало дискуссий, связанных с междисциплинарностью, методами, концептами экологической истории среди французских историков. В настоящее время до сих пор остаются некоторые проблемы, но и возникают новые подходы к развитию экологической истории Франции.

Ключевые слова: человек, экология, природа, историческая география, экологическая история, окружающая среда.

В 1929 г. Люсьен Февр и Марк Блок основали школу «Анналов» и постепенно развивали новые области исторического исследования, но ни одна из них, ни все в совокупности не были определены как экологическая история. Их позиции в отношении географической школы отличались, несмотря на то, что они являлись представителями и основателями одной и той же школы «Анналов». Люсьен Февр уважал традиции географической школы, что отразилось и на его работах, например, в книге «Земля и эволюция человечества: географическое введение в историю» он изучал взаимодействие между человеческими обществами и их центрами¹. А Марк Блок критически относился к географической школе, особенно к работам Поля Видаля де ла Блаша, основателя школы исторической географии².

В период «Вторых Анналов» вышел специальный номер «Анналов», посвященный экологии, но в нем не были представ-

лены ни программа экологической истории как нового научного направления, ни предмет исследования, ни методы, в отличие от того, что было разработано в США. Статьи были близки к работам по исторической географии, которые интересовали историков, в частности, из-за ландшафтов и истории деревень³. На работы других французских ученых тоже повлияла историческая география. Например, Ф. Бродель рассматривает исторические процессы с учетом географических факторов. В своей работе «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»⁴ он проанализировал историю на трех уровнях: историческом, географическом и социальном. Его работа «Что такое Франция?» представлена двумя большими книгами: I. Пространство и История (под влиянием географии); II. Люди и Вещи; причем отдельная глава называется «Франция – дитя географии?»⁵. О своем подходе к географии и связи географии с историей автор пишет в труде «Что такое Франция?»: «Для нас география станет способом по новому прочесть, оценить, истолковать прошлое Франции в соответствии, разумеется, с нашими собственными научными интересами. Ведь пространство – реальность не только сегодняшняя, но и – в очень большой степени – вчерашняя. За современными пейзажами вырисовываются, воскресают горизонты минувшего»⁶.

По мнению Броделя, «ценность географии состоит в том, что благодаря ей действительность предстает во всей своей густоте и протяженности, во всем многообразии составляющих ее явлений, которые следует мысленно разъединить, но лишь для того, чтобы еще лучше понять, насколько тесно они связаны»⁷.

Влияние географических изменений на экологическую историю, как пишут Ф. Лоше и Г. Кене, отражено и в монографии Ж. Бертрана «К вопросу об экологической истории сельской среды Франции»⁸. В этой работе рассмотрено влияние окружающей среды на протяжении веков.

Ж. Массар-Гильбо в своей статье «Что такое экологическая история?» рассматривает сходство и различие концепций экологической истории и исторической географии во Франции. Она пишет, что «близость понятий заключается даже в определении экологии, а различие – в продвинутости, в зрелости географии в данной области по сравнению с экологической историей»⁹. В своей статье она подчеркивает различие исторической географии и экологической истории: «насколько география интегрировала в себя окружающую среду как предмет изучения, настолько история, или, скорее, экологическая история Франции делает в этом первые шаги»¹⁰. Необходимо отметить, что в 2014 г. опубликована еще одна работа Ж. Массар-Гильбо о французских исто-

риках и географах, в которой рассматриваются подходы истории и географии к взаимоотношениям человека и природы¹¹.

Как известно, экологическая история как новое научное направление возникла в США в 1960–1970-х годах. Впоследствии «Анналы», один из первых исторических журналов, опубликовали важную статью об окружающей среде в 1970 г., а в 1974 г. в «Анналах», как упомянуло выше, экологии был посвящен специальный номер. Таким образом, появление экологической истории как нового научного направления в США способствовало и ее развитию во Франции, хотя в этот период еще не была разработана ни программа экологической истории, ни ее предмет исследования, ни методы. Термин «окружающая среда» появляется в начале 1970-х годов. В частности Л. Февр считал, что необходимо отдать предпочтение более широкому определению: «все то, что окружает человека»¹².

В статье Ф. Лоше и Г. Кене представлено дальнейшее использование этого термина.

Термин распространился через международные организации, например Организацию экономического сотрудничества и развития, будучи прочно связан с институционализацией окружающей среды, что способствовало созданию первого французского Министерства по защите природы и окружающей среды в 1971 г. Это широкое значение, включающее в себя совокупность факторов и условий, окружающих человека, от флоры и фауны до земельного владения и семейных структур, снова употреблено Э. Ле Руа Ладюри в 1975 г. для «экологии Монтайю»¹³.

Как пишут Ф. Лоше и Г. Кене, американский ученый Д. Уорстер, вдохновленный «Анналами», считал, что экологическая история рождалась под другими именами раньше в других странах, особенно во Франции и в Англии, и не является американским изобретением, вместе с тем они отмечают, что это связано с его интересом к экономической и социальной истории¹⁴. Существуют споры относительно роли школы «Анналов» в развитии экологической истории. Ж. Массар-Гильбо, например, пишет, что «интеллектуальные корни экологической истории, возможно, разные, но многие американские историки любят цитировать среди своих источников вдохновения французских историков школы “Анналов”»¹⁵. Она приводит пример, что только с 1973 г. «Анналы» посвятили специальный номер экологии, но это произошло под влиянием того, что происходило вне Франции¹⁶. Таким образом, можно сказать, что она не связывает влияние «Анналов» на появление экологической истории с работами М. Блока.

По мнению индийского ученого Р. Гухи, большую роль в развитии экологической истории во Франции сыграл труд М. Блока

«Апология истории»¹⁷. Ф. Лоше и Г. Кене в своей статье пишут о том, что первые страницы «Апологии истории» М. Блока «показывают, каким образом концепция истории как науки о человечестве в историческом развитии применялась по отношению к природным явлениям...»¹⁸. Авторы отмечают, что «...отношение к “Анналам” достаточно прозрачно в настоящее время: Р. Гуха делает из М. Блока модель историка экологии; различные новые дискуссии крутятся вокруг временных моделей Ф. Броделя»¹⁹. А Ж. Массар-Гильбо считает, что «если пространство как время составляет центр работ Броделя, то понятие “экология” в нашем сегодняшнем значении у него отсутствует»²⁰. В своем труде «Что такое Франция?» Ф. Бродель подчеркивал значимость географии: «Земля, среда, окружение, экосистема – все эти термины означают вклад географии в науку, ее уроки ничуть не менее поучительные, чем ценнейшие архивные документы»²¹. Тем не менее классическая работа Ф. Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» отличается тем, что автор исследует конкретный предмет в конкретную эпоху, определяя этим направление в сторону экологической истории. Первая часть работы посвящена истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой, вторая – войнам, а третья часть – традиционной истории.

Э. Ле Руа Ладюри призывал писать «историю без человека». В его труде «Истории климата», как пишет сам автор, ставится задача воссоздать по мере возможности историю климата как такового, как существенную сторону развития природы, реальность, не зависящую от человека, отбросить какие-либо антропоцентрические установки²². Поэтому и методика исследования – одна из интереснейших сторон монографии, в которой применены разные подходы. Некоторые французские историки, например Ж. Массар-Гильбо, не согласны с данной позицией; она пишет, что «является сторонницей М. Блока в том, что не существует истории без человека»²³. Ф. Лоше и Г. Кене отмечают, что работа «История климата», с одной стороны, научная, объективная «история без человека», а с другой – пояснительная, субъективная «история человечества»²⁴.

Впоследствии многие французские историки концентрируют свои интересы на истории антропологии и ментальностей, а не на окружающей среде и взаимодействии человека и природы. Ж. Массар-Гильбо пишет, что кроме одного номера «Анналов», «никто уже не претендовал писать некую экологическую историю в течение двадцати лет»²⁵.

Несмотря на приостановление развития экологической истории почти на два десятилетия, в течение этого периода все-таки были

опубликованы работы французских историков о лесе, об истории животных, об отношении к природе и т. п. Р. Делор писал об истории торговли мехами, истории животных, например «У животных есть история», и т. д.²⁶ В 1990-х годах в соавторстве с К. Бек была опубликована работа, посвященная непосредственно экологической истории, затем в соавторстве с Ф. Уолтером – экологической истории Европы²⁷.

Ален Корбен писал об отношении к природе и о ее восприятии²⁸. Андре Корволь и ее коллеги посвятили много работ французским лесам. Корволь опубликовала несколько работ по истории отношений между человеком и лесом²⁹. Под ее руководством вышли три путеводителя по экологической истории XVIII, XIX, XX вв.³⁰ В последнее время также написан ряд новых работ и диссертаций о французских лесах и о взаимоотношениях человека, леса и животных, о лесе и традиционном транспорте, о лесе и нетрадиционном транспорте, лесе и войне, лесе и воде. Например, «История охоты: человек и животное»³¹, «Лес и фауна»³², «Лес и пейзаж: X–XXI вв.»³³ и многие другие.

Немало работ и у историков урбанизма, например, у Ж. Массар-Гильбо, появляются новые работы и диссертации Т. Ле Ру, Ж.-Б. Фреззо, Л. Лестел, А. Гиллерм и других в данной области. Л. Лестел и А. Гиллерм с разных точек зрения рассмотрели историю загрязнения городов в связи с промышленной деятельностью³⁴.

Ф. Лоше и Г. Кене в статье «Экологическая история: истоки, цели и перспективы нового направления» представляют эволюцию взглядов на экологическую историю, особенно американских и французских историков, и анализируют их работы и критику исследований по экологической истории. Например, они отмечают, что среди первых работ в США «ощутимое место отводится идейной экологии и исторической экологии, исследователи задумывали свои работы как рычаг действия на настоящее». У французских же историков критике больше подвергались французские методы и концепты экологической истории Франции³⁵.

Немало дискуссий посвящено междисциплинарности экологической истории. Ж. Массар-Гильбо подчеркивает, что «не только исследование экологического видения заставляет преодолевать барьеры между дисциплинами, но и все историки, которые занимаются экологической историей, утверждают, что она также почти неизбежно ведет к междисциплинарности»³⁶.

Что касается новых исследований, то среди них следует отметить, например, работы Бруно Латура об экологии и политике природы³⁷. Очень интересны новые подходы в развитии экологической истории, которые связаны с историей дипломатии, историей

войн, развитием культуры. Ф. Лоше и Г. Кене пишут, что «история дипломатии и история войн определили в свою очередь новые экологические подходы. С другой стороны, происходит “культурный переворот”: экологическая история благоприятствует развитию исследований в области кинематографии, литературы и исторической географии»³⁸.

 Примечания

- ¹ *Febvre L.* La terre et l'évolution humaine: Introduction géographique à l'histoire. P.: Albin Michel, 1949.
- ² *Locher F., Quenet G.* L'histoire environnementale: origines, enjeux et perspectives d'un nouveau chantier // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 2009. Vol. 56–4, no 4. P. 19.
- ³ Ibid.
- ⁴ *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- ⁵ *Бродель Ф.* Что такое Франция?: Пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994–1997. Кн. 1: Пространство и история, 1994.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 20.
- ⁸ *Locher F., Quenet G.* Op. cit. P. 20.
- ⁹ *Massard-Guilbaud G.* Quelle histoire pour l'environnement? // *Responsabilité & Environnement. Annales des Mines.* 2007. № 48. Octobre. P. 30.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ *Massard-Guilbaud G.* Historiens et géographes français et relation de l'homme au milieu: de Vidal de la Blache aux programmes de recherche interdisciplinaires de la fin du XXe siècle // *Les interactions hommes-milieus.* Versailles: Editions Quæ, «Indisciplines», 2014. P. 77–96.
- ¹² Цит. по: *Locher F., Quenet G.* Op. cit. P.18; *Febvre L.* La terre et l'évolution humaine. P., 1970. P. 43, 131.
- ¹³ Цит. по: *Locher F., Quenet G.* Op. cit. P. 18; *Charvolin F.* L'invention de l'environnement en France. P.: La Découverte, 2003.
- ¹⁴ *Locher F., Quenet G.* Op. cit. P.13.
- ¹⁵ *Massard-Guilbaud G.* Quelle histoire pour l'environnement? // *Responsabilité & Environnement. Annales des Mines.* 2007. № 48. Octobre. P. 30.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ *Locher F., Quenet G.* Op. cit. P. 18.
- ¹⁸ Цит. по: *Locher F., Quenet G.* Op. cit. P. 19; *Bloch M.* Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. P., 1949. P. 81–83.
- ¹⁹ *Locher F., Quenet G.* Op. cit. P. 18.
- ²⁰ *Massard-Guilbaud G.* Quelle histoire pour l'environnement? P. 31.

- ²¹ Бродель Ф. Что такое Франция. С. 20.
- ²² Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года / Пер. с фр. А.С. Чаплыгиной, под ред. Т.В. Покровской. Л.: Гидрометеиздат, 1971. С. 7.
- ²³ Massard-Guilbaud G. Quelle histoire pour l'environnement? P. 31.
- ²⁴ Цит. по: Locher F., Quenet G. Op. cit. P. 19; Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien. P., 1973. P. 417, 522.
- ²⁵ Massard-Guilbaud G. Quelle histoire pour l'environnement? P. 31.
- ²⁶ Delort R. Les Animaux ont une histoire. P.: Seuil, 1984.
- ²⁷ Beck C., Delort R. Pour une histoire de l'environnement. P.: CNRS Éditions, 1991; Delort R., Walter F. Histoire de l'environnement européen. P.: PUF, 2001.
- ²⁸ Imaginaire et sensibilités au XIXe siècle. Études pour Alain Corbin / Demartini A-E., Kalifa D. (dir.). P.: Créaphis, 2006.
- ²⁹ Corvol A. L'homme aux bois: histoire des relations de l'homme et de la forêt, XVII-e – XX-e siècle. P., 1987; Eadem. L'homme et l'arbre sous l'Ancien Régime. P., 1984.
- ³⁰ Corvol A., Rochefort I. Nature, environnement et paysage. L'héritage du XVIIIe siècle. Guide de recherches archivistiques et bibliographiques. P., 1995; Eadem. Les sources de l'histoire de l'environnement, le XIXe siècle. P., 1999; Les sources de l'histoire de l'environnement. T. 3: Le XXe siècle / Sous la direction de Andrée Corvol. P.: L'Harmattan, DL, 2003.
- ³¹ Corvol A. Histoire de la chasse: l'homme et la bête: Perrin, 2010.
- ³² Forêt et et faune / Textes réunis et présentés par A. Corvol. P., 2002.
- ³³ Forêt et paysage: X-e – XXI-e siècle / Textes réunis et présentés par A. Corvol. P.: L'Harmattan, 2011.
- ³⁴ Locher F., Quenet G. Op. cit. P. 33–34.
- ³⁵ Ibid. P. 7, 14.
- ³⁶ Massard-Guilbaud G. Quelle histoire pour l'environnement? P. 36.
- ³⁷ Latour B. Politiques de la nature. Comment faire entrer les sciences en démocratie. P.: La Découverte, 1999.
- ³⁸ Locher F., Quenet G. Quelle histoire pour l'environnement? P. 17.

Почему М. Вебер? Немецкая история повседневности в поисках методологической основы

В статье проанализированы причины обращения исследователей истории повседневности в Германии к работам М. Вебера и рассмотрено их влияние на становление методологии немецкой истории повседневности. Х. Медик, А. Людтке и их коллеги заимствовали подход М. Вебера к классификации «идеальных типов» поведения для того, чтобы эмпирически проверить на локальном материале, насколько эта теория находит воплощение в реальности. В центре внимания – работа «Протестантская этика и дух капитализма», так как проект изучения протоиндустриализации соответствовал поиску влияния протестантской этики на формирование капитализма. Обращение к авторитету М. Вебера способствовало противостоянию нападкам сторонников традиционной социальной истории.

Ключевые слова: немецкая история повседневности, М. Вебер, А. Людтке, Х. Медик, Alltagsgeschichte.

Немецкая история повседневности, Alltagsgeschichte, начала свое конституирование как новая исследовательская программа с конца 1970-х годов, и ее становление совпало с актуализацией в Германии путей модернизации исторической науки.

Волна общественного интереса к недавнему тоталитарному прошлому страны вызвала инициативы со стороны историков-любителей, активных в сборе исторических свидетельств, но не проявлявших профессионализма в историописании, большей частью локального характера.

В Италии в это время К. Гинзбург и К. Пони находят основания для нового подхода к изучению истории: «...огромное количество материалов, представленных в итальянских архивах, должно быть рассмотрено как повод проверить парадигмы и правила количественной науки»¹. Смена научной парадигмы имеет в основе прежде всего изменение объекта изучения, которым должны стать, по их

мнению, деревенские сообщества, небольшие группы людей или семьи или же отдельные индивиды. Новый объект требует новых способов изучения. Э. Мьюир пишет, что «они хотели сместить центр, посвященный социальным отношениям и взаимодействиям между историческими лицами, которые... на самом деле существовали и пережили жизнь как череду событий... Отслеживание имен лиц является центральным в их методе»². Но имена должны быть выбраны из массы доступной информации не любые, а те, которые наиболее важны и показательны. Они не всегда важны в своей статистической повторяемости. Напротив, всегда существует то, что Э. Гренди назвал «оксюмороном» – «нормальной ненормальностью». К. Гинзбург выделяет два значения этого выражения. Первое подразумевает изучение источников, которые свидетельствуют о поведении незначительных, подчиненных групп людей, по определению исключительных тогда, когда они находятся в состоянии мятежа против нравов и верований. Второе значение «оксюморона» состоит в том, что единичные, исключительные по своему содержанию документы ценны намного более, чем тысячи стереотипных документов, систематически искажающих реальную жизнь определенных групп людей. В отказе от статистически повторяемых документов и обращении к «нормальной ненормальности» и выявляется их поворот к новому методу³.

Могло ли немецкое научное сообщество никак не реагировать на формирование микроистории в Италии? Рост числа любительских локальных исследований на родине и их острое обсуждение в академической среде способствовали формированию в Германии особой, отличной от других европейских стран почвы для восприятия зарубежных микроисторических исследований.

Интеграция в немецкую науку микроистории должна была преодолеть негативное отношение к локальным исследованиям со стороны значительной части академической среды, чтившей традиции немецкой школы социальной истории. Научный традиционализм противостоял и местному любительскому историописанию, и новаторству как таковому. Он имел к тому же в значительной степени патриотический характер, поскольку отечественная школа социальной истории воспринималась как антагонист новой и смелой зарубежной методологии микроисследований. Характерно, в частности, весьма оппозиционное отношение к микроистории М. Маурера. Он, анализируя книгу К. Гинзбурга о мельнике Меноккио, заявил, что микроисторические работы – «книги, которые ни один немецкий историк не будет писать». Техника повествования, использованная Гинзбургом в работе «Сыр и черви», проверяется им как «свойственная новейшей истории скандалов»,

и это высказывание распространяется им на всю микроисторию⁴. М. Маурер в буквальном смысле проявил научную «брезгливость», предостерегая коллег от соприкосновения с “*histoire scandaleuse*”. Конечно, подобная позиция не может не иметь отношения к борьбе за собственный статус в научной среде.

Однако некоторые немецкие историки ощущали необходимость становления в Германии научно обоснованного подхода к проведению локальных исследований по крайней мере не менее остро, чем их оппоненты – «брезгливость».

Патриотизм, противопоставление профессионализма любительству и опора на научные традиции стали основой для отрицания микроистории в Германии потому, что являются ценностными ориентирами для ученого, полемика против которых бессильна.

Для того чтобы отстоять проведение локальных исследований и сформировать собственную научную методологию, сторонники микроистории апеллировали к тем же ценностям, что и их оппоненты. Хранителем научных ценностей является авторитет, поэтому, чтобы отстоять право на новаторство, необходимо было обратиться к таким авторитетам в немецкой науке, которые в достаточной степени являли собой образец как профессионализма, так и патриотизма. М. Вебер подходил на эту роль более других и, как оказалось, не только в ценностном, но и в методологическом отношении. Обращение к его трудам состоялось в связи с тем, что развитие микроисторической методологии в Германии предпринималось в рамках попыток модернизации традиционной социальной истории.

Уже в середине 1970-х годов в Институте им. Макса Планка был задуман новый проект с тем, чтобы соединить общие гипотезы о значении ремесленного производства периода зарождения капитализма в сельской местности с региональными и локальными эмпирическими исследованиями.

Данный проект изучения протоиндустриализации нашел индивидуальный фокус трансформации социологических и исторических идей, относимых прежде всего к всемирно известной работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»⁵. В соответствии с оценкой этой работы Р. Арона, «...она затрагивает проблемы чрезвычайной важности. Первая носит исторический характер и ставит вопрос: в какой степени некоторые протестантские секты, или, точнее, их протестантский дух повлияли на формирование капитализма? Вторая – теоретическая, или социологическая: в каком смысле понимание экономических действий требует в исследовании обращения к религиозным верованиям, к мировоззренческим системам действующих индивидов?»⁶.

Таким образом, М. Вебер выступает одновременно и как историк, и как социолог. Историческая задача в его исследовании сопряжена с социологической, поскольку ответ на вопрос о влиянии протестантского духа на формирование капитализма невозможен без выяснения мировоззренческих систем индивидов. Написание работы исторического плана является для него способом эмпирической проверки собственной социологической гипотезы, которая, по мнению Р. Арона, означает, что «осознание субъективных значений тех или иных поступков подразумевает необходимость классификации категорий или типов социального поведения»⁷.

В соответствии с классификацией М. Вебера «поведение» может быть следующих типов: целерациональным, ценностно-рациональным, аффективным и традиционным⁸. Вопросу типологизации подлежит и идеальный тип ученого, деятельность которого, с точки зрения М. Вебера, должна являться одновременно и целерациональной, и ценностно-рациональной по отношению к истине.

Авторы проекта изучения протоиндустриализации видят в работе «Протестантская этика и дух капитализма» знакомый способ типологизации «идеальных типов» социального поведения, работающих в соответствии с целерациональными, ценностно-рациональными и иными образцами.

Протестантская этика обуславливает «идеальный тип» поведения, аналогичный образу ученого в том, что деятельность протестанта является одновременно и целерациональной, и ценностно-рациональной. Более того, любое целерациональное поведение должно быть одновременно и ценностно-рациональным, так как «человеческие деяния, создающие ценности, носят творческий характер или определяются таковыми через соотношение с ценностями»⁹.

Соответственно в эмпирической проверке на историческом материале классификации типов социального поведения автора интересуют прежде всего ценностные установки индивидов и их влияние на развитие общества.

Стремление к классификации не всегда может выдержать эмпирическую проверку, основанную на документальных свидетельствах. Локальные документы способны опровергнуть всеобщность любой классификации.

Х. Медик, один из основателей немецкой истории повседневности, указывает, что его «собственные исследования на тему жизни и выживания в протоиндустриальном сельском местечке на плоскогорье швабской Юры с конца XVII по XIX в. прошли путь проблемно ориентированной “истории целого в подробностях”».

На основе развернутой реконструкции деталей и совокупности источников была разработана система исследования и изложения, которая позволила избежать исчезновения конкретных прожитых жизней в “среднестатистическом” источнике и при этом, однако, использовать преимущества серийно-статистического анализа, в том числе и в рассуждениях по более широким проблемам. В свете классической социальной истории полученные результаты могли бы рассматриваться скорее как парадоксальные и непоказательные... Если рассматривать этот пример в глобальной европейской или даже только центральноевропейской перспективе, то он будет выглядеть как непоказательный, как исключение. Однако для своего региона и общества... пример Лайхингена выступает скорее как значимая “особенность” или как нормальное исключение, если принять термин, который Эдуардо Гренди сознательно построил как оксюморон с учетом специфических достижений и подходов исторического микроанализа»¹⁰.

Возможность оксюморона присутствует везде, где существует общая классификация, и это оправдывает необходимость микроистории. Х. Медик не опровергает общего значения выводов М. Вебера относительно влияния протестантской этики на формирование капитализма. Этого не делают и другие авторы проекта изучения протоиндустриализации. Отстаивая возможность «нормальной ненормальности», и, соответственно, необходимости ее изучения, они комбинировали в своих исследованиях самые разные именные источники по отдельным лицам, семьям и домохозяйствам. Ю. Шлюмбом, М. Кром, Т. Зоколл считали, что такой подход к комбинированию источников соответствовал тому, что предлагали К. Гинзбург и К. Пони в 1979 г.¹¹

М. Вебер оказывается методологически близким им по нескольким причинам. Во-первых, для социолога М. Вебера обращение к историческому материалу являлось способом проверки социологической теории. Изучающие повседневность на локальном материале историки делают в точности то же самое. И, соответственно, М. Вебер близок им и в отношении к возможностям исторической эмпирики, способной подтвердить или же опровергнуть обобщающую гипотезу. Во-вторых, родство обнаруживается в подходах к анализу социального поведения, который базируется на поиске объединяющих то или иное сообщество ценностных установок, к тому же обуславливающих тип поведения этих сообществ. В то же время поиск и определение типа соответствия социальных категорий, идет ли речь о поведении или подразумевается нечто иное, свидетельствуют о стремлении к типологизации как таковой, классификации по типам изучаемых сообществ. Поэтому утверждение

о допустимости погрешности социологической классификации в отношении конкретного исторического материала отнюдь не означает отрицание необходимости классификации как таковой. Здесь историки, изучающие повседневность, возможно, обнаруживают не меньшее стремление к генерализации истории, нежели М. Вебер. Частные исключения возможны тогда, когда есть общая норма.

Для М. Вебера его знаменитая книга являлась эмпирическим опровержением исторического материализма, способом отрицания экономической теории развития истории К. Маркса, поэтому он предпринял разработку типов социального поведения и установил их зависимость от ценностей.

Культурно ориентированная социология М. Вебера оказалась во многом исчерпывающей для историков, работавших над формированием подходов к локальным исследованиям, потому что любое микросообщество объединяется повторяющимися в своем развитии типами поведения и общими ценностями.

Определение локусов, функционирующих в соответствии с установленными правилами, универсально, и иная терминология, обращающаяся к повторяемости типов поведения, возвращает к генерализующему методу их изучения. В том числе это касается и термина «полиморфная синхронность», заимствованного А. Людтке у своего оппонента Ю. Кокки и подразумевающего, что «одно и то же классовое положение людей (например, принадлежность к рабочему классу) создает основу для наличия у них взаимных общих интересов, открывает возможность обмениваться совместным опытом, надеждами и опасениями, образовывать организации и вести совместные действия... В данном свете рабочая история предстает как совокупность синхронно конкурирующих между собой структур (экономических, гендерных, этнических, конфессиональных и др.), «пропахивающих глубокие борозды» в рабочем глазе и создающих его «неопределенную» многослойность (полиморфию)»¹². Таким образом, для А. Людтке, как и для Х. Медика, и для многих других их коллег в Германии программа истории повседневности представляет собой «концепцию изучения прошлого через историю повседневных социальных практик в любых сферах и на всех «этажах» жизни общества»¹³. Изучение истории повседневности заставляет задуматься о существовании «внутренней» логики в действиях людей, основанной на многофакторности реальной жизни¹⁴.

Переход к изучению господствующих в обществе социальных практик по-прежнему оставляет исследователя в пределах ценностных ориентиров, поскольку именно они доминируют в определении «внутренней» логики действий отдельных индивидов

или сообществ. И этот факт также возвращает А. Людке к теории М. Вебера. А. Людке приблизился к позиции М. Вебера и в отношении к классовому анализу К. Маркса, категорично заявив о его отрицании и прямо выразив мнение о том, что классовый анализ исчерпал свои познавательные возможности. К этому выводу он пришел в процессе изучения рабочего класса в фашистской Германии, обнаружив, что классовый анализ несколько не приближает к пониманию глубинных процессов в рабочей среде, складывавшихся под влиянием тоталитаризма.

Характерно, что практически все исследования А. Людке ориентированы на изучение индустриального труда, даже когда речь идет о военной службе, которую он тоже рассматривает как особого рода работу. Подобное ограничение в тематике и подходах к ее изучению свидетельствует о том, что по существу А. Людке придерживался установленных в сотрудничестве с Х. Медиком подходов к локальному изучению индустриального труда, определяющих поиск норм поведения в том или ином сообществе. Исключительное поведение отдельных индивидов или их групп, не вписывающееся в принятую систему и в то же время обусловленное определенными ценностями, стало основой для выводов о необходимости применения микроподходов как со стороны историков, изучавших процесс протоиндустриализации XVII–XIX вв., так и ученых, специализировавшихся на изучении рабочей среды в условиях функционирования тоталитарных режимов XX в.

Тесное сотрудничество лидеров в изучении истории повседневности привело к тому, что они практически одинаково формулируют методологические параллели между немецкой историей повседневности и итальянской микроисторией.

А. Людке сообщает, что «методологический аппарат, призванный помочь нам в реконструкции повседневной жизни и способов поведения людей, является частью направления, получившего название микроистория. В нее входят “case studies”, т. е. исследования отдельных биографий, или, чаще, включенные в локальные контексты деревни, городские районы. Законное место в истории повседневности занимают долговременные континуитеты и изменения, охватывающие 2–3 столетия»¹⁵. Это мнение заметно совпадает с высказыванием Х. Медика о том, что микроистория вырабатывает собственные методы.

Как и в итальянской микроистории, «центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остался безымянным в истории»¹⁶. А. Людке отмечает, что «именно изучение повседневности в нацистский период, которое началось в Германии с конца 70-х гг., получило широкий общественный

резонанс и обострило полемику даже в частных разговорах по поводу специфики своей и чужой-либо истории»¹⁷. Таким образом, для А. Людтке историки, занимающие определенные методологические позиции, одновременно отстаивают и конкретные политические воззрения: «При таком внимании к большим структурам и экономической конъюнктуре не возникало особой потребности восстановить в памяти лица и голоса людей, прежде всего тех, которые не принадлежали к правящей элите или бюрократии»¹⁸.

Позиция А. Людтке в отношении методологии микроистории близка к пониманию культуры Х. Медика, считавшего, что культурная практика создает сеть повседневных отношений и выражает то, как общество в данное время и в данном месте увидело и отразило свое отношение к миру.

Полемически такая позиция историков направлена против тех, кто считает, что микроисторические исследования не способны к теоретическим обобщениям. А. Людтке и Х. Медик декларируют необходимость восприятия микроистории на основе немецкой классической науки. Характерно, в частности, высказывание Х. Медика о том, что «микроистория – сестра истории быта, но кое в чем она идет своим путем, а именно: когда вырабатывает собственные методы, когда, следуя своим методическим посылкам, пересматривает и реконструирует категории классической социальной истории, когда, наконец, ратует за полифоническое многообразие масштабов и способов изложения материала, будь то на уровне макроистории, или “глобальной истории”»¹⁹. В формулировке данной позиции обращают на себя внимание следующие положения: 1) сравнение с историей быта; 2) конструирование главного отличия микроистории от истории быта как направления, которое вырабатывает собственные методы; 3) реконструирование категорий классической социальной истории. Внимание к изучению статистически повторяющихся источников и использование преимуществ серийно-статистического анализа таким образом, с одной стороны, определяет отличие от итальянской микроистории, с другой – формирует инструмент реконструирования категорий немецкой социальной истории, что становится определяющим отличием от истории быта.

Столь остро отстаиваемое стремление к теоретическим обобщениям могло быть реализовано немецкими специалистами в микроистории только в обращении к генерализующим историю концепциям отечественных ученых. Благодаря их авторитету, в первую очередь, М. Вебера удалось сформулировать и отстаивать микроисторическую методологию в Германии. Идеи М. Вебера были столь прочно внедрены в основание микроподходов к изучению истории

в Германии, что приобретает право на свое существование вопрос о том, насколько стремление к теоретическим обобщениям отвечает желанию генерализации истории. Поставленный вопрос в контексте бесконечной типологизации и классификации практик поведения вряд ли может быть решен однозначно, поскольку всегда возможна «нормальная ненормальность» и ответ на него будет зависеть от того, опровергает или подтверждает тот или иной оксюморон общие нормы, воспроизводятся они только локально или более широко, за пределами локуса.

Примечания

- ¹ *Ginzburg C., Poni C.* The Name and the Game: Unequal exchange and the Historiographic Marketplace // *Microhistory and the Lost Peoples of Europe* / Ed. by E. Muir, G. Ruggiero. Baltimore; L., 1991. P. 3.
- ² *Muir E.* Introduction // *Microhistory and the Lost Peoples of Europe...* P. X.
- ³ *Ibid.* P. VIII.
- ⁴ *Maurer M.* Geschichte und Geschichten. Anmerkungen zum publizistischen Ort der neueren "histoire scandaleuse" // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1991. Jg. 42. S. 688–691.
- ⁵ Произведение выдержало множество переизданий и на немецком, и на русском языке. См., например: *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2014.
- ⁶ *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С. 563.
- ⁷ Там же. С. 490.
- ⁸ См. подробнее об этом: *Вебер М.* Мотивы социального действия // *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. С. 471–472.
- ⁹ См.: *Арон Р.* Указ. соч. С. 496.
- ¹⁰ *Медик Х.* Микроистория // *Thesis*. 1994. Вып. 4. С. 196–198.
- ¹¹ *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // *Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории*. СПб., 2003. С. 17–18.
- ¹² *Соколов А.К., Журавлев С.В.* Введение: Alltagsgeschichte и изучение рабочей истории в России // *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 33.
- ¹³ *Журавлев С.В.* Предисловие: История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Там же. С. 23.
- ¹⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁵ *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история: Ежегодник: 1998–1999*. М., 1999. С. 90.
- ¹⁶ Там же. С. 77.
- ¹⁷ Там же. С. 78.
- ¹⁸ Там же. С. 80.
- ¹⁹ *Медик Х.* Указ. соч. С. 193.

Личные дневники и полковые журналы
боевых действий русской армии:
опыт источниковедческого анализа
по материалам 500-го Ингульского
пехотного полка 1915–1917 гг.

В статье проанализированы повествовательные документы по истории 500-го Ингульского полка, участвовавшего в наступательной операции Юго-Западного фронта летом 1916 г. Автор выявляет в собраниях Государственного исторического музея ранее не опубликованные источники, как официальные, так и личного происхождения, проводит их источниковедческий и сравнительный анализ. На данных материалах производится реконструкция истории фронтовой жизни и боевых действий полка.

Ключевые слова: Первая мировая война, дневники, журналы боевых действий, 500-й Ингульский полк.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) более чем за столетнюю историю существования накопилось значительное мемуарное, дневниковое и эпистолярное наследие солдат и офицеров участников мировых конфликтов XIX и XX вв. Особое место среди них занимают свидетельства участников Первой мировой войны, значительная часть которых так до сих пор и не введена в научный оборот.

Богат на источники личного происхождения фонд «Собрание документальных материалов периода буржуазно-демократической революции в России»¹. Он образовался в результате отдельных поступлений 1908–1960-х годов, а материалы, относящиеся к Первой мировой войне, главным образом, комплектовались Отделом текущей войны, который был образован в Историческом музее в 1915 г. и в начале 1920-х расформирован. В данном фонде хранятся документы, относящиеся к истории 500-го полка, которые

представляют большой интерес для изучения как военной истории, так и полевого быта Первой мировой войны².

500-й пехотный полк 125-й дивизии был сформирован 9 июля 1915 г. в Одессе на основе 461-го, 462-го Херсонских и 492-го Владимирской пеших ополченских дружин³. Приказом по Седьмой армии от 11 августа полку присваивается имя Ингульский⁴ по названию реки Ингул, левого притока Южного Буга. 125-я дивизия принимала участие в военных действиях на Юго-Западном фронте, попеременно находилась в составе 39-го и 25-го армейских и гвардейско-кавалерийского корпусов 7-й, 8-й, 11-й и Особой армий. Доукомплектовавшись, пройдя боевую и строевую подготовку в Одессе, полк 9 сентября 1915 г. был отправлен на фронт. Полк сменил на позициях части 105-й пехотной дивизии⁵. В мае–июле 1916 г. он принимал участие в знаменитом Брусиловском прорыве. До середины 1917 г. вел боевые действия и разведку в том же районе. В начале 1918 г. полк был расформирован одновременно с другими полками дивизии.

Комплекс, хранящийся в ОПИ ГИМ, был приобретен в 1958 г. у бывшего полкового писаря Ильи Даниловича Демченко. В его состав входят документы, датируемые 1917 г.: копии приказов по полку, протоколы заседаний полкового солдатского комитета, печатные материалы с приказами по Особой армии, уставом и резолюциями совета военных депутатов Особой армии, списки кандидатов в члены Учредительного собрания от избирательного округа Юго-западного фронта от разных партий, групп и организаций. Имеется россыпь документов, связанных с деятельностью полкового комитета и политической ситуации на фронте.

Ключевыми документами являются: личный дневник Ильи Даниловича Демченко и экземпляр журнала боевых действий полка с 1 октября 1915 г. по 1 января 1917 г. Журнал принадлежал и использовался непосредственно в Ингульском полку. Записи произведены разными почерками, так как заполнялись писарями, дежурившими посменно. Далее с него делался список обязательного экземпляра, который с другими текущими документами, в соответствии с приказом верховного главнокомандующего № 65 от 22 сентября 1914 г., направлялся в канцелярию штаба дивизии, оттуда передавался в «делопроизводство по сбору военно-исторических документов, состоящее при штабе армии»⁶. На данный момент вторые экземпляры находятся в Военно-историческом архиве и охватывают более широкий период, чем хранящиеся в ОПИ ГИМ, – с 9 июля 1915 г. по 30 апреля 1917 г.⁷

Биографические данные об И.Д. Демченко – авторе дневника – скудны, но изыскания продолжаются. Известно, что он родился

в 1892 г. в поселке Новоукраинка в семье служащего. Во время Первой мировой войны служил рядовым писарем 500-го Ингульского пехотного полка, в апреле 1917 г. произведен в унтер-офицеры. В этом же году вступает в большевистскую партию. После войны вернулся домой, где в начале 1919 г. становится военным комиссаром Новоукраинки. Весной был назначен комиссаром 17-го артиллерийского дивизиона и выполнял обязанности комиссара 6-й Украинской Советской дивизии, которая входила в 6-ю Красную армию. В июне 1919 г. в районе Полтавы принимал участие в боях с армией Деникина. Скончался в 1967 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище. Брат Ильи Даниловича Иван был первым секретарем Новоукраинской комсомольской ячейки и был убит махновцами в 1919 г. В честь него названа одна из центральных улиц Новоукраинки.

Записи И.Д. Демченко вел на бланках офицерских полевых книжек. Будучи полковым писарем, имел возможность вести рукопись чернилами, что крайне редко встречается в личных дневниках участников Первой мировой войны. В своих записях он красочно описывает повседневность и собственное эмоционально-психическое состояние в период позиционной войны. Описывается фронтовой и прифронтовой быт, поездки в отпуски в родное село. Значительная часть текста отведена личным и любовным переживаниям, что придает живость повествованию. Хронологический охват: с 3 сентября 1915 г. по 20 февраля 1917 г. Листы содержат записи с конца мая по середину декабря 1916 г., т. е. сведения об активных боевых действиях в рамках наступательной операции Юго-Западного фронта автором по каким-то причинам удалены.

Рассмотрим некоторые сюжеты из данных рукописей.

3 сентября 1915 г. приказом по полку Илья Данилович прикомандирован из состава 6-й роты в нестроевую часть для письменных занятий⁸.

Первая запись в дневнике – 4 сентября 1915 г., за четыре дня до отправки полка из лагерей под Одессой на позиции. В первых строчках автор уже показывает свою апатию к происходящему: «Сидеть досадно, тяжело, и я часто по вечерам удираю в город хоть на час, чтобы хоть на миг вырваться от этой монотонной и надоевшей работы. Адьютант утром позлится и этим и оканчивается»⁹. Такое настроение сохраняется вплоть до конца дневниковых записей. Исключения составляют записи в дни перед отъездом в отпуск.

Далее рассказывается о пятидневном переходе (8–13 сентября) в прифронтовую полосу в город Староконстантинов, с упоминанием всех населенных пунктов. Нестроевое отделение, как видно,

догоняло сам полк, в отрыве от которого поиск пропитания и ночлега было нелегким делом: «Страшно утомились, и, в конце концов, пришли к какой-то деревне (кажется, Алешино), и остановились. Идти дальше – не знаем куда, да и ноги страшно болят. Посоветовались и решили остаться ночевать в этой деревне. А на утро пойдем искать деревню, где остановился полк наш. Зашли в один двор – постучали в окно. Вышел крестьянин и сказал, что у него негде переночевать. Вышла и его, как видно, жена и сказала, чтобы он отвел к какой-то женщине. Он водил-водил нас и, наконец, привел к хате и постучал в окно. На стук вышел крестьянин и сказал, что у него в хате размещены солдаты 499-го пехотного полка. Мы попросили хоть переночевать в сарае. Он повел нас в сарай, принес потом солому и мы начали укладываться. Адский холод. Ложимся один – возле другого, так будет теплее. Смеемся, а на душе, что творится Боже!»¹⁰

После расквартирования при штабе полка в Староконстантинове у Ильи Даниловича начинаются прифронтовые будни со своей монотонной работой и свойственными времени проблемами. 14 сентября в своем дневнике жалуется на дефицит звонкой монеты: «После обеда пошел в роту – за жалованием, но не получил, так как нет мелких денег. С этими мелкими деньгами прямо несчастье: имеем рубли и не можем купить копеечную вещь. Всюду не дают сдачи. Я прямо удивляюсь, куда это ушло наше серебро и медь»¹¹.

В конце сентября – начале октября 1915 г. полк переквартировывается под Ровно. В течение октября полковая канцелярия несколько раз меняет свое расположение, пока не останавливается в селе Цумань. В строках автор уже говорит о близости к позиции: «Бой, как видно, идет сильный, так как часто слышны оружейные залпы. Скоро, наверно, и мы там будем»¹². Хотя «вообще канцелярии далеко помещаются от позиций, но мы почему-то исключение»¹³. Почти ежедневно упоминает появление вражеской авиации, сравнивает ее с русскими аэропланами: «Пролетают часто аэропланы. Крестьяне говорят, что пролетал и неприятельский аэроплан. Мы смотрим, и действительно он не похож уже и тем, что почти не шумит, между тем, как наши аэропланы сильно шумят»¹⁴.

Трагическая история разворачивается вокруг товарища Ильи Демченко ефрейтора 6-й роты Александра (Шуры) Майковича. 8 октября в дневнике говорится, что Майкович ранен в руку. Командир батальона предполагает, что тот ранил себя сам, во что Илья Данилович не верит. 17 октября Майковича уже отдают под суд, 19 октября выносят смертный приговор, а 20-го числа казнят. Все это разворачивается на глазах у автора дневника, живо описывается судебное заседание. Буря негодования и переживаний

в дневниковых строках: «Наконец дверь отворилась. Офицеры зашли и Шуру повели. Мы все побежали к окну. Все судьи встали. Председатель начал читать приговор. Я, да и все как в лихорадке – дрожим. Прошло около 10 минут. Председатель медленно читает. Наклоняюсь ближе к окну. Слышу слова председателя: “Подсудимый признан виновным и приговорен к смертной казни через расстреляние”. Я как кем-либо толкаемый побежал в канцелярию. Не помню, как перебежал улицу и двор. Страшно, страшно»¹⁵.

В ноябре 1915 г. недоволен автор и продовольственным снабжением в своем полку: «...часто приходится и не кушать как следует. Купить, ведь, ничего тут нельзя, а на солдатском столе тяжело, хотя уже немного и привык. Да при том и не всегда доставляют во время и эти кушанья: вчера, например, и сегодня нам не дают хлеба. Хорошо, что было немного, а то пришлось бы голодать. ...Мяса вместо причитающихся полутра фунтов выдают, не больше полу фунта, ...хлеб нехороший. Пища тоже гораздо хуже против той, которую нам давали в дружинах. Прямо удивительно, почему это; ведь тут позиция, должны, по моему, лучше кормить, чем в мирных городах, а оно наоборот»¹⁶.

Периодически Демченко дежурит на линии фронта, где в блиндаже расположился командир полка с адъютантом. 11 ноября писарская команда перебралась непосредственно на линию фронта, где находилась до 23 ноября, пока на смену Ингульскому не пришел 498-й Оргеевский полк. В дневнике запечатлены разные моменты из жизни на позициях. Хотя писарей разместили в землянке, но уровень комфорта был даже выше, чем у строевых офицеров: «Удобств тех нет, что были там, но на позиции и это хорошо. Я, по крайней мере, не поменялся бы с каким-нибудь офицером, потому что ему приходится сидеть на холоде в окопах, а тут гарантирован, что холода не будет, и нет пуль»¹⁷. Но все-таки и пули долетали: «Был случай, что одного нашего солдата чуть не сразила одна из таких пуль. Он вышел на смену; в это время она ударила ему прямо в грудь, но благодаря бессилию остановилась, пробив только шинель и теплую рубаху. Счастливчик»¹⁸.

К декабрю месяцу уже становится понятно, что война затянется надолго. Боевые действия на фронте затихают: «Прямо и не похоже, что мы стоим вблизи фронта. Совсем мирная обстановка»¹⁹. Нескорое окончание войны все яснее осознавалось автором. С такими мыслями он встречает Новый год: «Дни идут за днями, а нового, чего-нибудь похожего на развязку этой проклятой жизни не видно. Завтра вот уже 1916 год. Что-то он нам даст. Наверно и этот год придется провести в круговороте войны. По всему видно, что война не только близится к концу, а наоборот только начина-

ется»²⁰. Записи за январь – март 1916 г. становятся отрывочными, фиксируется монотонность и бесцельность позиционной жизни. «Жизнь сносная: во-первых нет никакой опасности, а во-вторых пользуемся свободным временем. Днем работаем, зато ночью свобода и играем мы в карты...», – так кратко описываются будни.

На пасхальные праздники Демченко отбывает в отпуск, в его отсутствие на фронте начинаются братания. В журнале полка об этом ни слова, а вот Илья Данилович по возвращении 18 апреля фиксирует: «За братанье солдат разыскивают. С нашего полка человек 15 не стало. Загуляли там, и на радостях остались у австрийцев совсем»²¹.

Как говорилось ранее, дневниковые записи прерываются на 20 мае 1916 г. Но участие Ингульского полка в наступательной операции Юго-Западного фронта поддается реконструкции по данным полкового журнала.

26 мая полку было дано приказание взять местечко Рожище, расположенное на западном берегу реки Стыри, и выбить противника из окопов. В 17:00 того же дня началось наступление. В непосредственной связи с 500-м полком справа находился 499-й полк, слева – части 102-й пехотной дивизии. При пулеметной поддержке была взята деревня Ольгановка. И выйдя на высоты юго-восточнее деревни Рудни, полк вошел в соприкосновение с противником. Начался затяжной бой. К 20:00 бой достиг своего апогея, русские войска начали нести серьезные потери. На помощь наступавшим из резерва были присланы две роты. Также последовала поддержка пехотной атаки двумя артиллерийскими батареями. Наступавшие части под ураганным огнем противника приблизились к вражеским окопам на расстояние 200 шагов, в этот момент по команде ротных командиров началась атака в обход флангов. Захват полком двух немецких пулеметных расчетов способствовал скорейшей развязке боя.

В 2 часа дня 27 мая артиллерия противника открыла по окопам, занимаемым полком, шквальный огонь. Наша артиллерия дала ответ. Перестрелка продолжалась до вечера. Командование 125-й пехотной дивизии приказало 500-му полку оказать содействие 5-му понтонному батальону в наведении моста через реку Стырь, к часу ночи 28 мая переправа была сооружена. Попытка батальона 3 роты провести атаку на местечко Рожище оказалась неудачной. В полковом журнале говорится: «Вследствие недостаточной артиллерийской подготовки, и выбытия из строя 2/3 личного состава батальона роты, около 4 часов возвратились на восточный берег реки Стыри»²². Но прибывшая поддержка и возобновление артиллерийского обстрела дали возможность днем 28 мая овладеть вра-

жескими окопами, растянувшимися вдоль всего местечка. К 29 мая некоторые роты продвинулась на несколько километров западнее, не встретив сопротивления противника.

Итоги данного боя были таковыми. Полностью разгромлен 57-й германский полк. Восточный берег реки Стыри и местечко Рожище на западном берегу полностью зачищены. Взято в плен 3000 германских и австрийских солдат, 28 германских и 7 австрийских офицеров, захвачено 12 пулеметов, две пулеметные повозки, также санитарные, аптечные повозки и две походные кухни, масса оружия и патронов.

В начале июня 1916 г. полк продвинулся на запад на 35 км без особого сопротивления. Но уже 4 июня принял бой в районе поселений Аполония и Владимировка, понеся большие потери в связи с преимуществом германцев и отступив к деревне Тристенъ. При поддержке трех сотен Оренбургских казаков, которые «быстро опрокинули противника, обратив его в бегство и изрубив около двух рот германцев»²³, полк успешно закрепился и окопался на линии деревень Кияж–Вичини. 5 и 6 июня продолжалась ружейная и артиллерийская перестрелка. На участке 500-го полка контратаковали 97-й, 137-й и 265-й германские полки, но безуспешно. «Поле сражения было усеяно трупами германцев, целые роты которых скашивались нашим пулеметным огнем»²⁴.

18–19 июня 48-й и 94-й австрийские полки провели мощное наступление на позиции Ингульского полка. Австрийцы заняли русские окопы, но ненадолго и в считанные часы были оттуда выбиты.

20 июня 500-й полк был сменен 499-м полком, частями 77-го полка и отошел в резерв в деревню Тихотин для пополнения. 7 июля Ингульский полк вернулся на позиции в сектор 78-го Навагинского полка у деревни Ворончин на реке Стоход, откуда с 14 июля продолжил наступление. Сильное сопротивление противника и уничтоженные мосты не позволили быстро форсировать Стоход. Только к 16 июля полк перешел за реку и занял деревню Юльяновку.

За время боев с мая по июль потери нижних чинов полка составили: убитых – 368, раненых – 2360 человек, 1203 – пропали без вести, контуженных – 205 человек²⁵.

После летней наступательной операции 1916 г. полк остался в том же районе, где активных наступательных боевых действий больше не велось. В полковом журнале с сентября 1916 г. все чаще стали упоминаться формальные фразы: «редкая ружейная и артиллерийская стрельба», «на участке полка спокойно»... Война опять перешла в окопную фазу.

Записи И.Д. Демченко продолжаются с 17 декабря 1916 г. К тому времени Илья Данилович стал делопроизводителем полкового и полевого судов. Описывается подготовка к отбытию в очередной отпуск. Все переезды с фронта домой и обратно досконально фиксируются: постоянные неудобства в вагонах, сбитые расписания поездов, общение с попутчиками. Так, описывается попытка сесть на поезд, в котором нижним чинам не положено было ехать: «Вот подошел поезд. Я и фельдфебель выскочили на площадку. Вагоны заперты. Всех солдат, которые хотели сесть с перронов, конечно, прогнали, но мы уцелели. Поезд, простояв минут 10, начал переходить на другую сторону вокзала, и уже оттуда будет путь на Ровно. Через 5 минут мы очутились на другой стороне, но тут явились “архангелы”²⁶, и я с фельдфебелем подверглись изгнанию»²⁷.

В своих дневниках автор затрагивает и маленькие повседневные радости на фронте. 15 января 1917 г. Демченко с сослуживцем отправились в Рожище, в продовольственную лавку Всероссийского земского Союза, и там закупили для браги 3 фунта сахара и полфунта дрожжей. Самое интересное, что приготовили ее не из-за нужды в алкоголе, так как была возможность купить вино в полковой лавке: «Был в нашей лавке полковой с товарищем Чередниченко. Купили табаку, папирос. Захватили 5 бутылок вина. После обеда выпили вино и смеемся, что будет с бражкой»²⁸.

Заканчивается дневник 20 февраля 1917 г. рассказом о поездке в командировку за канцелярскими товарами в Одессу. Видимо, могло быть и продолжение дневника, но так же, как и записи за май – декабрь 1916 г., записи времен Февральской революции автором изъяты. Приходится надеяться, что они сохранились у потомков Ильи Даниловича.

Проведя анализ документов отдельно взятого полка русской армии в период Первой мировой войны, можно говорить о взаимосвязи и взаимодополняемости личных и официальных повествовательных источников. Через журналы боевых действий в полной мере прослеживаются места расположения воинского формирования, учебные, полевые и боевые мероприятия. В особых случаях можно встретить цитирование приказов. Практически полностью приводятся списки военнослужащих, приставленных к наградам. Хронология боевых действий полка с точностью до часа-получаса фиксируются на страницах журналов. Также следует учитывать такой пласт документов, как военные приказы, которые часто содержат в себе статистическую информацию. В то же время персональный дневник показывает личное отношение свидетеля данных событий к происходящему. Автор дневника

упоминает незначительные для официальных источников, но важные для понимания того периода бытовых сторон фронтовой жизни и общих настроений в рядах армии детали.

Примечания

- ¹ ОПИ ГИМ. Ф. 424.
- ² Там же. Ед. хр. 222–224.
- ³ РГВИА. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 4. Л. 1об.
- ⁴ Там же. Д. 17. Л. 65.
- ⁵ Там же. Д. 5.
- ⁶ Российский государственный военно-исторический архив: История в документах: 1797–2007 / Отв. ред. И.О. Гаркуша. М.: РОССПЭН, 2011. С. 99.
- ⁷ РГВИА. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 4, 5, 48–52, 139, 140.
- ⁸ Там же. Д. 18. Л. 5об.
- ⁹ Там же. Л. 2–2об.
- ¹⁰ Там же. Л. 21–22.
- ¹¹ Там же. Л. 28.
- ¹² Там же. Л. 45об.
- ¹³ Там же. Л. 66 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 45об–46.
- ¹⁵ Там же. Л. 81об, 83
- ¹⁶ Там же. Л. 113об, 115
- ¹⁷ Там же. Л. 119об.
- ¹⁸ Там же. Л. 121.
- ¹⁹ Там же. Л. 158.
- ²⁰ Там же. Л. 172 об.
- ²¹ Там же. Л. 249об–250.
- ²² Там же. Ед. хр. 222. Л. 46.
- ²³ Там же. Л. 49 об.
- ²⁴ Там же. Л. 50.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 3039. Д. 113. Л. 126–143об.; Д. 114. Л. 17–21, 53–56об.; Д. 115. Л. 77–83, 85–89, 91–91об.
- ²⁶ Шутливое обозначение жандармов.
- ²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 424 Ед. хр. 224. Л. 307об, 307
- ²⁸ Там же. Л. 313–316об.

УДК 737

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-4-72-80

С.В. Зверев

Монетное дело в Новгороде в середине XVII в.

В статье исследуется история чеканки монет в Новгороде в период денежных реформ царя Алексея Михайловича в середине XVII в. Развитие товарно-денежных отношений, рост и укрепление российского рынка, усиление государственной власти и присоединение в 1654 г. Украины сделали необходимым усовершенствование денежного хозяйства страны. Задачей денежной реформы 1654 г. стало введение набора крупных и мелких номиналов, внедрение меди в качестве монетного металла. Однако усиленный выпуск медных монет привел к инфляции, вызвал резкий рост цен, дезорганизацию экономики и Медный бунт 1662 г.

Ключевые слова: денежная реформа, медные копейки, денежный двор, Новгород.

Денежные реформы царя Алексея Михайловича в середине XVII в. были направлены на модификацию денежного обращения страны.

В 1654 г. в обращение были введены серебряные рубли, изготовленные путем перечеканки талеров, а также полуполтины, чеканенные на разрубленных на четыре части талерах. Также были выпущены медные полтины и алтынники. Технические неудачи при чеканке новых крупных монет заставили искать более простой способ выпуска крупных номиналов. В 1655 г. талеры стали клеймить лицевым чеканом копейки и небольшим прямоугольным клеймом с датой «1655». Такой «ефимок с признаками» получил точную оценку по весу серебра в 64 копейки¹.

В начале 1655 г. было принято решение о выпуске в дополнение к медным проволочным алтынникам других номиналов из меди. Началась массовая чеканка медных копеек и денег, а также грошевики (2 коп.). Но крупные монеты оставались в обращении недолго. В 1657 г. были изъяты из обращения серебряные рублевики, медные полтинники, алтыны и грошевики, а в 1659 г. – «ефимки с признаками» и полуполтинники².

В 1655–1662 г. чеканка медных монет по образцу привычных народу проволочных серебряных копеек осуществлялась в Москве на двух денежных дворах, в 1655–1663 гг. работали денежные дворы в Новгороде и Пскове³. В 1659–1661 гг. медные копейки чеканил еще один денежный двор в захваченной у шведов в 1656 г. крепости Кукуево (Кокенгаузен), переименованной в Царевичев-Дмитриев город⁴.

Целью исследования является история монетного производства в Новгороде в середине XVII в.

Еще в 1935 г. К.В. Базилевич первым указал документ, упоминающий Новгородский денежный двор, которому вместе с Псковским двором было велено в сентябре 1655 г. чеканить медные монеты «наспех днем и ночью с великим раденьем»⁵.

В 1967 г. А.С. Мельникова ввела в научный оборот интересный и обширный документ – отписку московского дворянина Н. Зузина, отправленного в Новгород «к боярину и воеводе ко князю Григорью Семеновичю Куракину в товарищи»⁶. Документ сообщал о многочисленных хищениях и злоупотреблениях администрации денежного двора. Двор даже не имел надежного ограждения. Контроля за мастерами практически не было. По сговору с головой и целовальниками денежного двора значительные массы меди мастера списывали в потери при плавке. По подсчетам Зузина, денежные мастера крали «в угар» по 600, 800 и 1000 рублей. Огромные суммы денег голова денежного двора приказывал делать «на себя» из собственной меди. Принимая медь у поставщиков на таможене, он передавал ее денежным мастерам, указывая в документах меньший вес. К моменту разоблачения у головы «объявилось» 60 пудов меди, из которых было сделано на 20 000 рублей медных копеек. Нормализовать работу денежного двора пытались путем смены руководства и найма новых денежных мастеров⁷.

На основе псковских приходо-расходных книг, которые сообщали о начале работы Псковского денежного двора с октября 1655 г., А.С. Мельникова высказала мнение, что на Новгородском дворе чеканка началась одновременно с псковской⁸. Вместе с тем А.С. Мельникова определила, что в Новгороде в 1655 г. начали чеканить алтынники, грошевики, копейки и денги. Она проследила пути

поступления меди на Новгородский денежный двор и дала оценку его продуктивности. Например, в царском указе от 20 апреля 1662 г. воеводе князю Б.А. Репнину предписывалось для выплат ратным людям «держать в запасе чetyреста тысяч рублей, а что сверх тех запасных денег зделовые, те денги присылать к Великому государю к Москве»⁹.

В.Л. Янин в специальной статье, посвященной работе Новгородского денежного двора в XVII в., указал, что его история «в наиболее важных деталях только по недоразумению остается неизвестной современным исследователям», поскольку «странным образом вне поля зрения специалистов остались опубликованные в 1911 г. А.М. Гневушевым приходо-расходные книги Новгородской четверти¹⁰, которые содержат важную информацию о деятельности Новгородского денежного двора в середине XVII в.¹¹ В.Л. Янин подробно исследовал все сведения этих опубликованных приходо-расходных книг о закупках меди для денежного дела, о прекращении 28 февраля 1656 г. производства медных алтынников и грошевикув, о крупных денежных суммах, отпускаемых с Новгородского денежного двора служилым людям на жалованье, о чеканке в Новгороде в 7165 (1656/1657) г. серебряных копеек на 2114 рублей 20 алтын¹².

Особое внимание ученый уделил вопросу о местонахождении денежного двора в середине XVII в. Он отметил, что он «находясь на Рогатице, начал свою работу в 1655 г. там же, где с 1580-х годов до 1628 г. помещался более ранний центр чеканки в Новгороде»¹³.

Эта статья В.Л. Янина создала впечатление полной обработки сохранившихся архивных материалов. Однако сохранившиеся в РГАДА Сметные списки доходов и расходов по Великому Новгороду за 1654–1660 гг. были изданы в 1911 г. А.М. Гневушевым не полностью, с пропусками, а за 1660–1663 гг. вообще не были опубликованы.

Изучение всего комплекса документов позволяет определить, что чеканка монет в Новгороде началась раньше чем в Пскове, еще до осени 1655 г. По итогам 7163 (1654/1655) г. «из четвертных доходов на денежное дело на медь и на уголье, и мастером от дела, и на всякие денежного двора расходы в розных числах дано 745 рублей 3 алтына пол 5 денги»¹⁴. Указание о выдаче денег «мастером от дела» прямо указывает на чеканку монет в период до 1 сентября 1655 г.

Выпуск монет в 1655 г. в Новгороде начался с чеканки серебряных копеек. «По приказу боярина и воеводы князя Юрья Петровича Буйносова Ростовского да дьяка Василья Шпилкина серебряному мастеру Матфею Романову за пол 2 ефимка любских дано

24 алтына. Иmano серебро для опыти денег»¹⁵. Легко рассчитать, что первый тираж новгородских серебряных монет не превышал одного рубля.

Также «по подписной челобитной за пометою дьяка Василья Шпилькина серебряному мастеру Ортюшке Омосову на неделю корму дано 7 алтын, по 6 денег на день. Вырезывал чеканы» и «по приказу боярина и воеводы князя Юрья Петровича Буйносова Ростовского да дьяка Василья Шпилькина чеканному мастеру Ортюшке Амосову за маточки от дела дано рубль»¹⁶. Этот талантливый резчик начал в 1655 г. работать в Новгороде, а позднее был переведен в Москву. В 1662 г. он уже указан среди работников московского Нового «Аглинского» денежного двора¹⁷.

Документы свидетельствуют, что в 1655 г. денежный двор в Новгороде был возобновлен не на прежнем месте на Рогатице, а на новом месте, на Варецкой улице, где работал более года¹⁸. Там чеканили медные копейки, денги, алтынники и грошевики. Хотя по указу от 28 февраля 1656 г. чеканка алтынников и грошевиков была отменена, но из обращения они были изъяты позднее, в 1655 (1656/1657) г.: «По грамоте Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича Всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца велено имати в государеву казну у всяких чинов людей медные денги полтинники и алтынники, и грошевики, а в то место велено давати из государевы казны мелкие денги двуденежники. И на те крупные денги на мену мелких денег вышло 247 рублей 10 алтын. А которые крупные денги выменены и те денги посланы к Москве в приказ Большие Казны»¹⁹.

В 1655 (1656/1657) г. для денежного двора купили более обширный участок, заплатив «гостю Василью Стоянову за двор гостя Семена Стоянова со всем хоромным строением, что взят на денежной двор на Рогатице улице 1500 рублей. Да к тем же денгам в прибавку придан ему старой денежной двор на Варецкой улице за сто рублей»²⁰.

Переписная книга 1646 г. позволяет уточнить, что С. Стоянов владел на Рогатице тремя участками, ни один из которых не относился к старому денежному двору конца XVI – начала XVII в. Таким образом, установившееся мнение о возобновлении работы Новгородского денежного двора на том же старом месте на Рогатице, где существовал двор до 1627/1628 г., следует признать ошибочным. Чеканка медных копеек велась в 1657–1663 гг. на Рогатице на вновь созданном денежном дворе. При этом находит объяснение термин «Новый», отмеченный в одном из документов 1661 г. применительно к Новгородскому денежному двору²¹. Понятно, что «Старым» тогда являлся прекративший работу двор на Варецкой улице.

Выявленные в 1660 г. злоупотребления и воровство на Новгородском денежном дворе вызвали основательную реорганизацию монетного производства. Новгородский денежный двор был огорожен крепким тыном. Подготовительные операции и собственно чеканка монет были разделены. Был создан специальный Волочильный двор, являвшийся филиалом денежного двора. Объем строительных работ был очень большим: «Новгородцем посадским людем за лес, что иман на волочильный двор на Никитину улицу и на волочильные избы, и на кузницы, и на заборы, и плотником стрельцом, которые около денежного двора на Рогатице улице тын ставили и на волочильном дворе волочильные избы и кузницы рубили, и около двора забор забирали, и извощиком от тех бревен и от кирпичю за провоз, и каменщиком которые в волочильных избах печи, а в кузницах горны, вновь клали, государева жалованья поденного корму вышло 234 рубли 20 алтын 2 денги»²².

В 1661–1663 гг. на волочильном дворе на Никитине улице делали медную проволоку, а денежный двор на Рогатице стал получать ее по весу и отчитываться готовыми монетами и отходами меди при чеканке – «мастерскими крохами». Это не давало возможности денежным мастерам списывать медь «в угар», а мастера волочильного двора не имели доступа к чеканке монет.

Возможно для размещения Новгородского волочильного двора был использован двор, конфискованный в 1658 г. у гостя П. Микляева, которому прежний воевода князь И.А. Голицын и дьяк В. Шпилькин «своею глупостью, забыв Великого государя крестное целованье и свои головы»²³ обменяли старый государев двор на Рогатице на его двор на Никитине улице. Воевода князь Г.С. Куракин по царскому указу конфисковал у П. Микляева оба двора – и прежний государев двор на Рогатице, и его двор на Никитине улице. Двор на Рогатице был отдан для житья второму воеводе князю А.М. Сонцову-Засекину²⁴, а двор на Никитинской, видимо, использован для денежного дела. Судя по росписи 1658 г., там имелась каменная палата длиной 6 сажений, шириной 5 сажений, с каменными сводами. Под палатой был погреб с железными решетками, железной и деревянной дверьми. Над палатой был установлен брусяной сруб, крытый тесом. Также на дворе была горница с сенями. У забора стоял сарай. Двое ворот выходили на разные улицы²⁵.

Документы дают дополнительную информацию по истории чеканки в Новгороде в 7165 (1656/1657) г. серебряных копеек. В этом году для денежного двора закупали не только медь, но также серебро: «По приказу боярина и воевод князя Григорья Семеновича Куракина с товарыщи денежного двора голове Григорью Иванову

с целовальники на ефимочную покупку, что куплено на денежное дело, 1370 рублей»²⁶. Но чеканка серебряных копеек в Новгороде в середине XVII в. была лишь эпизодом.

Важной задачей было обеспечение Новгородского денежного двора медью. В 1655–1660 гг. закупку меди осуществляли на серебряные деньги, специально для этой цели доставляемые из Москвы. Например, в 7167 (1658/1659) г. зафиксировано «у целовальников у Прошки Денисова с товарищи серебряных денег, что прислано с Москвы ис приказы Большие Казны на медную покупку, 21 600 рублей»²⁷, а в 7168 (1659/1660) г. отмечено «у целовальника у москвитина у Ивашка Парфеньева да у новгородца у посадцкого человека у Фомки кузнеца серебряных денег, что прислано с Москвы ис приказы Большие Казны на медную покупку, 32 000 рублей»²⁸. Иногда деньги на покупку меди посылали сразу за рубеж или в приграничные города, куда могли доставлять медь²⁹.

В 7169 (1660/1661) г. последовал указ покупать медь не за серебряные, а за медные деньги, которые «давать из казны Великогосударя з денежного двора»³⁰.

Поставки меди были тесно связаны с условиями русско-шведской торговли. После заключения 20 декабря 1658 г. Валиесарского перемирия уже в феврале 1659 г. возобновились поездки русских людей в шведские владения, а шведских подданных – в Россию³¹. Новые поставки шведской меди заметно повлияли на русское денежное дело³².

Большие суммы медных денег выдавали с Новгородского денежного двора на жалованье ратным людям и на всякие четвертные расходы³³. Но основная часть продукции Новгородского денежного двора направлялась в Москву: «В нынешнем же во 166-м году розных месяцев и числах взято з денежного двора нового дела медных денег у верного головы у Григорья Иванова с целовальники прошлого 165-го и нынешняго 166-го году и послано ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю Всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу к Москве в приказ Большие Казны 109 635 рублей. Да нынешняго ж 166-го году взято у верного головы у Ивана Тимофеева и послано к Москве 210 000 рублей»³⁴.

В следующем «во 167-м году в розных месецех и числах взято з денежного двора нового дела медных денег у верного головы у Ивана Тимофеева с целовальники прошлого 166-го году и послано к Великому государю к Москве 89 235 рублей 14 алтын 2 денги. Да нынешнего ж 167-го году взято з денежного двора верного головы у гостя у Василья Микифорова с целовальники в розных месецех и числах и послано к Великому государю к Москве в восьми посылках 800 000 рублей»³⁵.

Документы сообщают точную дату закрытия Новгородского денежного двора в 1663 г.: «В нынешнем во 171-м году июль в 16 день в грамоте Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича Всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца из Новгородские четверти за приписью дьяка Дмитрия Шубина писано в Великий Новгород к боярину и воеводе ко князю Ивану Борисовичю Репнину да к дьяку Семену Углетцкому, велено медные денги сливать, а не слив денгами никому у себя держать не велено. А хто похочет принести денги Великого государя в казну и те денги велено принимать на Москве июля с 1 числа две недели, а в городех месяц, а давать велено за медные денги за рубль серебряных по 2 денги. И по той Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича Всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца грамоте и по приказу боярина и воевод князя Ивана Борисовича Репнина да дьяка Семена Углетцкого июля с 16 числа августа по 1 число 172 году в розных числах обменено у всяких чинов людей медных денег 6008 рублей. Серебряных денег дано 60 рублей 2 алтына 4 денги, за рубль медных по 2 денги»³⁶.

Следовательно, пожар на новгородском денежном дворе 19 июня 1663 г. случился на третий день после оглашения указа об отмене медных денег и может быть связан с плохо затушенным кузнечным горном при поспешном прекращении работы. Однозначно говорить о поджоге для покрытия хищений нельзя.

Документы 1663 г. фиксируют выплату денег «извощиком, что возили землю как горил денежной двор»³⁷ и последующее использование части кирпичей от его построек для строительства Пушечного двора: «Да после указу Великого государя, как медные денги отставлены, от тое ж полаты каменщиком за дело и работным стрельцом и салдатом которые к той полаты кирпич и известь и песок носили, и извощиком за провоз горелово кирпичю, что они возили от денежного и с кружечного дворов к тому полатному делу, и плотником которые на ту полату тес тесали и к дверем решетки делали, поденного корму дано серебряными денгами 54 рубли 30 алтын з денгою»³⁸.

Оставшаяся постройка денежного двора также была приведена в порядок в следующем 7172 (1663/1664) г., когда среди расходных статей сметного списка была указана выплата плотникам, которые «на денежном дворе после пожару полату крыли»³⁹. Дальнейшая история этого государева двора пока неизвестна.

Самое позднее известное упоминание двора, связанного с денежным делом в Новгороде в середине XVII в., относится к 1678 г., когда в переписной книге было отмечено «место пустое, что преж сего был государев волочильный двор, полата каменная обетчала»⁴⁰.

- ¹ *Спасский И.Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 129–139; *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М, 1989. С. 196–226; Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М, 1989. С. 196–226; *Зверев С.В.* К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. // Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов. М., 2004. (Труды ГИМ, Вып. 139.) С. 108–119; *Он же.* Монеты крупных номиналов в денежном обращении Русского государства в середине XVII в. // Вестник РГГУ. № 9 (152). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2015. С. 114–122.
- ² *Зверев С.В.* Монеты крупных номиналов... С. 114–122.
- ³ *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 24; *Спасский И.Г.* Денежное хозяйство... С. 139; *Мельникова А.С.* Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. 1970. Т. 8. С. 108–122; *Она же.* Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654–1663 гг. // Нумизматика и эпиграфика. 1971. Т. 9. С. 144–158; *Она же.* Русские монеты... С. 212–226; *Зверев С.В.* К истории русских денежных реформ... С. 124–142; *Он же.* Неизвестные Новгородские денежные дворы середины XVII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт–Петербург, Гатчина. 16–21 апреля 2007 г.: Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2007. С. 186–190; *Он же.* К истории работы и топографии денежных дворов в Новгороде в XVI–XVII веках // Новгородика–2010: Вечевой Новгород. В. Новгород, 2011. Т. 1. С. 103–144.
- ⁴ *Маркевич А.* О чеканке русских денег в Кокенгаузене в половине XVII в. // Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г. М., 1898. Т. 1. С. 241–244; *Спасский И.Г.* Денежное хозяйство... С. 140; *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 219; *Зверев С.В.* К истории русских денежных реформ... С. 131–132.
- ⁵ *Базилевич К.В.* Денежная реформа... С. 24.
- ⁶ РГАДА. Ф. 210: Безгласный стол. № 80. Л. 84–98; *Мельникова А.С.* Из денежного дела в России: Документ XVII в. // Советские архивы. 1967. № 3. С. 93–99.
- ⁷ *Мельникова А.С.* Из истории денежного дела в России... С. 93–99; *Она же.* Псковский и Новгородский денежные дворы... С. 113–116.
- ⁸ *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 218.
- ⁹ РГАДА. Ф. 210: Новгородский стол. Стб. 127. Л. 207–210; *Мельникова А.С.* Псковский и Новгородский денежные дворы... С. 121.
- ¹⁰ *Янин В.Л.* Из истории Новгородского денежного двора XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. № 10. С. 13–14.
- ¹¹ *Гневушев А.М.* Сметы по Новгороду четвертным денежным доходам XVII в. (с 1620 по 1660 г.) // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911.
- ¹² *Янин В.Л.* Из истории Новгородского денежного двора... С. 16–18.
- ¹³ Там же. С. 20.
- ¹⁴ РГАДА. Ф.137: Новгород. № 45. Л. 123; № 46. Л. 117.

- ¹⁵ РГАДА. Ф.137: Новгород. № 45. Л. 113; № 46. Л. 106об. – 107.
- ¹⁶ Там же. Ф.137: Новгород. № 45. Л. 113; № 46. Л. 107
- ¹⁷ Мельникова А.С. Новый («Английский») денежный двор... С. 152 (ошибочно написано – Аносон); Зайцев В.В., Мельникова А.С. «Дела» Нового Английского денежного двора 1659–1663 гг.// Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. 25 (написано верно – Артюшко Амосов).
- ¹⁸ Зверев С.В. Неизвестные Новгородские денежные дворы... С. 187.
- ¹⁹ РГАДА. Ф.137: Новгород. № 52. Л. 110–110об.
- ²⁰ Там же. Л. 105–105об.
- ²¹ Мельникова А.С. Псковский и Новгородский денежные дворы... С. 113; Янин В.Л. Из истории Новгородского денежного двора... С. 19.
- ²² РГАДА. Ф. 137: Новгород. № 65. Л. 163–163об.
- ²³ Там же. Ф. 210. Оп. 17. Ед. хр. № 88. Л. 18.
- ²⁴ Там же. Л. 18–20
- ²⁵ Там же. Л. 22–23.
- ²⁶ Там же. Ф. 137: Новгород. № 59. Л. 41.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л. 61.
- ²⁹ Зверев С.В. К истории работы и топографии денежных дворов... С. 131–132.
- ³⁰ Там же. С. 132.
- ³¹ Шаскольский И.П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 144–149; Он же. Восстановление русской торговли с шведскими владениями после Валиесарского перемирия 1658 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1981. Вып. 26. С. 61–72.
- ³² Зверев С.В. К истории работы и топографии денежных дворов... С. 132.
- ³³ Там же. С. 133–134.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 137: Новгород. № 56. Л. 35об.
- ³⁵ Там же. № 59. Л. 41об. – 42.
- ³⁶ Там же. № 69. Л. 89об. – 90об.
- ³⁷ Там же. Л. 122об.
- ³⁸ Там же. Л. 98об.
- ³⁹ Там же. № 70. Л. 123об.; Новгород. № 71. Л. 119об.
- ⁴⁰ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.: Сборник документов. СПб., 2003. С. 155.

Историографический обзор русской крестьянской генеалогии

В статье представлен обзор историографии русской крестьянской генеалогии на разных этапах ее развития: дореволюционном, советском и постсоветском. Приведены первые публикации в России по крестьянской генеалогии и выделены наиболее значимые. Обозначены некоторые проблемы историографии по изучаемой теме. Впервые выявлены и рассмотрены направления в истории развития крестьянской генеалогии в современном мире. Перечислены основные публикации по крестьянской генеалогии.

Ключевые слова: генеалогия, крестьяне, публикации, документы, исследования.

Данный историографический обзор – лишь попытка систематизировать все посвященные русской крестьянской генеалогии работы, которые когда-либо выходили из печати в России. Разумеется, невозможно охватить все публикации, особенно те многочисленные труды, которые появляются последние два десятилетия, поэтому они будут рассмотрены комплексно, по направлениям.

Подобные обзоры уже проводились разными историками и исследователями, но они существенно отличаются друг от друга. М.Е. Бычкова впервые в историографии в книге «Генеалогия в России: история и перспективы»¹ освещает историю развития крестьянской генеалогии, выделяя исследования, которые проводились именно применительно к генеалогии крестьянского сословия, но охватывает далеко не все работы и ограничивается публикациями до советского периода. Ранее, в 1977 г., А.И. Аксенов также посвящает одну из своих работ² общей истории генеалогии в России, рассматривая основные публикации по генеалогии, которые повлияли на развитие генеалогии в целом, и характеризует причины развития и спад генеалогической активности в России.

К историографии данной тематики обращаются историки, темы диссертаций которых так или иначе связаны с генеалогией крестьян. Весьма сжатая и неполная историография крестьянской генеалогии приведена в диссертации Е.В. Ильиной³. В ней почти отсутствуют дореволюционные работы. Относительно неплохо представлен историографический обзор крестьянской генеалогии в диссертации⁴ И.С. Федоровой, но в ней также указано не очень много исследований.

В этом же 2013 г. в Томске защищается диссертация⁵, посвященная истории крестьянской семьи, в которой сделан достаточно полный и очень подробный историографический обзор крестьянской генеалогии в России, однако и там применительно к XX и XXI вв. отражены далеко не все работы.

Частично вопросы отечественной историографии крестьянской генеалогии затрагивают статьи Г.Н. Ульяновой и И.А. Троицкой, посвященные историографии ревизских сказок. В этих работах рассматриваются публикации в периоды 1950–1960-х⁶ и 1970–2010-х годов⁷, в которых были задействованы материалы ревизских сказок. Как известно, ревизские сказки являются источниками, которые чаще всего используют в генеалогических исследованиях непривилегированных сословий.

Основная проблема, которая возникает при попытке сделать полноценный историографический обзор, связана с отсутствием централизованной библиографии применительно к генеалогии. Часто информация о многочисленных публикациях, которые издаются в регионах, не систематизируется и остается неизвестной для других регионов. Данная проблематика неоднократно обсуждалась на всероссийских библиотечных конгрессах в рамках секции генеалогических направлений, которые инициирует президент Русского генеалогического общества И.В. Сахаров.

Решение поставленной проблемы находится на стадии формирования. Чтобы облегчить задачу, генеалогическими организациями стали издаваться каталоги⁸ и библиографические справочники⁹, куда входят публикации генеалогической тематики членов этих организаций.

Русская крестьянская генеалогия в дореволюционной печати значительно уступает дворянской генеалогии, но это не означает, что интересы историков не затрагивали крестьян. Публикации по крестьянской генеалогии существуют, но их единицы. Одна из первых работ появилась еще в 1903 г., это была небольшая статья Н.Н. Кашкина о синодиках¹⁰, содержащих записи о ряде крестьянских семей Козельского уезда почти за 100 лет. О крестьянских корнях Строгановых в 1909 г. была опубликована статья Д.Ф. Кобеко¹¹.

Необходимо заметить, что интерес к родословной Строгановых отмечен историками¹² как временем середины XIX в.¹³, так и началом XX столетия. Генеалогические изыскания по роду выходцев из разбогатевших поморских крестьян продолжал А.А. Введенский¹⁴. Русский генеалог Б.Л. Модзалевский помимо своих других статей, представляющих интерес для истории и генеалогии, занимался родословной М.В. Ломоносова, у которого также в роду предки были крестьянами. В 1911 г. была напечатана работа «Род и потомство Ломоносова»¹⁵. Среди известных людей, происхождение которых волновало общество, был Иван Сусанин, чья родословная также оказалась крестьянской. Об этом в 1912 г. пишет Н. Виноградов в своей статье «Потомки Сусанина»¹⁶. Б. Никонов развивает тему о потомках Сусанина¹⁷ в 1913 г. Интерес же к этой исторической личности в печати разогревался еще в 1871 г., когда вышел материал А. Домнинского¹⁸. Краткие выдержки про крепостного крестьянина из вотчины Нарышкиных опубликованы А. Левитским¹⁹ в 1912 г.

Таким образом, следует заключить, что печатные работы крестьянской генеалогии до революции 1917 г. носили фрагментарный и эпизодический характер. Помимо работ, которые касались непосредственно крестьянской генеалогии, появлялись автобиографии известных людей, которые имели крестьянское происхождение, например издателя и этнографа И.В. Голышева²⁰. Также существуют общие дореволюционные исторические исследования по крестьянству.

В продолжение традиции сохранять интерес к происхождению известных людей, в послереволюционные годы внимание переключилось на родословную В.И. Ленина²¹. 1918 год ограничился только несколькими публикациями²² о крестьянских предках вождя, после чего все дальнейшие издания были взяты под строгий контроль и в целом генеалогические исследования почти перестали появляться.

В 1939 г. историк-генеалог С.Б. Веселовский, читая лекции в университете²³, отметил необходимость в проведении исследований по крестьянской генеалогии. Но долгие годы это направление не было реализовано. Период до 1950-х годов можно назвать мертвым для крестьянской генеалогии.

В источниковедческих исследованиях 1950-х годов было обращено внимание на такие документы, как ревизские сказки. Поскольку академик Б.Д. Греков занимался крестьянской историей²⁴, при формировании статей к юбилейному сборнику была напечатана статья Е.П. Подъяпольской про ревизские сказки²⁵. Через несколько лет появилась статья В.М. Кабузана на эту же тему²⁶.

Постепенно с либерализацией общества и политического режима публикации по генеалогии начинают набирать обороты. Крестьянской проблематикой начинают заниматься региональные научные центры. Например, в Томске выходят работы З.Я. Бояршиновой по истории крестьянских семей²⁷. В ряде работ по истории феодального землевладения реконструированы архивы около полутора десятков крестьянских семей. Наиболее важным в этом аспекте является семейный архив крестьян Артемьевых, сохранившийся до нашего времени в руках крестьянской семьи. Родовой архив Артемьевых-Хлызовых был реконструирован А.А. Преображенским²⁸. Пример перехода семьи Амосовых из крестьянского сословия в купеческое освещен в статье Н.Е. Носова²⁹. Генеалогию обедневших новгородских бояр – двинских крестьянских семей – описывает в своих материалах А.И. Копанев³⁰. Изучая крестьянские семьи, Е.Н. Бакланова³¹ исследует переписные книги, описывает их содержание, но не дает генеалогическую обработку данных. Труды о крестьянском населении исследователей Я.Е. Водарского³², И.В. Власовой³³, П.А. Колесниковой³⁴, Н.А. Миненко³⁵ и многих других также поддерживают волну интереса к крестьянским родословным и крестьянскому образу жизни в истории России.

К концу XX в. появляются работы, которые специально посвящены изучению крестьянских родов. М.М. Громыко в своем исследовании³⁶ показывает, как с помощью ревизских сказок, исповедных росписей, метрических книг и других документов можно составить крестьянскую родословную. Проблему состояния источниковой базы генеалогических изысканий крестьянских родов ставит в своей статье И.И. Глуховская³⁷. Значимость генеалогических источников в изучении крестьянской родословной отмечают в своих работах Н.Л. Юрченко³⁸, Х.О. Палпи³⁹, Д.Н. Антонов с И.А. Антоновой⁴⁰ и Б.П. Миронов⁴¹.

В 1988 г. в РГГУ состоялась научная конференция по генеалогии, где рассматривались проблемы генеалогии различных социальных слоев России, в том числе и крестьян. Эта конференция стала первым за много десятилетий научным событием, связанным с возвращением генеалогии ее заслуженного места в кругу исторических наук и собравшим почти всех видных специалистов страны в этой области и молодых ученых. В 1994 г. был выпущен сборник с материалами конференции⁴². Из них по крестьянской генеалогии интересны статья Н.Ф. Филатова⁴³ и М.Ф. Прохорова⁴⁴. У М.Ф. Прохорова имеются еще интересные статьи о методике составления крестьянских родословных⁴⁵ и по истории развития практической генеалогии дореволюционной России⁴⁶. Также

в статье В.Б. Кобринина о перспективах развития генеалогии отмечаются работы по крестьянской генеалогии П.А. Колесникова⁴⁷, В.М. Панеяха⁴⁸, М.Г. Кротова (восстановлена генеалогия крестьян с 1626 по 1865 г., всего 52 крестьянских рода)⁴⁹.

Со временем появляются разнообразные работы по крестьянской генеалогии, правда, зачастую они носят локальный характер. Есть и известные работы: учебное пособие Л.М. Горюшкина⁵⁰, статьи И.Ю. Ускова⁵¹ по источникам XVII–XIX вв. и М.Б. Петриченко⁵², который через несколько лет публикует практическое пособие по составлению крестьянских родословных. А.А. Радионов⁵³ также обращается к методологии по составлению крестьянской родословной. Источниковую базу⁵⁴ и значимость первой переписи населения России⁵⁵ в генеалогических исследованиях крестьянских семей подчеркивает М.В. Тарасов-Борисенко⁵⁶. Историк-генеалог Д.А. Панов составляет родословную первого президента России Б.Н. Ельцина⁵⁷. Необходимо отметить, что все три президента Российской Федерации имеют крестьянские корни⁵⁸ и их родословные в разной степени уже исследованы профессионалами и любителями.

В конце XIX – начале XX в. в виде статей и справочных пособий появляются методологические рекомендации, как самостоятельно работать в архиве с документами, как составить свою родословную. На сегодняшний день существует уже несколько десятков таких справочников. Большое количество практических советов на эту тему можно найти в Интернете. Все это сделало генеалогию весьма популярной в наше время и доступной для всех.

В историографии русской крестьянской генеалогии начала XX в. можно выделить несколько направлений. В первую очередь это статьи различных генеалогических сборников, где люди публикуют результаты исследований только по своей родословной. В России таких работ по крестьянским родам уже больше тысячи. Второе направление характеризуется тем, что помимо результатов исследований своей родословной люди составляют историко-краеведческое описание тех мест, где проживали их предки. Таких работ тоже уже сотни, в основном это книги, которые можно найти в областных и центральных библиотеках. Первые два направления имеют ряд особенностей в связи с тем, что эти работы составлены людьми очень разной исторической грамотности, соответственно часто подвергаются критическому анализу со стороны профессиональных исследователей.

Следующее направление носит более общий, социально-значимый характер. Увлекаясь своей родословной, люди попутно выписывают из документов всех жителей тех населенных пунктов, где проживали их предки. В большинстве своем это достаточно

серьезные книжные издания, которые имеют ничуть не меньшую общероссийскую значимость, чем любое диссертационное исследование. Четвертое направление – это публикация и обработка основных архивных генеалогических источников в полном объеме с археографическим описанием. Такие работы позволяют найти информацию о своих предках, не посещая архив и не вникая в особенности русской письменности исторических текстов. И пятое, достаточно актуальное направление – это научные диссертационные исследования, в которых могут быть решены проблемы, возникающие в генеалогических исследованиях, крестьянской генеалогии в частности. Наиболее детальное рассмотрение историографии русской крестьянской генеалогии начала XXI в. требует отдельного научного исследования.

Примечания

- ¹ Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004.
- ² Аксенов А.И. Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 57–59.
- ³ Ильина Е.В. Источники и методы восстановления генеалогии крестьянских родов середины XVIII – начала XX в. (на материалах Алтайского (Кольваново-Воскресенского) горного округа). АГУ, [Барнаул, 2010 г.]. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/istochniki-i-metody-vosstanovlenija-genealogii-krestjanskih-rodov-serediny-xviii.html> (дата обращения: 01.02.2017).
- ⁴ Федорова И.С. Документы Государственного архива Кировской области по генеалогии крестьянства XVIII – начала XX в.: Архивоведческое исследование. Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, [Москва, 2013 г.]. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dslib.net/istoria-texniki/dokumenty-gosudarstvennogo-arhiva-kirovskoj-oblasti-pogenealogii-krestjanstva.html> (дата обращения: 01.02.2017).
- ⁵ Саксельцев Г.И. Эволюция крестьянской семьи в российской истории конца XVII – XX в. [Томск, 2013 г.]. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-krestyanskoi-semi-v-rossiiskoi-istorii-kontsa-xvii-xx-vv> (дата обращения: 01.02.2017).
- ⁶ Ульянова Г.Н., Троицкая И.А. Ревизские сказки как источник изучения исторической демографии в историографии 1950–1960-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 1 (68). С. 89–101.
- ⁷ Ульянова Г.Н., Троицкая И.А. Ревизские сказки как источник изучения исторической демографии в историографии 1970–2010-х годов // Там же. Вып. 4 (71). С. 118–135.

- ⁸ Каталог трудов членов Русского генеалогического общества 1991–2011 гг. СПб.: РНБ, 2014.
- ⁹ Библиографический справочник: библиография членов УГО: 1991–2015 / Уральское генеалогическое общество. Екатеринбург, 2015.
- ¹⁰ *Кашкин Н.Н.* Из Козельской старины // Императорское русское географическое общество (ИРГО). СПб., 1903. Вып. 3. С. 24–25.
- ¹¹ *Кобеко Д.Ф.* Крестьянская ветвь рода Строгановых. СПб., 1909. С. 67–71.
- ¹² *Дмитриев А.* Федот Алексеевич Волегов: Очерки его жизни и переписка // Пермский край. Т. 3: Пермь, 1895.
- ¹³ *Устрялов Н.Г.* Именитые люди Строгановы. СПб., 1843.
- ¹⁴ *Введенский А.А.* Крестьяне Строгановы в XVI–XIX вв. // Труды Тбилисского государственного университета. Т. 10. Тбилиси, 1939.
- ¹⁵ *Модзалевский Б.Л.* Род и потомство Ломоносова // Ломоносовский сборник, 1711–1911. СПб., 1911. С.331–344.
- ¹⁶ *Виноградов Н.* Потомки Сусанина: Очерки и материалы // Материалы истории, археологии, этнографии и статистики Костромской губернии. Вып. 2. Кострома, 1912.
- ¹⁷ *Никонов Б.* Три века тому назад: Потомки Ивана Сусанина // Нива. 1913. 16 февр. С. 136–137.
- ¹⁸ *Домнинский А.* Правда о Сусанине. Историко-статистическая записка о достопримечательностях с. Домнина и церкви в нем существующей // Русский архив. М., 1871. Вып. 2.
- ¹⁹ *Левитский А.* Краткий исторический очерк с. Покровского в Филях Московского уезда. М., 1912. С. 5.
- ²⁰ Воспоминания И.А. Гольшева: 1838–1878 // Русская старина. 1879. Апрель. С. 753–772; Июнь. С. 353–366.
- ²¹ *Митрофанов А.Х.* Вождь деревенской бедноты В.И. Ульянов-Ленин: Биографический очерк. М., 1918.
- ²² Ленин – Владимир Ильич Ульянов: очерки жизни и деятельности. Пг., 1918. С. 9.
- ²³ Лекции проф. Веселовского по технике научных исследований: Стенограмма. Лекция № 4 (1), 27 апр. 1939 г. [Разд.]: [Генеалогия] // Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 206.
- ²⁴ *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. 2-е изд., испр. и доп. М., 1952–1954. Т. 1–2.
- ²⁵ *Подьяпольская Е.П.* Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 311–321.
- ²⁶ *Кабузан В.М.* Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII – первой половины XIX в. (1718–1858 гг.) // История СССР. 1959. № 5. С. 128–140.
- ²⁷ *Бояршинова З.Я.* Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 3–19.
- ²⁸ *Воскобойникова Н.П.* Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974.
- ²⁹ *Носов Н.Е.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. («Лучшие люди»

- и «Торговые мужики» двинских актов XVI в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 1. Л., 1968.
- ³⁰ *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 71–110.
- ³¹ *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере: конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.
- ³² *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
- ³³ *Власова И.В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М., 1976.
- ³⁴ *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в.: К вопросу об экономике аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976.
- ³⁵ *Мищенко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири: XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1979.
- ³⁶ *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- ³⁷ *Глуховская И.И.* Архивные источники генеалогической информации о месте жительства в конце XV – начале XX в. // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. М., 1995. С. 177–179.
- ³⁸ *Юрченко Н.Л.* Некоторые проблемы использования ревизских сказок как источника по исторической демографии // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 24. СПб., 1993. С. 183–189.
- ³⁹ *Палти Х.О.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. 1982. № 1. С. 87–93.
- ⁴⁰ *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 15–28; № 5. С. 29–42.
- ⁴¹ *Миронов Б.П.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л., 1998. С. 102–117.
- ⁴² Генеалогические исследования: Сб. статей. М.: РГГУ, 1994.
- ⁴³ *Филатов Н.Ф.* Бобыльско-крестьянский род лысковчан – нижегородцев XVII в. Антроповых // Генеалогические исследования: Сб. статей. М.: РГГУ, 1994. С. 150–160.
- ⁴⁴ *Прохоров М.Ф.* О генеалогии крестьянской семьи в России в XVII – первой половине XIX в.: по материалам Покровской вотчины Нарышкиных // Генеалогические исследования. С.160–168.
- ⁴⁵ *Прохоров М.Ф.* О методике составления крестьянских родословных // Летопись историко-родословного общества. 1997. Вып. 4–5.
- ⁴⁶ *Прохоров М.Ф.* Из истории развития практической генеалогии крестьян в дореволюционной России // Головинский генеалогический альманах. 1996. № 1. С. 13–14.
- ⁴⁷ *Колесников П.А.* Опыт генеалогии рода И.В. Бабушкина: К вопросу о формировании кадров предпролетариата и российского рабочего класса // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 91–106.
- ⁴⁸ *Панях В.М.* Генеалогия холопских семей и холопья старина // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 48–57.

- ⁴⁹ *Кротов М.Г.* Опыт изучения генеалогии крепостного крестьянства по массовым источникам: на материалах сельца Захарова // *Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования.* М., 1989. С. 69–70.
- ⁵⁰ *Горюшкин Л.М.* Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: учеб. пособие. Новосибирск, 1988.
- ⁵¹ *Усков И.Ю.* Формирование крестьянского населения Верхотомской волости в конце XVII – середине XIX в. // *Балибаловские чтения: материалы науч.-практ. конф.* Кемерово, 1998. С. 7–15.
- ⁵² *Петриченко М.Б.* История 12 поколений крестьянской семьи // *Известия русского генеалогического общества.* СПб., 1995. Вып. 3. С. 19–24.
- ⁵³ *Радионов А.А.* К методологии генеалогического исследования крестьян поморов // *Известия русского генеалогического общества.* СПб., 1995. Вып. 3. С. 24–30.
- ⁵⁴ *Борисенко М.В.* К характеристике источниковой базы по истории семей сибирских крестьян-переселенцев: конец. XIX – XX в) // *Известия Омского гос. ист.-краевед. музея.* 1993. № 2. С. 61–69.
- ⁵⁵ *Борисенко М.В.* Первая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по истории крестьянских семей // *Известия Русского генеалогического общества.* СПб., 1995. Вып. 3. С. 12–19.
- ⁵⁶ *Тарасов-Борисенко М.В.* Ареал генеалогии русских крестьян. СПб., 2001.
- ⁵⁷ *Панов Д.А.* Опыт поколенной росписи крестьянского рода Ельциных. Пермь, 1992.
- ⁵⁸ *Путин А.М.* Род президента В.В. Путина: Основные материалы исследования: 1986–2002 гг. М., 2016.

Дипломатика на страницах отечественных энциклопедий: опыт источниковедческой характеристики

В статье анализируется понимание дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины в отечественных универсальных энциклопедиях и словарях. Источниковедческие наблюдения позволяют говорить о преемственности и взаимосвязи данных работ, представить их как неотъемлемую часть исследований в сфере дипломатики.

Ключевые слова: дипломатика, грамоты, вспомогательные исторические дисциплины.

Любая даже самая краткая энциклопедическая статья не только содержит элементарные сведения о предмете, которому посвящена, но является ценным историческим источником, ярко характеризующим автора, состояние исторической науки и эпоху в целом. Рассмотрим с источниковедческих позиций статьи в универсальных российских энциклопедиях XX – начала XXI в., посвященные дипломатике.

Истоки традиции находим уже в ключевых энциклопедиях дореволюционной России, где дипломатика занимала вполне достойное место¹.

В первом издании Большой советской энциклопедии статья о дипломатике была написана Е. Косминским и А. Сперанским². Под дипломатикой здесь понималась «вспомогательная историческая дисциплина, посвященная формальной критике исторических документов»³. Перечень предложенной в статье литературы составляет 15 работ на русском, французском, немецком и английском языках.

Во втором издании БСЭ, в анонимной статье дипломатика определяется уже более формально как «вспомогательная истори-

ческая дисциплина, изучающая структуру и содержание документов (главным образом эпохи феодализма) в целях установления их подлинности»⁴. Литература к статье включает пять наименований – только на русском языке, что явно было следствием эпохи «борьбы с космополитизмом».

В третьем издании БСЭ статья «Дипломатика» написана признанным специалистом в этой области С.М. Каштановым. Определение дипломатики в данном случае выходит за рамки средневекового «*discrimen veri ac falsi*», приобретая источниковедческий характер. Дипломатика здесь – «одна из вспомогательных (или специальных) исторических дисциплин, изучающих форму и содержание актов». Литература к статье включает четыре работы на русском и французском языках⁵.

Подобное определение дается и в Советской исторической энциклопедии (СИЭ) в очерке, также принадлежащем перу С.М. Каштанова. Но статья в СИЭ существенно более развернутая и отражает достижения в дипломатике основных европейских стран с указанием имен исследователей, основных изданий и центров изучения грамот Австрии, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии (ФРГ и ГДР), Индии, Испании, Италии, Мексики, Нидерландов, Польши, Румынии, Франции, Чехословакии, Швеции, Югославии. Дана литература (35 названий) на языках названных стран⁶. В СИЭ впервые предпринят опыт комплексной характеристики мировой дипломатики.

В вышедшем в 2007 г. девятом томе Большой российской энциклопедии опубликована новая статья С.М. Каштанова о дипломатике⁷. По основательности и объему она значительно выходит за рамки обычных энциклопедических статей. Это не просто краткая справка, объясняющая широким читателям отличие «дипломатики» от «дипломатии»⁸, а основательный очерк, адресованный в первую очередь специалистам. Статья в БРЭ написана практически заново, без прямого влияния статьи в СИЭ и носит исследовательский характер, акцентируя внимание читателя на ключевых и даже дискуссионных проблемах дипломатики. Некоторые вопросы, касающиеся западной дипломатики (например, проблема «диктаторов», роль устной договоренности, специфика датировки), в отечественной историографии ставятся впервые. Если характеристика национальных традиций дипломатики в СИЭ носит справочный характер, то изложение материала в БРЭ – монографический.

Под дипломатикой (от позднелатинского *res diplomatica*, буквально – дело дипломатическое, т. е. касающееся дипломов) в БРЭ понимается вспомогательная историческая дисциплина, изучающая «акты исторические»⁹. Термин «вспомогательные

исторические дисциплины», видимо, по ошибке не выделен курсивом, хотя статья с таким названием в энциклопедии присутствует¹⁰.

Бросается в глаза явно искусственное и источниковедчески уязвимое выражение «акты исторические». «Изобретение» такого словосочетания скорее всего принадлежит не автору статьи, а соответствует традициям отечественных энциклопедий, в которых необходимо выделить акты в качестве документов, интересующих историка. В первом издании БСЭ так и сказано, что «актами историческими» названы «акты текущего делопроизводства, переставшие иметь практическое применение, но сохраняющие историческое значение»¹¹. Между тем современные акты тоже со временем должны активно войти в обиход историков – границы понятий «современный» и «исторический» слишком прозрачны, так же как границы между настоящим и прошлым. Некоторую путаницу могло создавать и включение в энциклопедические статьи помимо разных «актов» справок об отдельных актовых изданиях¹². В третьем издании БСЭ кроме публикаций грамот¹³ отдельные статьи посвящены актам административным, дипломатическим, на вечное пользование землей, на право пользования землей, юридическим, сюда нужно добавить также акты театральные, акты в изобразительном искусстве¹⁴.

В БРЭ, как кажется, путаницы стало значительно меньше за счет сокращения числа статей об актах¹⁵. В первом томе БРЭ, перед статьей «Акты исторические», написанной также С.М. Каштановым, дана статья «Акты гражданского состояния»¹⁶. Очевидно, что обе эти категории могут легко пересекаться. Говоря о метрических книгах, С.М. Каштанов закономерно относит их к актам гражданского состояния, но они попадают как источники, потерявшие текущее практическое значение, в «акты исторические».

Такой разнородной мог быть решен, как представляется, составлением еще одной статьи «Акты», в которой прояснились бы эти «тонкости»¹⁷.

После определения дипломатики как научной дисциплины С.М. Каштанов переходит к историографии, называя имена Петрарки, Лоренцо Валлы, У. фон Гуттена, М. Франковица, Конринга и Папebroxa¹⁸. Затем речь идет о Ж. Мабильоне, Т. Зиккеле и Ю. Фиккере. Обобщающий очерк европейской дипломатики в отечественной историографии до сих пор отсутствовал, и данную статью в энциклопедии, наряду со статьей С.М. Каштанова в СИЭ, можно считать в числе немногих работ такого рода. После истории европейской дипломатики дается обзор основных изданий, регестов, центров исследования и преподавания дипломатики по странам.

Зарождение отечественной дипломатики связывается С.М. Каштановым с работами В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера, а не с «Поморскими ответами» братьев Денисовых, как считал А.А. Введенский¹⁹. «Поморские ответы» по своему значению для дипломатики, видимо, более сопоставимы не с трудом Ж. Мабильона, а с доказательством подложности «Константинова дара» Л. Валлы²⁰. Историографический очерк в статье С.М. Каштанова включает имена 45 отечественных исследователей русского акта. Среди них особенно выделены А.С. Лаппо-Данилевский (как основатель «качественно нового направления в дипломатике») и Л.В. Черепнин. Помимо точки зрения самого С.М. Каштанова, согласно которой дипломатика занимается всеми аспектами актового источниковедения, приведены альтернативные точки зрения Л.Е. Шепелева и В.В. Фарсобина, связывавших дипломатику только с формой источника, а также предлагавших распространять ее на все виды письменных источников.

Завершают статью основные сведения о Международной комиссии по дипломатике.

Литература к статье о дипломатике С.М. Каштанова в БРЭ включает 42 наименования работ на русском, немецком, французском, английском, венгерском, сербском, итальянском, испанском, польском, румынском, чешском языках за 1861–2000 гг., причем преобладают работы второй половины XX в. Некоторые издания после 2000 г. упоминаются в тексте статьи, например, новое издание актов Меровингов 2001 г. Библиография дана по хронологии, а не по языкам, как было принято в предшествующих энциклопедиях.

Видимо, статья несколько сокращалась издательством, из-за чего некоторые вопросы остались нераскрытыми. Вопрос о четырех характеристиках актов (внешняя и внутренняя форма, внешнее и внутреннее содержания) требует пояснения, тем более что он, как кажется, впервые ставится в отечественной историографии. В тексте сказано, что первой и второй характеристиками дипломатика должна заниматься «целиком и полностью, а третьей и четвертой постольку, поскольку это необходимо для установления подлинности и достоверности акта, его происхождения и тенденций развития формуляра»²¹. Однако в соответствии с задачами дипломатики, ранее разработанными С.М. Каштановым, третья и четвертая характеристики относятся к дипломатике как к актовому источниковедению, а значит, должны обязательно изучаться. Более того, исследование содержания актов автор всегда считал приоритетным в дипломатическом исследовании²². Так что первоисточенное значение формы актов для дипломатики, введенное в энциклопедии, в большей степени продолжает традиции европейской науки.

Говоря о разработанных им четырех типах формуляров, С.М. Каштанов выделяет условный, абстрактный, групповой и индивидуальный. Легко заметить, что автором была несколько изменена терминология, принятая в предыдущих работах – «групповой» формуляр ранее носил название «конкретного» и это обозначение уже закрепилось в историографии²³. Видимо, переименование было вызвано намерением сделать термин более понятным: групповой формуляр связан с небольшими группами документов внутри разновидности.

К статье «Дипломатика» даны три иллюстрации, изображающие Фрайбургскую хартию 1249 г., духовную грамоту Симеона Гордого 1353 г.²⁴ и жалованную грамоту царя Михаила Федоровича М.А. Хозину от 18 (28) апреля 1614 г. В подписи к иллюстрации третьей грамоты фамилия гостя указана ошибочно – М.А. Ходин. В то же время в тексте данной грамоты он обозначается как Микула Олексеев сын Хозин, это прослеживается и по подлиннику грамоты, и по публикации²⁵.

Еще более подробна статья о дипломатике, написанная С.М. Каштановым для Православной энциклопедии²⁶. В своей основе она представляет существенно расширенный вариант статьи в БРЭ. После общего раздела о дипломатике идет характеристика развития дисциплины в Австрии и Германии, Франции, Италии, Испании, Португалии, Великобритании, Бельгии, Нидерландах, Швеции, Дании, Норвегии, Польше, Чехии и Словакии, Румынии, Сербии и Югославии, Болгарии, Греции, Канаде, США, Мексике, России. Завершается статья разделом о Международных конгрессах по дипломатике и библиографией на разных языках.

Несмотря на неравномерную характеристику дипломатики в разных странах, статья в Православной энциклопедии по своему содержанию вполне соответствует монографии. На сегодняшний момент это единственный полный аналитический обзор дипломатических исследований в разных странах мира со времен Средневековья до наших дней.

Статья о дипломатике в Православной энциклопедии по обстоятельству не имеет аналогов и в европейской практике. Западные работы в таком жанре, как правило, весьма кратки, касаются почти исключительно национальной дипломатики (не рассматривают Россию и другие славянские страны) и включают ссылки лишь на давние классические работы, имеющие в основном историографическое значение. В качестве лучших из них отметим статьи о дипломатике Р.-А. Ботье²⁷, статьи из словарей Мишеля Мура²⁸, Брокгауза²⁹, П. Феделе³⁰, энциклопедии на испанском языке³¹ и «Британники»³².

Появление любой научной дисциплины в энциклопедиях – это не только показатель уровня развития науки, отношения к ней, но и во многом залог ее успеха в будущем. Энциклопедия дает общее представление о том или ином предмете и первоначальные справочные сведения, необходимые для начала самостоятельного исследования. В этом смысле дипломатика на современном уровне представлена в отечественных изданиях вполне авторитетно. С совершенствованием технологий традиционная «бумажная» энциклопедия уходит в прошлое, и ее место занимают электронные ресурсы, позволяющие быстрее и обстоятельней дать представление о том или ином предмете. Появляется больше возможностей уйти от формализма и ограничений по объему. Однако опыт лучших традиций энциклопедических статей сохраняет свою ценность. В этом смысле статьи о дипломатике С.М. Каштанова дают пример того, как справочное издание можно с успехом совместить с «высокой» наукой.

Примечания

- ¹ См.: Рудаков В. Дипломатика // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1893. Т. Ха (20). С. 643–645; Добиаш-Рождественская О.А. Дипломатика // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., [Б. г.] Т. 16. С. 207–210. Правда, в словаре «Г-ва Гранат» ограничились лишь самой краткой справкой: Дипломатика // Энциклопедический словарь / Изд. Т-ва «Бр. А. и И. Гранатъ и К°». 7-е изд. М., [Б. г.] Т. 18. С. 384.
- ² Косминский Е., Сперанский А. Дипломатика // БСЭ / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. 1-е изд. М., 1935. Т. 22. С. 492–495.
- ³ Там же. С. 492.
- ⁴ Дипломатика // БСЭ / Гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М., 1952. Т. 14. С. 403.
- ⁵ Каштанов С.М. Дипломатика // БСЭ / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1972. Т. 8. С. 288–289.
- ⁶ Каштанов С.М. Дипломатика // СИЭ / Гл. ред. Е.М. Жуков. М., 1964. Т. 5. С. 229–232.
- ⁷ Каштанов С.М. Дипломатика // БРЭ. М., 2007. Т. 9. С. 41–44.
- ⁸ Кстати, статья «Дипломатия» в энциклопедии совсем небольшая и дана без подписи // Там же. С. 45.
- ⁹ Каштанов С.М. Дипломатика // БРЭ. М., 2007. Т. 9. С. 41.
- ¹⁰ Леонтьева Г.А. Вспомогательные исторические дисциплины // БРЭ. М., 2006. Т. 6. С. 65–67.
- ¹¹ Г-н Н. Акты исторические // БСЭ. 1-е изд. М., 1926. Т. 2. С. 66. В этом издании энциклопедии речь идет также об «Актах гражданского состояния», «актах юридических» (Там же. С. 66, 46). Кроме того, рассматриваются «Дипломатические

- акты» (Там же. М., 1935. Т. 22. С. 495). Все эти акты, понятно, во многих случаях могут пересекаться.
- ¹² Таковую традицию в советское время начинает второе издание БСЭ, где кроме актов административных и юридических (БСЭ. 2-е изд. М., 1949. Т. 1. С. 618) даны статьи об актах археографической экспедиции (ААЭ), актах государственного управления, актах гражданского состояния, актах Западной России (АЗР), актах исторических (АИ), Актах Кавказской археографической комиссии (АКАК), актах Московского государства (АМГ), актах органов государственной власти, актах, относящихся до юридического быта древней России (АЮБ), актах Южной и Западной России (АЮЗР), Актах юридических (АЮ). См.: БСЭ. 2-е изд. М., 1950. Т. 2.
- ¹³ БСЭ. 3-е изд. М., 1970. Т. 1. С. 361–363.
- ¹⁴ Поэтому ссылка в статье С.М. Каштанова на «акты» может вызвать недоумения, хотя имеются в виду «акты исторические». Статья с таким названием также написана С.М. Каштановым. Из нее следует, что «акты исторические» совершенно обоснованно претендуют на охват всех грамот (как источников) вообще, в том числе современных документов. См.: *Каштанов С.М.* Акты исторические // БСЭ. 3-е изд. М., 1970. Т. 1. С. 360–361.
- ¹⁵ Тем не менее названы «акты исторические», «акты гражданского состояния», «Акт о капитуляции Германии», «Акт о капитуляции Японии», «Акт о союзе 1841 г.», «Акт о Южной Африке», «акт юридический». См.: БРЭ. М., 2005. Т. 1. С. 373–375, 361–362.
- ¹⁶ *Максимович Л.М.* Акты гражданского состояния // Там же. С. 373.
- ¹⁷ В классическом словаре Брокгауза и Ефрона эту проблему решили за счет включения нескольких статей под общим названием «акты»: Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1890. Т. I (1). С. 312–316.
- ¹⁸ В более ранних работах С.М. Каштанов использовал транскрипцию «Папекрок». См.: *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 42.
- ¹⁹ Более подробно о становлении дипломатики в России см.: *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 46–52. Позиция А.А. Введенского связана с общей установкой, что «русская дипломатика сложилась на национальной почве совершенно самостоятельно, без воздействия западноевропейской учености» (*Введенский А.А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР: Дипломатика. Киев, 1963. С. 7).
- ²⁰ Таковую параллель между «Поморскими ответами» и трудом Л. Валлы проводил сам А.А. Введенский, говоривший также о близости с Мабильоном и Монфоконом, в чем видна его некоторая непоследовательность: *Введенский А.А.* Указ. соч. С. 31–39, 204.
- ²¹ *Каштанов С.М.* Дипломатика // БРЭ. М., 2007. Т. 9. С. 43.
- ²² См., например: *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 26.
- ²³ Об этом см.: *Каштанов С.М.* Дипломатический состав древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Вып. 2. С. 145.; *Он же.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 26; *Он же.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 170. Правда, наименование «групповой» иногда указывалось в скобках, как второе название: *Он же.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 121.

- ²⁴ Эта грамота много раз публиковалась и репродуцировалась, подлинник находится: РГАДА. Ф. 135. Д. 16. Данная ссылка дана по описанию фонда, в котором указаны также краткая библиография грамоты, даны ее фотографии: Государственное древлехранилище хартий и рукописей: Опись документальных материалов фонда № 135 / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1971. С. 18–21.
- ²⁵ Подлинник жалованной грамоты см.: ОПИ ГИМ. Ф. 389. Д. 5. Публикация: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1896. Ч. 1. С. 129–130. В тексте грамоты фамилия упоминается дважды и оба раза как Хозин.
- ²⁶ *Каштанов С.М.* Дипломатика // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 381–389.
- ²⁷ *Bautier R.-H.* Diplomatique // Encyclopaedia Universalis. P., 1995. Corpus 7. P. 529–532. Статья эта по объему сопоставима с рассматриваемой статьей С.М. Каштанова. Литература включает девять наименований на французском, немецком и латинском языках (в том числе работы Мабильона, Тустена и Тассена). В соответствии с традициями французской дипломатики большое внимание в статье уделено характеристике внешней формы документов.
- ²⁸ *Diplomatique // Mourre M.* Dictionnaire encyclopédique d'histoire. Nouvelle édition. P., 1986. P. 1412–1413. В статье изложена краткая история дисциплины, упомянуты Дю Канж, Папелброк, Мабильон, Тустен и Тассен, Жири, де Буар, Зиккель, Фиккер и Бресслау.
- ²⁹ *Diplomatik (Urkundenlehre)* // Brockhaus Enzyklopädie in vierundzwanzig Bänden. 19. völlig neu bearbeitete Auflage. Mannheim, 1988. Bd. 5. S. 529. Статья содержательная; несмотря на краткость, в списке литературы указаны 10 работ на немецком и французском языках.
- ³⁰ *Cor G.* Diplomatica // Grande dizionario enciclopedico / Fondato da Pietro Fedele. Torino, 1956. Т. 4. P. 665–666. Статья, где упоминаются Папелброк, Мабильон, Тустен и Тассен, Школа хартий и «Monumenta Germaniae Historica», ориентирована на итальянские работы, две из которых указаны в списке литературы.
- ³¹ *Diplomatica* // Enciclopedia universal ilustrada Europeo-Americana. Madrid, 1958. Т. 18. Primera parte. P. 1362–1365. Статья объемна, в списке литературы более 100 работ начиная с XV в. на латинском, испанском, французском, немецком, итальянском, английском языках. Сочинения, правда, касаются больше других дисциплин, главным образом палеографии, что явно вызвано расширенным пониманием дипломатики.
- ³² *Diplomatics* // The New Encyclopaedia Britannica. 15th ed. Chicago, 2005. Vol. 4. P. 114–115. Данная статья, пожалуй, самая краткая из названных, в тексте упомянуты Мабильон, Тустен и Тассен, список литературы отсутствует.

Состав семей старицкого князя Владимира Андреевича

В российской историографии нет разработок, содержащих достоверные сведения о составе семей старицкого князя Владимира Андреевича. Имеющиеся в литературе списки детей этого удельного князя свидетельствуют о приблизительности наших знаний по этому вопросу, что иллюстрируют приведенные в статье примеры. Публикуемые в представленной статье материалы отражают новый, более обоснованный взгляд на вопрос о числе потомков князя Владимира Андреевича в двух браках. В генеалогической таблице мы приводим сведения о восьми детях этого старицкого князя – о них свидетельствуют данные письменных источников и материалы некрополя Вознесенского собора в Кремле.

Ключевые слова: Владимир Старицкий, генеалогия, некрополь.

В событиях русской истории середины XV– второй половины XVI в. активное участие принимали сын великого князя Ивана III Андрей – удельный князь Старицкий и его потомки. Но перипетии династической борьбы привели в начале XVII столетия к исчезновению рода князей Старицких. Имена князя Андрея Ивановича, его жены Евфросинии, их сына Владимира и его близких на первый взгляд хорошо известны. Историкам – по письменным источникам и упоминаниям в исследованиях коллег, широкой публике – по немногочисленной научно-популярной литературе и знаменитому фильму Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», а также по современным произведениям кинематографа. Но до сих пор в российской историографии нет специальной работы, в которой бы история этого рода была представлена с достаточной полнотой и обоснованностью (чем не могут похвастаться, к сожалению, и статьи в Интернете). Не претендуя на решение этой сложной задачи в целом, мы попытаемся представить один из ее интересных и малоизученных аспектов. В данной публикации речь пойдет о потомках

старицкого князя Владимира Андреевича, двоюродного брата царя Ивана IV.

Если обратиться к имеющимся в исторической литературе спискам детей этого человека, станет ясной приблизительность знаний по этому вопросу. Данное утверждение несложно проиллюстрировать несколькими примерами. Так, в генеалогическую таблицу, опубликованную в 1966 г. в «Истории СССР» (она составлена на основе исследований В.О. Ключевского), включены имена шестерых детей князя Владимира:

Василий (ок. 1552 – 1573);
Еуфимия (ок. 1553 – 1571);
Юрий (ок. января 1563 – 1569);
Иван (6.I.1563 – 1569);
Мария (1560 – после 1609);
Евдокия (20.I.1561 – 20.XI.1570)¹.

В.А. Ткаченко также приводит список шестерых детей князя Владимира:

Татьяна (? – январь 1563, в детском возрасте);
Анастасия (? – январь 1568, в детском возрасте);
Мария (? – 9.X.1569, в возрасте девяти лет);
Евдокия (II.1560 – 9.X.1569 или 20.XI.1569);
Мария (? – 1614);
Василий (? – 1574)².

В трудах Е.В. Пчелова список детей удельного князя Владимира Андреевича возрастает до девяти человек и представляет собой объединение в одну таблицу имен из первых двух, приведенных выше:

Василий (ок. 1552 – 1574);
Еуфимия (ок. 1553 – 1571);
Мария (ок. 1560 – 1613 или 1614);
Юрий (1563 – 9.X.1569);
Евдокия (20.II.1560 – 20.XI.1569);
Татьяна (? – январь 1564);
Анастасия (? – январь 1568);
Иван (6.I.? – 9.X.1569);
Мария (? – 9.X.1569)³.

Анализируя все эти сведения, следует учитывать, что в письменных источниках точно указана дата рождения только одной дочери князя Владимира – Евдокии: 20 февраля 1560 г. К тому же в них нет никаких данных о сыновьях этого князя Юрии и Иване и дочери Еуфимии. Даты появления на свет детей в приведенных выше списках, как правило, предположительны, но не всегда даются со знаком вопроса, что следовало бы сделать, не имея никаких оснований для точных утверждений.

В настоящее время появилась возможность уточнить как количественный состав детей старицкого князя Владимира, так и возраст некоторых из них. Последнее обстоятельство позволяет определить (в разных пределах – от нескольких дней до года) и время их рождения. В первую очередь это касается девочек от брака князя Владимира со второй женой, княжной Евдокией Романовной Одо-евской. Все это стало возможным в результате изучения группы захоронений представительниц семьи Владимира Андреевича из некрополя Вознесенского собора в Московском Кремле. Антропологические исследования предоставили новые данные о возрасте четырех дочерей этого человека – Марии (старшей из двух), Евдокии, Татьяны и Анастасии. Также они помогли установить очередность их появления на свет. Неожиданный и весьма важный результат дало изучение захоронения и самой княгини Евдокии Романовны – их матери.

Старицкий князь Владимир Андреевич был женат дважды. Его первой женой с 1550 г. была Евдокия Александровна Нагая⁴. По какой причине произошел их развод – письменные источники умалчивают. В летописных сводах практически не прослеживается и дальнейшая судьба этой женщины. В исторической литературе высказывалось утверждение, что причиной развода стало отсутствие детей в этом браке⁵. Однако брак продолжался только около четырех лет и в дальнейшем они вполне могли быть. Хорошо известно, что девочек в период Средневековья выдавали замуж рано – в 13–14 лет, и до рождения первого ребенка иногда проходило несколько лет. К тому же, судя по некоторым данным, ребенок (дочь) в этой семье Владимира Андреевича все же был. Учитывая, что развод в период Средневековья получить было крайне сложно, история расторжения первого брака старицкого князя Владимира вызывает большой интерес. Но причину расставания этой пары определить спустя столетия можно только предположительно.

Монастырская документация («Описи», «Вкладные книги») и музейные фонды г. Суздаля и Владимира позволяют, во всяком случае, проследить жизнь этой женщины, совсем в молодом возрасте ушедшей в монахини. Княгиня Евдокия Александровна после развода стала постриженицей суздальского Покровского монастыря и, судя по всему, ей не было тогда еще и двадцати лет! В этой обители долгое время хранился ее вклад – серебряное блюдо с надписью: «Сие блюдо велела сделати в дом к Пресвятой Богородице честнаго и славнаго ея Покрова благовернаго князя Владимира Андреевича княгиня старица Евпраксия»⁶. Сегодня это блюдо хранится в фондах музея г. Владимира. Вклад скорее всего относится к концу XVI в.

В музейном собрании г. Суздаля хранится также покров, вложенный княгиней-монахиней 28 июля 1578 г. в Рождественский собор «на гроб великаго чудотворца епископа Ивана». Крайне важное свидетельство представлено в записи далее: «За тот вклад поминал дщю князя Володимера Андреевича и мою...»⁷. В пространной вкладной надписи приведено имя вкладчицы – «княже Володимерова княгиня Андреевича инока Евпраксия уделная»⁸. Таким образом, этот памятник свидетельствует о том, что в браке с князем Владимиром у Евдокии Александровны была дочь, судьба которой по письменным источникам не прослеживается вообще. Скорее всего она умерла младенцем. Возможно, смерть ребенка послужила психологическим толчком для Евдокии к принятию монашеского пострига? Текст вкладной надписи данного покрова был опубликован еще в XIX в. в одной из книг «Временника» Общества истории и древностей российских, но с ошибками⁹.

Известен и второй покров – вклад старицкой княгини Евдокии от 24 июля 1581 г.¹⁰ Первая жена князя Владимира надолго пережила своего мужа и была еще жива в 1597 г., так как в «Описи» Покровского монастыря под этим годом есть запись: «...келья княж Володимеровы Ондреевича княгини старицы Еупраксеи»¹¹. Характерно в описании отсутствие формулы «что была» келья за княгиней старицей Евпраксией; это позволяет утверждать, что в этот год знатная монахиня еще была жива. В этой обители княгиня – инокиня Евпраксия и была похоронена¹².

После расставания с первой супругой князь Владимир в 1555 г. заключил второй брак. Ему было тогда двадцать два года. В летописных сводах отмечено активное участие в этом событии его двоюродного брата, двадцатипятилетнего царя Ивана IV: «Тоя же весны, апреля 28, в неделю вторую по Пасце... женил царь и великий государь Иван Васильевич брата своего князя Владимира Андреевича, взял за него дщерь княж Романову Одоевского княжну Евдокию»¹³. Ввиду решительности и скоропалительности действий царя Ивана IV вполне можно предположить, что он мог по какой-то причине заставить двоюродного брата Владимира развестись с первой женой и заключить новый брак. Именно так он (царь Иван Васильевич) поступил позже со своими четвертой и пятой женами, а также с первой и второй женами старшего сына царевича Ивана. Все эти женщины приняли постриг.

О семье Владимира Андреевича и Евдокии Романовны в письменных источниках сведений практически нет. Упоминания о второй жене и детях мы находим только в описании их гибели вместе с князем Владимиром в октябре 1569 г. Есть некоторые сведения о судьбе его оставшихся в живых детях – дочерях Евдокии (умерла

в 1570 г.), Марии (с 1573 г. замужем за ливонским принцем Магнусом) и сыне Василии, умершем в 1573 г. (в поле зрения хронистов чаще попадала мать князя Владимира – княгиня Евфросиния).

Итак, какими новыми данными мы располагаем сегодня для уточнения списка детей удельного старицкого князя Владимира Андреевича? Прежде всего это материалы некрополя женского Вознесенского монастыря, в главном соборе которого размещалась усыпальница великих и удельных княгинь и цариц династий Рюриковичей и Романовых. В составе некрополя находились шесть захоронений представительниц рода князей Старицких. Данные их натуральных исследований и позволяют сегодня по-новому представить список детей последнего старицкого князя – Владимира Андреевича.

При антропологических исследованиях останков княгини Евдокии Романовны в ее саркофаге были выделены и частично сохранившиеся останки ребенка в возрасте 12–13 лет. Из летописных источников известно, что в октябре 1569 г. вместе с князем Владимиром Андреевичем и его второй женой Евдокией «не стало на Богане» и их старших («больших») детей¹⁴. Но хронисты допускают разночтения при описании гибели семьи старицкого князя. Так, в «Пискаревском летописце» отмечено, что царь Иван Васильевич «опоил зелием» князя Владимира и Евдокию «з дочерию большею»¹⁵. Натурные исследования захоронений удельных старицких княгинь из некрополя Вознесенского собора показывают, что в октябре 1569 г. вместе с родителями в действительности погибли двое – ребенок 12–13 лет (мальчик?), похороненный в одном гробу с матерью, и княжна Мария, которой было 9–10 лет; похоронена отдельно. В живых детей оставалось трое – Евдокия, Василий и Мария.

Письменные источники, а именно синодик опальных царя Ивана Грозного из Переяславского Никитского монастыря, позволяют уточнить, кто же еще погиб вместе с князем Владимиром и Евдокией Романовной. В списке, разосланном царем Иваном в различные обители для поминовения казненных, числится вместе с удельной старицкой княгиней Евдокией «Марья, да с ними 12 душ и с старицами»¹⁶. Из этого же источника становится ясно, что эта Мария «была у князя молодого приставлена», т. е. служила постельницей у сына Владимира Старицкого, который погиб с родителями¹⁷. Захоронение его в одном саркофаге вместе с матерью – вполне возможная ситуация. Случай погребения детей вместе с матерью не столь уж редки в некрополях средневековой Руси и раннего Нового времени. Есть они и в усыпальнице Вознесенского собора. Аналогичный случай отмечен при археологических

наблюдениях на территории Московского Кремля, где в 1976 г. были исследованы несколько захоронений церкви Кирилла Белозерского в районе Спасских ворот в крепости Москвы. На саркофаге княгини Марии Петровны Шереметевой (третья жена Федора Ивановича Шереметева) размещалось захоронение ее дочери, устроенное непосредственно на крышке каменного гроба под кирпичным сводчатым перекрытием¹⁸.

Источники не называют имя этого ребенка из саркофага княгини Евдокии Романовны, разделившего в октябре 1569 г. судьбу своих родителей и сестры Марии. Но в связи с этим вопросом привлекают внимание сведения, зафиксированные князем Андреем Курбским, который оставил запись об обстоятельствах гибели князя Владимира и его близких: «Тогда же разстреляти с ручниц повелел жену брата своего, Евдокию, ...и двух младенцов, сынов брата своего, от тоя рожденных, единому имя Василий, аки в десяти летех, а другой мнейший, и запамятах уже zde, яко было имя его...»¹⁹. Бросаются в глаза разночтения в сведениях князя Курбского и других источников о причинах гибели князя Владимира, его жены и некоторых детей – чаще хронисты называют отравление причиной смерти членов семьи двоюродного брата царя Ивана IV.

Отметим, например, известие датского посланника Якова Ульфельда, посетившего Россию в 1575 г.: «...возымел великий князь некоторое подозрение на родного своего брата... почему пригласивши его к себе дал ему яд, по приятии которого тот заболел и умер...»²⁰. Обращают на себя внимание имя и возраст одного из названных князем Андреем Курбским детей. Возраст, который указывает Курбский, близок к возрасту ребенка из захоронения княгини Евдокии Романовны. Вполне возможно, что старший ребенок в этой семье носил имя Василий. В данном очерке есть возможность представить только некоторые результаты изучения костных останков этого ребенка антропологами (из-за плохого их состояния провести молекулярно-генетические исследования пока не удалось). Результаты изучения костных останков ребенка из саркофага княгини Евдокии Романовны свидетельствуют о том, что ему было 12–13 лет, а это значит, что он и был старшим в семье и родился в 1556–1557 гг.

Вторым в нашем списке детей князя Владимира стоит еще один сын по имени Василий, жизнь которого по источникам удастся проследить вплоть до 1573 г. Известно, что в тот год царь Иван IV женил княжича Василия Владимировича. В брак молодые люди вступали в эпоху Средневековья чаще всего в возрасте 16 лет. Поскольку точных сведений о том, сколько лет ему тогда было, в письменных источниках нет, с опорой на эту традицию

можно отнести его появление на свет к 1557–1558 гг. Обстоятельства смерти этого юного сына удельного князя Владимира не нашли отражения в письменных источниках, а исследовать его останки, погребенные в Архангельском соборе Кремля, пока не представляется возможным.

Княжна Мария была старшей дочерью князя Владимира Андреевича во втором браке с Евдокией Романовной Одоевской (и третьим по порядку рождения ребенком). Время ее появления на свет источниками не зафиксировано. Девочка погибла вместе с родителями 9 октября 1569 г. под Александровской слободой. Похоронили ее, как и ее мать и трех сестер, в некрополе Вознесенского собора в Кремле, в северо-восточном углу храма. На крышку белокаменного саркофага княжны Марии нанесена эпитафия: «Лета 7078 месяца октября в 9 день преставися благоверная княжна Мария княже Володимерова Ондреевича дочь»²¹.

Результаты исследования останков княжны Марии антропологами и размеры ее погребального сооружения свидетельствуют о том, что эта девочка погибла в возрасте примерно десяти лет. Следовательно, время ее появления на свет предварительно можно отнести к началу 1559 г. Формирование детского организма этого ребенка проходило в сложный период в жизни семьи, что отразилось на здоровье княжны Марии (у нее развился рахит). Трагические события рано оборвали жизнь дочери княгини Евдокии и Владимира Старицкого: она была отравлена вместе с родителями (данные специальных исследований микроэлементного состава костных останков членов этого рода планируется опубликовать в материалах исследований некрополя Вознесенского собора Кремля в ближайшее время).

Княжна Евдокия была четвертым ребенком в семье удельного старицкого князя. Девочка родилась 20 февраля 1560 г. Запись хрониста одновременно зафиксировала смерть 20 февраля 1560 г. княжича Василия (единственного сына князя Юрия Васильевича), племянника царя Ивана Васильевича, и рождение в тот же день дочери в семье удельного князя Владимира Андреевича: «Тое же ночи с среды на четверг в то же время, на десятом часу ночи, за три часа до света, родися князю Володимеру... дщерь Евдокея от его княгини Евдокеи; и царь и великий князь, а с ним сын его царевич Иван да с ними царь Александр Казанский и многие бояре, назавтре того, в пятницу, был у князя Володимера Ондреевича на его радость, и порадовашася с ним и овощи кушали»²².

По каким-то причинам эта девочка не была убита вместе с родителями в 1569 г., прожила еще год и скончалась в 1570 г. Об этом говорит эпитафия на крышке ее саркофага: «Лета 7079 месяца

ноября в 20 день преставился княжна Евдокея княж Владимеро дочь Андреевича»²³. Княжна Евдокия умерла в возрасте десяти лет и девяти месяцев. Отсутствие данных в письменных источниках не позволяет нам восстановить события жизни этой девочки до и после гибели ее родителей. Ее детство пришлось на трудный период в истории семьи старицкого князя Владимира Андреевича. Когда Евдокии исполнилось три года, семью постигла опала, трагедия октября 1569 г. сделала ее сиротой. Причины ее ранней смерти также не нашли отражения в письменных источниках.

Не имея возможности в краткой публикации рассмотреть все перипетии долгой и трагической жизни княжны Марии Владимировны – она была пятым ребенком в семье, отметим только ее брак с датским принцем Магнусом в 1573 г. Удельной княжне было тогда не более 12 лет. «Королева» Мария скончалась в 1613 (или 1614) году, схоронив в 1589 г. свою единственную дочь Евдокию, внучку старицкого князя Владимира Андреевича. Марии единственной из состава этой ветви Рюриковичей удалось прожить столь долгую жизнь, насыщенную сложными и трагическими событиями как в ее личной судьбе, так и в истории России.

Княжна Татьяна была шестым ребенком во втором браке князя Владимира Андреевича. Надпись на крышке ее саркофага из некрополя Вознесенского собора в Кремле гласит: «Лета 7072 генваря в 8 ден преставис княж Володимерова Андреевича доч княжна Тотьяна в ден суботны»²⁴. Ребенок умер в 1564 г. младенцем. В летописях нет сведений ни о дате рождения Татьяны, ни о времени ее смерти. Единственное, чем мы располагаем сегодня, – текст эпитафии. Антропологические данные и размеры гробика свидетельствуют о том, что девочка умерла вскоре после появления на свет. Ясно, что родилась она или в последние дни декабря, или в самые первые дни января 1564 г.

Княжна Анастасия была последним, седьмым, ребенком в семье старицкого князя Владимира Андреевича и Евдокии Романовны. В письменных источниках данных о времени ее появления на свет нет. Ориентиром при определении возраста ребенка опять-таки могут служить эпитафия на крышке гробика и его размеры: «Лета 7076 (1568) генваря 7 дня преставис княж Володимерова Андреевича доч княжна Настасия в день в сере»²⁵. И в данном случае результаты изучения останков антропологами и размеры белокаменного гробика позволяют утверждать, что и эта девочка прожила на свете недолго и умерла новорожденной. Таким образом, ее появление на свет следует относить к последним дням декабря – первым дням января 1568 г.

Несомненно, сложное положение старицкого князя Владимира Андреевича в 1560-е годы сказывалось на его жене и детях. Лишь один ребенок этого удельного князя прожил более полувека, остальные умирали младенцами или становились жертвами – вместе со своими родителями или после их смерти – острой династической борьбы в эпоху правления царя Ивана IV (судьбу многих людей тогда определяло и психическое состояние этого государя).

Следует прокомментировать указания некоторых генеалогических таблиц на других детей князя Владимира Андреевича – дочь Евфимию (Еуфимию) и сыновей Ивана и Юрия. Упомянутые эти имена публикации не называют источники, на основе которых эти персонажи оказались включены в состав семьи старицкого князя Владимира, да еще и с датами их жизни. Нам лишь однажды встретились имена Ивана и Юрия – они фигурируют в отсылках на один из списков XVII в. какой-то родословной книги: «...Андрей, князь Андреев сын Володимир, у Владимира сын Василей, Иван да Юрий»²⁶. Но в «Исторической заметке» (имя ее автора не указано) не приведены точные сведения об этом документе, отмечено только, что он хранился в личной библиотеке исследователя²⁷. К сожалению, характер многих исторических статей и книг XIX – начала XX в. хорошо известен: точные ссылки на источники в них, как правило, отсутствуют. В другом списке родословной книги (копия также XVII столетия) зафиксированы сведения, соотносимые с данными других документов: «...А у князя Андрея сын князь Владимир, а у князя Владимира сын князь Василий, преставися млад...»²⁸. Все это не вносит ясность в вопрос о составе семьи старицкого князя Владимира. О дочери Евфимии (Еуфимии) в доступных нам источниках нет вообще никаких указаний.

Представленные в данной статье материалы отражают новый, более обоснованный взгляд на вопрос о числе потомков князя Владимира Андреевича в двух браках. В генеалогической таблице мы приводим сведения о восьми детях этого старицкого князя – о них свидетельствуют данные письменных источников и материалы некрополя Вознесенского собора в Кремле.

Род князей Старицких

Иван III + Софья Палеолог

Андрей Иванович Старицкий + княжна Евфросиния Андреевна
 (5.VIII.1490–10.XII.1537) Хованская
 (ок. 1520 – 20.X.1569)

1) Евдокия Александровна + Владимир + 2) княжна
 Нагая (1533–9.X.1569) Евдокия Романовна
 Одоевская
 (ок. 1540 – 9.X.1569)

дочь Ребенок из гроба
 (р. и † между 1551–1554 гг. ?) Евдокии Романовны
 (1556/57–9.X.1569)
 Василий
 (1557/58–1573)
 Мария
 (1559–9.X.1569)
 Евдокия
 (20.II.1560–20.XI.1570)

принц Магнус + Мария
 король Ливонии (1561–1613/1614)
 (26.VIII.1540–28.III. 1583) Татьяна
 (I.1564–8.I.1564)
 Анастасия
 (I.1568–7.I.1568)

Евдокия
 (1579–17.III.1589)

- ¹ История СССР: В 2 сер.; в 12 т. Т. 2. М., 1966. С. 605.
- ² *Ткаченко В.А.* Московские великие и удельные князья и цари. М., 1992. С. 95, 99–100.
- ³ *Пчелов Е.В.* Рюриковичи: История династии. М., 2001. С. 398–400.
- ⁴ Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Вып. 2. М., 1955. С. 65.
- ⁵ *Маясова Н.А.* Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщения Загорского музея-заповедника. Вып. 3. Загорск, 1960. С. 62.
- ⁶ *Ушаков Н.Н.* Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 216.
- ⁷ *Маясова Н.А.* Указ. соч. С. 61.
- ⁸ Там же. С. 61.
- ⁹ Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале ключаря тамошнего собора Анании Федорова // Временник ОИДР. Кн. 22. М., 1855. С. 127.
- ¹⁰ *Маясова Н.А.* Указ. соч. С. 61.
- ¹¹ Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале, 1597 г. // Георгиевский В. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927. С. 56.
- ¹² *Курганова Н.М.* Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007. С. 59.
- ¹³ Пискаревский летописец. С. 189.
- ¹⁴ Соловецкий летописец // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951. С. 224.
- ¹⁵ Пискаревский летописец. С. 76–78.
- ¹⁶ *Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 351.
- ¹⁷ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 351; *Титов А.А.* Синодики XVII в. Переяславского Никитского монастыря. М., 1903. С. 15.
- ¹⁸ *Шеляпина Н.С.* Отчет об археологических наблюдениях на территории Московского Кремля в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 6491. С. 6
- ¹⁹ *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / Изд. подгот. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев. М., 2015. С. 146.
- ²⁰ Путешествие в Россию датского посланника Иякова Ульфельда в 1575 г. // ЧОИДР. 1883. Кн. I. Отд. III. М., 1883. С. 13.
- ²¹ *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2002. № 94. С. 31.
- ²² Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М. 2000. С. 325–326.
- ²³ *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд. М., 2003. № 97. С. 32, 33.
- ²⁴ Там же. № 86. С. 31.
- ²⁵ Там же. № 89. С. 31.
- ²⁶ Москвитянин на 1843 год. 1843. № 9. С. 141.
- ²⁷ Там же. С. 140.
- ²⁸ Там же. С. 141.

Е.В. Пчелов

Городская геральдика дореволюционной России: основные тенденции исторического развития

В статье проанализирована история городской геральдики Московского царства и Российской империи на всем протяжении ее существования. Выделено семь периодов в ее истории, выявлены характерные особенности городской геральдики на каждом этапе, проведен подсчет утвержденных городских гербов по четырем основным категориям. В результате прослежены тенденции развития городской геральдики, изменения как в ее семантике, так и в иконографии гербов. На особенности городской геральдики в каждом из периодов оказывали влияние история геральдической практики в России в целом и история русской культуры, искусства и их символического языка.

Ключевые слова: герб, город, геральдика, эмблематика, семантика.

История русской городской геральдики дореволюционного периода исследовалась неравномерно. Наиболее изученным следует считать XVIII век – время формирования и бурного развития русской геральдической системы, прежде всего применительно к территориальным и городским гербам. Другие периоды изучены слабее, а общей панорамы истории городской геральдики в дореволюционной России пока не создано. Во многом причиной этого является не только недостаточная изученность архивной источниковой базы, но и отсутствие до сих пор полного свода всех утвержденных территориальных и городских гербов старой России. Фундаментальным до сих пор остается классический справочник П.П. фон Винклера, изданный в 1900 г.¹ В свое время он был переиздан с дополнениями А.В. Кудиным и А.Л. Цехановичем², которые довели труд Винклера до 1917 г. Однако выполнено это

издание весьма небрежно и с очевидными неточностями. Чего только стоят слова составителей из первого издания своих дополнений, что «в издание не вошли: некоторые малохудожественные гербы; гербы городов некоторых губерний, где в верхней части повторяется герб губернии, а также гербы городов и посадов, прекративших свое существование», и далее: «в описании гербов удалены отдельные архаизмы и особенности старой орфографии, не меняющие смысл самого описания»³. Составители включили в свои дополнения не только официально утвержденные гербы, но и проекты гербов, чем окончательно нарушили целостность свода. Тем не менее несомненная польза от этого справочника есть – были собраны и опубликованы утвержденные территориальные и городские гербы последних 17 лет императорской России. В книге И.В. Борисова и Е.Н. Козиной «Геральдика России» (М., 2006) представлены гербы городов современной Российской Федерации в их историческом развитии, включая гербы и дореволюционные (в некоторых случаях даже с проектами), и советского времени, и современные. Вычленил гербы дореволюционные не просто, а вследствие территориальной неравнозначности Российской Империи и Российской Федерации и здесь полного свода городских гербов старой России нет. Тем не менее очевидное достоинство книги – возможность получить полное представление о разных гербах того или иного города и наличие цветных изображений. В основу настоящего обзора положены издания Винклера с дополнениями по утвержденным гермам начала XX в. и некоторые интернет-сайты, прежде всего – www.heraldicum.ru.

Мне представляется важным проанализировать русские городские гербы в зависимости от времени их создания в целях выявления особенностей формирования городской геральдики в России в каждый из рассматриваемых периодов. При этом за скобками работы остались, во-первых, губернские и областные гербы (как правило, соответствующие гермам губернских городов), а во-вторых, гербы очевидного иностранного происхождения. К последним относятся гербы городов Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Остзейских губерний, частично Бессарабии, гербы Литвы, Белоруссии и Украины, которые восходят к польско-литовской геральдической традиции. Так, например, при Екатерине II в 1782 г. были утверждены более двадцати украинских городских гербов, в основу которых были положены гербы того времени, когда эти города находились на землях Речи Посполитой. А гербы некоторых городов северо-востока Империи, таких как Нарва, Нейшлот и Сердоболь (утверждены также в 1780-х годах), имели шведское происхождение. Иными словами, мое внимание

было сосредоточено именно на городских (а не в целом территориальных) гербах и именно созданных в рамках собственно русской геральдики.

При анализе гербов я выделил четыре основных их типа в зависимости от семантики: 1) гербы гласные, т. е. отражающие название города (при этом вопрос реальной или фиктивной этимологии в данном случае несущественен); 2) гербы, отражающие природные особенности городской округи; 3) гербы, отражающие занятия жителей, в том числе хозяйственную жизнь; 4) гербы, отражающие историю города и его достопримечательности. Разумеется, только этими категориями все многообразие русской городской геральдики не ограничивается, но большинство гербов в них вписываются. При отнесении герба к определенной категории в некоторых случаях имеются сложности. Так, зыбка грань между природными особенностями и занятиями жителей – в описаниях герба нередко указывается, что на обитающих в окрестностях города зверей ведется охота. К примеру, кит в гербе Колы показывает не только обитание этих животных в водах океана, но и то, «что жители того города в ловле сих рыб упражняются», в то же время кит в гербе Нижнекамчатска помещен «в знак того, что у сего города в Океане много их находится», а о ловле китов в описании герба не упоминается. Или же кажущиеся гласными гербы Сольвычегодска и Солигалича могут одновременно отражать и занятия жителей – производство соли. Наличие в гербах изображений яблок, груш, вишен, слив, арбузов, дынь и т. п. отражает скорее не природу края, а садоводство и бахчеводство. Во всех подобных случаях предпочтение отдавалось «итоговому» указанию блазона. Тем не менее в связи с этим важно иметь в виду некоторую условность общих подсчетов. Несмотря на все оговорки, приведенные количественные характеристики, как кажется, в целом (в том числе в процентном соотношении друг с другом) вполне достоверны.

В истории русской городской геральдики выделяются несколько периодов.

Первый период – это допетровская геральдика начиная с Большой печати Ивана Грозного 1570-х годов⁴ до конца XVII в. За этот период сохранилось несколько памятников, зафиксировавших территориальные, так называемые титульные (т. е. отражающие элементы объектного титула государя) гербы (эмблемы) России – изобразительных, вещественных и письменных, включая их описание⁵ и даже неофициальную интерпретацию. Из этих памятников наиболее полными являются сама Большая печать Ивана Грозного, где изображено 24 титульных эмблемы, и Титулярник 1672 г., где таковых эмблем 33. Из этих эмблем целый ряд (как на печати, так

и в Титулярнике и в других источниках) относится к иностранным геральдическим традициям (как, например, литовская Погоня или колюмны Гедимины). Большинство же гербов, очевидно, создано в России (хотя в ряде случаев возможно влияние и европейской геральдики⁶). На Большой печати Ивана Грозного из 19 собственно русских гербов 10 представляют собой изображения животных (причем одно из них, конь, возможно, домашнее), три – предметы вооружения, шесть носят очевидный символический характер. Таким образом, большинство эмблем, вероятно, отражает какие-то природные или хозяйственные (охота) особенности земель. Из 19 эмблем к концу XVII в. сохранились в целом или в отдельных элементах десять (часть претерпела изменения, иногда весьма существенные). Остальные были созданы заново уже в XVII в. К концу XVII в. большинство титульных гербов имело ярко выраженный эмблематический или геральдический характер.

Из титульных гербов допетровского времени в Российской Империи в качестве городских было утверждено 18 (включая герб Москвы).

Кроме того, за допетровский период известны 20 эмблем на печатах сибирских городов и острогов (в основном отражавших занятия местных жителей – охоту)⁷, из них в качестве городских в Российской Империи было утверждено пять. И еще два городских герба появились на печатах в XVII в. и «перешли» в XVIII – это гербы Стародуба (гласный) и Уфы (в конце XVIII в. трактовался как отражающий природу).

Первая половина XVIII в. ознаменовалась началом собственно российской геральдики в институциональном плане и созданием городских гербов для полковых знамен в 1712 г., герботворческой деятельностью Ф. Санти в 1720-х годах и утверждением гербов из так называемого Знаменного гербовника Миниха конца 1720-х годов. К этому периоду, так или иначе, восходят по меньшей мере 56 также позднее официально утвержденных городских гербов. Из них гласных гербов – 13 (еще один, герб Ставрополя, был утвержден в середине XVIII в.), причем герб Ельца скорее всего можно считать «дважды гласным», поскольку обе его фигуры (ель и олень (елень)) могли отражать название города. Занятия жителей отражали в той или иной мере восемь гербов (Санкт-Петербург, Тула, Новая Ладога, Путивль, Дорогобуж, Коротояк, Пенза, Серпухов, возможно, также и герб Саранска; к ним следует добавить и герб Чугуева, утвержденный в середине XVIII в.), истории города – семь (Углич, Свяжск, Брянск, Полтава, Глухов, Белев, Торонец), природу – шесть гербов (Саратов, Царицын, Самара, Воронеж, Великий Устюг, Чернь). Герб Выборга имел шведское

происхождение. Как минимум, 20 гербов носят чисто эмблематический характер, требующий определенной интерпретации (геркулесовы палицы Алексина, вологодская рука с державой и мечом, выходящая из облаков, тамбовский улей с пчелами и др.). При этом символизм присутствовал и в других гербах, даже при обозначении обычных явлений (река Воронеж в гербе соименного города изображалась в виде вытекающего из кувшина потока воды, а слияние двух рек у Великого Устюга в гербе этого города было представлено Нептуном с двумя кувшинами). Как показали исследования⁸, в основе этой эмблематичности лежали изображения из книги «Символы и эмблемата», впервые изданной в 1705 г. (и это был, по сути, единственный период в истории русской городской геральдики, когда составители гербов пользовались данной книгой). Таковых гербов, как видим, больше всего. При этом довольно заметную долю занимают гербы гласные, и меньшее число принадлежит гербам очевидно «историческим», «хозяйственным» и «природным».

Следующий этап – Екатерининская эпоха, когда было создано и утверждено самое большое число (около 400) российских городских гербов (пик этой деятельности пришелся на рубеж 1770–1780-х годов, когда во главе Герольдии стоял А.А. Волков). В этих гербах можно выделить следующие общие особенности: почти все они состоят из одной фигуры (эмблемы) и из одного поля (имеется в виду поле с собственно городским гербом; благодаря И.И. фон Эндену возникла традиция двучастного деления герба уездного города, в котором первую часть занимал герб губернский); практически все они понятны и имеют очевидное объяснение в описании; почти все изображают, буквально показывают то, что описано, т. е. представляют собой картинку – чисто символические изображения в них единичны. Простота, доступность для понимания и абсолютная деидеологизированность⁹ – отличительные черты этих гербов. В редких случаях в гербах можно отметить губернские особенности, представленные чисто геральдическим способом. Так, в части гербов Курского наместничества (губернии), где в губернском гербе имеется перевязь с куропатками влево, собственно городская часть герба разделена скошением вправо (т. е. в противоположном направлении) на два поля и в каждом из них помещено по одной фигуре, причем такие гербы охватывают преимущественно северные и северо-восточные уезды губернии (Фатеж, Щигры, Тим, Старый Оскол и находящийся на юго-западе губернии г. Богатый; в гербах иных уездных городов той же губернии такой закономерности нет).

Статистику екатерининских гербов в свое время привела Н.А. Соболева¹⁰, однако мои подсчеты отличаются от ее (детальное

сравнение невозможно, поскольку Соболева не опубликовала списки гербов по выделенным ею категориям). Привожу свои подсчеты: занятия жителей – 156 гербов (у Соболевой – 114), природа – 82 герба (у Соболевой – 92), гласные гербы – 70 (у Соболевой – 56), история города и достопримечательности – 39 гербов. В шести гербах использованы гербы других городов (в двух – черниговский, по одному – ярославский, смоленский, владимирский и архангельский). Соболева насчитала таковых гербов 10, приплюсовав, по-видимому, к этим шести еще несколько гербов городов Ярославского наместничества, разработанных фон Энденом и утвержденных в 1778 г. (Данилов, Любим, Борисоглебск, Пошехонье, Петровск), в которых действительно присутствует ярославский медведь, но лишь в качестве соответствующего губернского герба (это был первый опыт такого рода, поэтому в этих гербах ярославский герб не всегда четко отделен самостоятельным полем от уездной «части»).

Очевидно, что гербов, отражающих природные условия, и гласных в два раза меньше, чем гербов, рассказывающих о занятиях жителей, а гербов, посвященных истории и достопримечательностям, в два раза меньше, чем гласных и «природных». Этот факт объясняется той установкой, которая была дана Герольдии при составлении гербов: обозначать в них «обстоятельства и промыслы» соответствующих городов¹¹. Промыслов получилось больше, чем природных «обстоятельств», а природных «обстоятельств» больше, чем исторических. Обращает на себя внимание и значительное число гласных гербов. Эта традиция, существовавшая и прежде, была развита и укреплена.

Есть также единичные гербы, не поддающиеся однозначной интерпретации исходя из описания (Рождествено) или носящие символический или эмблематический характер: Луга Костромского наместничества («в червленом поле золотая лестница, означающая, что сему городу учреждением Наместничества даны средства для восхождения наверх своего благосостояния»), Харьков (положенные крестообразно рог изобилия и кадуцей), Докшица (реки в виде вытекающих из кувшинов потоков воды). В некоторых случаях один и тот же элемент (фигура) герба может трактоваться двояко – это относится к пяти гербам, которые можно понимать и как гласные (Верхоленск, Кадников, Звенигород, Сольвычегодск и Солигалич). Единичны случаи, когда разную категориальную семантику имеют две (три герба – Перемышль, Оренбург, Калуга) или даже три (один герб – Ирбит) фигуры герба (причем преимущественно это гербы, утвержденные еще в «доволковский» период, в 1776–1777 гг.). В целом для городской геральдики екатерининского времени характерны предельная ясность и очевидность.

В период правления Александра I с 1803 по 1826 г. (гербы, утвержденные в 1826 г., создавались, разумеется, ранее) было утверждено 26 городских гербов. Условно их можно разделить по категориям так: история и достопримечательности – 11, занятия жителей – девять, гласные – четыре, природа – два. Важной особенностью этих гербов является нередкое сочетание нескольких фигур, которые могут обозначать разные категории – природу и занятия жителей, историю и занятия жителей и т. д., но в большинстве случаев такие фигуры соединены в одном поле щита. Для гербов этого периода характерна эмблематичность. Эмблематика сравнительно проста и соответствует эмблематике ампиричного времени. Среди эмблем можно назвать кадуцей, якорь, сноп, трезубец, руль и др., и даже сравнительно простые предметы, как, например, соль, обозначаются не непосредственно, а с помощью символа (химический знак соли в гербе Бахмута). Ярким примером эмблематичности является золотой улей в гербе Нахичевани-на-Дону, отражающий «водворение в том краю нового армянского народа».

В период Николая I городские гербы утверждались в 1840-х – первой половине 1850-х годов. Из них 32 герба отражали занятия жителей, 25 – историю и достопримечательности, 13 – природу, гласных гербов было шесть, а девять гербов представляют собой символические изображения, не без труда поддающиеся «дешифровке». Эмблематичность герба в целом сохраняется, более того, во многих гербах разные фигуры обозначают разные категории понятий, но для этого времени характерно уже деление щита на части, в каждой из которых помещается та или иная фигура. Дробность щита становится отличительной особенностью гербов этого периода, а с точки зрения семантики большее место начинает занимать история и достопримечательности города, в то время как «гласность» уходит на дальний план.

Вторая половина XIX в. в истории русской геральдики ознаменовалась реформой Б.В. Кене. Между тем в общей сложности в этот период было утверждено всего 27 новых гербов. Большая их часть отражает историю и занятия жителей, природа показана всего в пяти гербах, а гласных нет вообще. Для многих гербов характерна ярко выраженная геральдизация – введение в герб чисто гербовых фигур, таких как пояс, столб, оконечность, гонты, ромбы и т. п. Очевидны, во-первых, попытка приведения геральдики в соответствие с классическими европейскими традициями и, во-вторых, сочетание разных фигур с разной семантикой. При этом о значении тех или иных фигур «непросвещенному зрителю» остается только догадываться.

В начале XX в. до 1914 г. было утверждено еще 37 городских гербов. Из них 26 отражали хозяйственную жизнь, обозначения

природных особенностей единичны, а гласных всего два. Для гербов этого времени также характерно сочетание фигур разных семантических категорий, но, как правило, в рамках единой композиции в одном поле щита. Заметен отход от чисто гербовых фигур. Иными словами, геральдика этого периода вобрала в себя некоторые черты нескольких предшествующих эпох. По-видимому, в это время была найдена некая «золотая середина» между визуальной геральдичностью и семантической ясностью герба.

Примечания

- ¹ *Винклер П.П.*, фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. Я пользовался репринтным переизданием этого труда (М., 1990).
- ² Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи: 1649–1917 / Сост. А.В. Кудин, А.Л. Цеханович. Кн. 1–2. М., 2000.
- ³ Гербы городов и областей Российской империи: 1900–1917 / Сост. А.В. Кудин, А.Л. Цеханович. М., 2000. С. 35.
- ⁴ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 114–116.
- ⁵ *Белоброва О.А.* О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. М., 2005. № 85. С. 81–88.
- ⁶ *Пчелов Е.В.* Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Международной научной конференции. Москва, 29–31 января 2009 г. / РГГУ. М., 2009. С. 300–303.
- ⁷ *Пчелов Е.В.* Эмблематика печатей сибирских городов и острогов XVII в. // Сибирские чтения в РГГУ: Альманах. М., 2009. Вып. 4. С. 84–92.
- ⁸ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 179–182; *Пашков А.М.* Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 78–84; *Емелин И.Б.* Происхождение герба Олонца [Электронный ресурс] // Флаг. 2008. № 10, февраль. URL: <http://www.vexillogratphia.ru/lags/Flag13.tp.f> (дата обращения: 18.12.2017); другие статьи И.Б. Емелина с сайта Геральдического журнала «Sub Clupeo» – <http://subclupeo.narod.ru/>; и др.
- ⁹ Этот вывод противоречит утверждению Н.А. Соболевой о том, что «при создании городских эмблем был сделан сильный акцент на символику, отражающую официальную идеологию Российской империи» (*Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 191). Идеологическая обусловленность самого этого утверждения исследовательницы очевидна, потому что, конечно, в изображениях лип, арбузов и куропаток никакой идеологии даже при самом сильном желании усмотреть невозможно.
- ¹⁰ *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 189.
- ¹¹ *Винклер П.П.*, фон. Указ. соч. С. XVII.

Д.Н. Рамазанова

Русские списки переводных сочинений Илии Миниатиса (Минятия) в XVIII в.

В статье рассматриваются исторические обстоятельства бытования в русской рукописной традиции XVIII в. переводов популярных богословских сочинений православного греческого епископа Илии Миниатиса (1667–1714), выполненных С.И. Писаревым (1708?–1775). Приведены сведения о кодексах из различных рукописных собраний России, содержащих как переводные проповеди Миниатиса, так и перевод его историко-догматического трактата, получившего в переложении название «Камень соблазна». В заключение рассматриваются черты сходства в значении переводов Миниатиса для духовных культур России и Сербии эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Илия Миниатис (Минятий), Стефан Иванович Писарев, греческий язык, проповеди, переводы, рукописная традиция, эпоха Просвещения.

Религиозные сочинения Илии Миниатиса (Ἰλίας Μηνιάτης, 1667–1714), греческого православного епископа Керникского и Калавритского на Пелопоннесе, принадлежавшего, по выражению М.И. Сухомлинова, «к избранному кругу писателей, которых называют предтечами умственного и политического возрождения греков»¹, были весьма популярны в Европе на протяжении XVIII в.² В том столетии на языке оригинала они выдержали не менее восьми изданий в Лейпциге (1718, 1743)³, Венеции (1720, 1727, 1738, 1755)⁴, Бреславле (1752)⁵ и Амстердаме (1760)⁶. С 1740-х годов переведенные с греческого языка проповеди и полемические произведения Миниатиса, или Минятия, как его называли в России, начинают распространяться и в русской книжности – как рукописной, так и печатной.

Исследователи давно обратили внимание на то, что появление сочинений греческого духовного писателя в русских переводах связано с именем С.И. Писарева (1708?–1775)⁷ – выдающегося по масштабам деятельности переводчика с греческого и итальянского языков, не только на протяжении многих лет самоотверженно трудившегося над переложением сочинений Миниатиса, но и упорно продвигавшего их в печать, встречая немалое цензурное сопротивление со стороны иерархов Русской Православной Церкви⁸. В 1741–1744 гг. Писарев переложил на русский язык великопостные поучения и трактат Миниатиса об историко-догматических разногласиях восточной и латинской Церквей «Камень соблазна» («Πέτρα σκανδάλου»). Перевод поучений увидел свет в двухтомном издании почти спустя два десятилетия после осуществления⁹ и затем несколько раз переиздавался¹⁰, а «Камень соблазна» вышел из печати только в сокращенном виде в 1783 г., после кончины Писарева. В работах Ю.В. Кагарлицкого, открывающих по существу новый этап в изучении переводческого наследия Писарева, подробно проанализированы преследуемые им задачи, причины неудач с публикацией¹¹, а также значение, которое осуществленный Писаревым перевод поучений Миниатиса имел в истории русской духовной литературы как культурный, литературный и языковой образец, повлиявший, в частности, на проповеди Гедеона Криновского (1726–1763)¹². Отдельные аспекты бытования переводов проповедей Миниатиса в рукописной традиции рассматривались также нами¹³.

Однако до сих пор остаются недостаточно ясными ответы на ключевые вопросы, касающиеся как путей проникновения греческих изданий сочинений Миниатиса в Россию, так и масштабов распространения их переводов на русский язык в рукописях, причем как до выхода из печати переводов Писарева, так и после этого времени.

Самое раннее известное нам свидетельство бытования греческого издания Или Миниатиса в России относится к 14 июля 1725 г., когда согласно доношению С.-Петербургской гарнизонной канцелярии в Синод А.Д. Меншиков и другие лица в ходе осмотра цейхгауза канцелярии обнаружили «два баула с книгами, оставшимися от греческого попа» (имя в документе не названо)¹⁴ и решили передать их в Св. Синод. В описи поступивших таким образом в Синод 47 из 78 изданий (итальянских, латинских, греческих и одного французского) значилась и книга Миниатиса (№ 57): «Поучение во святую и великую четьредесятницу и в другие знаменитые праздники Или Миниаты (так! – Д. Р.) Кефалонитянина, на греческом, в полдсть»¹⁵. Болгарская исследовательница Н. Драгова полагала, что прежним владельцем этих книг был ассессор Синода, выходец из

Македонии «грек Анастасий Михайлов Наусий»¹⁶, скончавшийся в феврале 1725 г. Это мнение не представляется безусловно основательным: в деле о кончине Анастасия, о которой свидетельствовал архимандрит Афанасий (Кондоиди), указано, что личная библиотека усопшего составляла 140 (а не 78, как в описи) книг, и после смерти владельца была передана синодальному ризничему¹⁷; также неясно, почему, если опись относилась к библиотеке Анастасия, имя и статус покойного члена Синода не были названы гарнизонной комиссией и как его имущество могло оказаться в цейхгаузе, а не поступило напрямую в Синод. Во всяком случае, кем бы ни был непоименованный в доношении «греческий поп», владевший 78 книгами европейской печати, из данных хронологии ясно, что экземпляром греческой книги поучений Миниатиса в его собрании могло быть только венецианское издание 1720 г. (лейпцигское издание 1718 г. содержало «Камень соблазна», но не проповеди).

Однако нет оснований полагать, что именно венецианское издание поучений Миниатиса 1720 г., поступившее в Синод, послужило впоследствии источником русского перевода Писарева: в рукописной традиции бытовал его перевод также с венецианского издания, но 1727 г., что прямо указано, в частности, в списке Древлехранилища Института Русской литературы (коллекция В.Н. Перетца. № 230)¹⁸.

Как отмечает Ю.В. Кагарлицкий, «во многих фондах российских архивов» хранятся списки поучений Миниатиса в переводе Писарева¹⁹. В качестве примера исследователь указывает два таких кодекса²⁰. Приведем сведения о других известных нам датированных XVIII в. списках выполненного Писаревым перевода поучений Миниатиса. В Российской государственной библиотеке (РГБ) эти рукописи находятся в составе фондов Музейного собрания (Ф. 178. № 4556); Отдела рукописей (Ф. 218. № 19, 1737); Рогожского кладбища (Ф. 247. № 224); Вологодского собрания (Ф. 354. № 87, 88, 89, 90); рукописных книг московского акционерного общества «Антиквар» (Ф. 865. № 8). В Государственном историческом музее (ГИМ) в Успенском собрании имеются два кодекса поучений (№ 80/1059, 81/1060)²¹. В Российской национальной библиотеке (РНБ) в обширном рукописном собрании А.А. Титова хранятся как минимум три кодекса поучений Миниатиса (РНБ. Ф. 775. № 1317, 1318, 1349), имеющие постатейные печатные описания²². Еще один список поучений из собрания РНБ находится в фонде Общества любителей древней письменности (Ф. 536. № 1990). Также переводные проповеди греческого епископа содержатся в сборнике из собрания рукописей Синода в Российском государственном историческом архиве²³.

Что касается перевода «Камня соблазна», то в списках он нередко имеет заголовок «Изъяснение начала и причины схизмы или раскола западной церкви с восточною»²⁴, и представлен рукописями РГБ из фондов Московской духовной академии (Ф. 173. III. № 137); Костромской областной библиотеки им. Н.К. Крупской (Ф. 138. № 103); Рогожского кладбища (Ф. 247. № 701). Также отметим рукописи Библиотеки Российской академии наук (№ 13.3.9, ранее принадлежала собранию А.И. Яцимирского)²⁵; Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки (Ф. 1. Оп. 1. № 189, из библиотеки Нижегородской духовной семинарии²⁶), Псковского музея-заповедника (№ 167)²⁷. В биографической статье С.И. Николаева о Писареве указан список из Основного собрания рукописной книги РНБ (Ф. 550. № F. I. 768)²⁸, а другой список «Камня соблазна» присутствует также в РНБ в собрании Санкт-Петербургской духовной академии (Ф. 573. № 288)²⁹. Включался «Камень соблазна» и в компиляции – примером тому служит некогда принадлежавший священнику «церкви Смоленския Божия Матери» Симеону Маркову сборник богословско-полемиических сочинений и проповедей, позднее вошедший в собрание Н.С. Тихонравова (РГБ. Ф. 299. №406), – в этой рукописи перевод трактата Миниатиса соседствует с произведениями митрополита Димитрия Ростовского. В виде отдельных списков «Камень соблазна» хранился в XVIII в. в частных собраниях, о чем свидетельствуют каталоги личных библиотек Г.Г. Орлова³⁰ и П.Г. Демидова³¹. В фонде Отдела рукописей РГБ этот трактат Миниатиса также имеется в другом переводе, выполненном монахом Германом Лушковским в 1759 г. под названием «Камень претыкания» (Ф. 218. № 1757).

Не приходится сомневаться, что бытование переводов Илии Миниатиса в русской рукописной традиции перечисленными списками не ограничивалось. Масштабы и географию, а также социальные аспекты этого бытования еще предстоит прояснить. По нашим предварительным наблюдениям, в подавляющем большинстве списки делались с печатных изданий переводов Стефана Писарева уже во второй половине – третьей четверти XVIII в. Вопрос о том, в какой мере распространялись в рукописях переводы Миниатиса до того времени, когда его сочинения были изданы в России, требует расширения круга выявленных списков, дальнейших источниковедческих и кодикологических исследований.

В завершение отметим, что русский не был единственным славянским языком, на который перелгались сочинения Илии Миниатиса. Произведения греческого епископа привлекли внимание и сербских переводчиков: так, например, в Библиотеке

Сербской Патриархии в Белграде хранится рукопись «Камня соблазна» (№ Рс 61)³², где перевод выполнен в конце XVIII в. плодовитым сербским духовным писателем Викентием Ракичем (1750–1818)³³. В 1827 г. по поручению епископа Будимской епархии Сербской Православной Церкви Дионисия Поповича был осуществлен перевод проповедей Илии Миниатиса «на простой сербский язык». Рукопись этого перевода, насчитывающая более 400 листов в двух частях, ныне хранится под единым шифром ДП 22³⁴ в Музее Сербской Православной Церкви в Сентендре (Венгрия). Переводчиком проповедей, как полагают составители описания собрания, был еще один сербский литератор – Лука Милованов Георгиевич (1784–1828), создавший, среди прочего, первое руководство по стихосложению на сербском языке, изданное уже после кончины автора в 1833 г.³⁵

Таким образом, в 1740–1820-е годы как в России, так и в сербских митрополиях образованные люди, тяготевшие к идеям религиозного просвещения и вместе с тем к созданию новой литературы на родном языке, проявляли немалый интерес к трудам Миниатиса. Несмотря на различия в масштабах проявлений интереса, отраженного в русской и сербской рукописной книжности, здесь видны черты сходства, позволяющие считать весьма незаурядной роль произведений греческого писателя Илии Миниатиса в развитии духовной литературы на славянских языках в эпоху Просвещения.

Примечания

¹ *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Вып. 1. СПб., 1874. С. 114.

² О нем и его трудах, см., в частности: Σάθας Κ.Ν. Νεοελληνική Φιλολογία (1453–1821). Αθήνα, 1868. Σ. 394–397; *Сухомлинов М.И.* Указ. соч. С. 113–114; Παπαδόπουλος Α. Επιδράσεις της Τέχνης ρητορικής του Φρ. Σκούφου επί των Διδαχών του Ηλία Μηνιάτη. Αθήνα, 1965; *Κασίνης Κ.Γ.* Η Ρητορική των διδαχών του Μηνιάτη. Αθήνα, 1998; *Podskalsky G.* Η ελληνική θεολογία επί Τουρκοκρατίας (1453–1821). Αθήνα, 2005. Σ. 400–404.

³ Описания изданий: *Legrand È.* Bibliographie Hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs au dix-huitième siècle. Т. 1. Р., 1918. № 118. Р. 149; № 309. Р. 311–314.

⁴ *Legrand È.* Op. cit. № 128*. Р. 162–163; № 172*. Р. 205–206; № 254*. Р. 268–269; № 450. Р. 440.

⁵ *Legrand È.* Op. cit. Р. 413–415. № 416. Примечательно это вышедшее в Бреславле греко-латинское издание трактата Миниатиса «Камень соблазна» («Πέτρα σκανδάλου», № 416), где перевод с греческого на латинский был выполнен совместно будущими статс-секретарем Екатерины II Г.В. Козицким (1724–1775) и почетным членом Академии наук Н.Н. Мотонисом (ум. 1787), причем для обоих переводчиков это была первая научно-литературная работа: параллельно изданный на двух языках текст выверен и снабжен научным аппаратом (см.: *Степанов В.П.*

- Козицкий Григорий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2 (К–П) [далее – СРП-2]. СПб., 1999. С. 93–98; *Лепехин М.П., Осинкина Л.В.* Мотонис Николай Николаевич // Там же. С. 303–304). Заметим, что в монографии С. Баталдена, в целом весьма ценной, перевод Миниатиса необоснованно приписан только Козицкому и ошибочно указан как изданный в Братиславе: *Batalden S.K.* Catherine II's Greek Prelate. Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806. N.Y., 1982. P. 20, 115.
- ⁶ *Legrand È.* Op. cit. P. 513. № 556. В этом описании отсутствует указание на место издания, но на титульном листе значится, что оно выполнено в Амстердаме.
- ⁷ *Сухомлинов М.И.* Указ. соч. С. 115. Биографические сведения о С.И. Писареве и перечень изданий его переводов: *Буш В.В.* «Житие Петра Великого» Стефана Писарева. Пг., 1915. С. 4–9; *Николаев С.И.* Писарев Стефан (Степан) Иванович // СРП-2. С. 437–438.
- ⁸ Сердечно благодарю Ю.В. Кагарлицкого и Д.Г. Полонского за многочисленные обсуждения, побудившие к написанию настоящей работы.
- ⁹ Поучения во святую и великую четыредесятницу, То-есть Велико-постныя недели. Сочиненныя и проповеданныя Керникским и Калавритским что в Пелопонниси епископом Илиею Минятием, Кефалонитянином. С Греческого, на Российский Язык Коллегии Иностранных Дел Переводчиком [что ныне тояж Коллегии Секретарь] Стефаном Писаревым В 1741. Году переведенныя. Т. 1–2. СПб., 1759–1760.
- ¹⁰ *Буш В.В.* Указ. соч. С. 7.
- ¹¹ *Кагарлицкий Ю.В.* К вопросу об издании переводных религиозных книг в России XVIII века: переводы Стефана Писарева и их издательская судьба // Век Просвещения. Вып. 2: Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения: В 2 кн. М., 2008. Кн. 1. С. 470–497; *Он же.* К истории культурных связей между Россией и Венецией в первой половине XVIII века: Переводческая деятельность Стефана Писарева // Итальянские архивы в России – Российские архивы в Италии. М., 2013. С. 213–237. (Проблемы италянистики. Вып. 5).
- ¹² *Кагарлицкий Ю.В.* Судьба Стефана Писарева и значение его переводческого наследия для развития русской духовной литературы XVIII в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 9. М., 2016. С. 288–310. См. также: *Николаев С.И.* Криновский Григорий Андреевич (в монашестве – Геден) // СРП-2. С. 151–152.
- ¹³ *Рамазанова Д.Н.* Списки проповедей иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары в переводах Стефана Писарева (1741–1760-е гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международ. науч. конф. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. Ч. 2. М., 2013. С. 490–495.
- ¹⁴ Описание документов и дел Святейшего Синода [далее – ОДДС]. Т. 5. СПб., 1897. Стб. 431.
- ¹⁵ ОДДС. Т. 5. СПб., 1897. Стб. 434.
- ¹⁶ *Драгова Н.* Контактът на немските протестанти в Хале и Лайпциг с български културни дейци в началото на XVIII век // Старобългарската ръкописна книга – съдба и миссия / в памет на проф. К.М. Куев. Велико Търново, 2012. С. 271–288. Об Анастасии см.: *Рункевич С.Г.* История русской церкви под управлением Святейшего синода. Т. 1. СПб., 1900. С. 219.
- ¹⁷ Завещание «Анастасия Михайлова, сына Наусия» // ОДДС. Т. 5. СПб., 1897. Стб. 92–94.

- ¹⁸ *Рамазанова Д.Н.* Списки проповедей иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары... С. 493.
- ¹⁹ *Кагарлицкий Ю.В.* Судьба Стефана Писарева и значение его переводческого наследия... С. 290.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ч. 2. № 1257; РНБ. Ф. 359. № 38.
- ²¹ *Истомин Г.Д., Сперанский М.Н.* Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370) / Примеч., подгот. к печати В.Д. Кузьминой // Исследования по лингвистическому источниковедению. 1963. М., 1963. С. 115–116.
- ²² *Титов А.* Описание славяно-русских рукописей... А.А. Титова. Т. 4. М., 1901. С. 183–188, 271–272.
- ²³ РГИА. Ф. 834. Оп. 5. № 1449. 140 л.
- ²⁴ Ср. заголовок издания: Камень соблазна, или Историческое изъяснение о начале и причине разделения Восточной и Западной церкви / Сочиненное Кернитским и Калавритским в Пелопонисе епископом Илиею Минятием.; Переведенное с греческого языка статским советником Стефаном Писаревым.; Изданное же по дозволению Святейшого правительствующаго синода Петром Богдановичем. СПб.: Тип. Шнора, 1783.
- ²⁵ *Срезневский В.И., Покровский Ф.И.* Описание рукописного отделения библиотеки императорской Академии наук. [Вып.] 1. Т. 2. СПб., 1915. С. 111.
- ²⁶ *Нестеров И.В.* Рукописные книги XVIII века НГОУНБ // Открытый текст. Электронное периодическое издание. [Электронный ресурс] URL: <http://www.opentextn.ru/history/arkheography/specification/?id=2885> (дата обращения: 20.01.2017).
- ²⁷ *Осипова Н.П.* Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX в.). Ч. 1. Псков, 1991. С. 104.
- ²⁸ *Николаев С.И.* Писарев Стефан (Степан) Иванович... С. 437.
- ²⁹ *Родосский А.* Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894. С. 287.
- ³⁰ *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л., 1975. С. 153. № 122.
- ³¹ Каталог российским книгам библиотеки Павла Григорьевича Демидова, составленный им самим / Изд. В.М. Ундольский. М., 1846. С. 97. № 648. Как отмечал В.М. Ундольский в предисловии к этому изданию, рукописи собрания П.Г. Демидова сгорели при пожаре Москвы в 1812 г.
- ³² Инвентар рукописа Библиотеке Српске Патријаршије / уред. З. Недељковић. Београд, 2012. С. 37.
- ³³ О нем: *Милићевић М.Ђ.* Поменик знаменитих људи у српског народа новијега доба. Београд, 1888. С. 625–626; *Скерлић Ј.* Стара српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923. С. 98, 257, 260. Его труды: *Карталовић Ј., Ивас Љ.* Вићентије Ракић (1750–1818). Каталог изложбе. Нови Сад, 2000.
- ³⁴ *Синдик Н.Р., Гроздановић-Пајић М., Мано-Зиси К.* Опис рукописа и старих штампаних књига библиотеке Српске Православне епархије Будимске у Сентандреји. Београд; Нови Сад, 1991. С. 110.
- ³⁵ *Георгијевић Л.М.* Опит настављења к српској сличноречности и слогомерју или просодији / фототипско издање, приред. В. Николић. Бања Лука, 2010. Издание открывається краткой биографией автора.

Хроника

УДК 930.2(06)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-4-124-131

XXIX

Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании»

13–15 апреля 2017 г. состоялась XXIX Международная научная конференция, организованная Высшей школой источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ совместно с Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН и Музеями Московского Кремля. Конференция носила ставшее уже традиционным название «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» и была посвящена всему комплексу вспомогательных или специальных исторических дисциплин от палеографии и кодикологии до нумизматики и геральдики.

Вспомогательные исторические дисциплины являются одним из важнейших направлений научно-педагогической школы Историко-архивного института РГГУ. Созданная в 1939 г. кафедра вспомогательных исторических дисциплин на протяжении более чем 75 лет своей истории оставалась и до сих пор остается ведущим научным и педагогическим центром в этой области. Именно здесь были подготовлены классические учебники по многим дисциплинам кафедры, созданы научные школы, проводятся различные научные мероприятия, активно работают научные семинары. Одна из важнейших традиций кафедры (ныне Высшей школы ИВСИД) – организация и проведение ежегодных научных конференций, первая из которых состоялась в 1989 г. и была посвящена генеалогии. Конференции быстро обрели международный статус и весомый авторитет в профессиональной среде. Не стала исключением и нынешняя конференция, собравшая 150 участников из разных городов России и зарубежья. Этот представительный форум продемонстрировал весь спектр вспомогательных

исторических дисциплин и широту исследований в этой области, соединяющих как конкретные, детальные разработки отдельных вопросов, так и широкие обобщения теоретического и методологического характера.

Пленарное заседание было представлено тринадцатью докладами, охватывающими разные категории вспомогательных исторических дисциплин, – таким образом уже в самом начале был задан масштабный обзор различных наук, которые условно объединяются в этот комплекс. Доклад чл.-кор. РАН, проф. С.М. Каштанова «О способах удостоверения византино-русских договоров X века» был посвящен дипломатике и продемонстрировал (впрочем, как и практически все прозвучавшие доклады) филигранную методику источниковедческого анализа автора. В центре внимания Каштанова оказались процедуры оформления и ратификации договоров 911, 944 и 971 гг., заключенных между византийскими императорами и древнерусскими князьями, при этом автор рассматривал данные документы в контексте практики заключения иных международных соглашений Византии того времени. Каштанов пришел к выводу о том, что договоры составались в двух экземплярах, оба из которых, по-видимому, были написаны на греческом языке, причем экземпляр, подписанный императором (его именем, сопровождавшимся знаком креста), отправлялся в Киев (эти экземпляры к моменту составления Повести временных лет были утрачены). Экземпляры же русской стороны, скрепленные подписями послов (в том или ином виде, возможно, в форме оттиска пальцев), оставались в Константинополе и попали в текст летописи в переводе с греческого из копий сборника (картулярия), привезенного из Византии на Русь митрополитом Никифором I в начале XII в. По мнению Каштанова, договоры не скреплялись буллами, а удостоверялись тремя способами: устным, письменным и кинематическим, включая обязательную клятву представителей древнерусской стороны по языческому и христианскому обрядам, ратификация же договора 944 г. древнерусской стороной проходила в Киеве по особому ритуалу, вероятно, разработанному в Константинополе.

Вопросы палеографии и кодикологии были затронуты в докладах д.и.н. М.В. Бибилова, д.и.н. Б.Л. Фонкича и д.и.н. Л.В. Мошковой. М.В. Бибилов в докладе «Византийская и поствизантийская криптография (на материалах греческих рукописей, памятников эпиграфики и нумизматики)» рассмотрел важный вопрос об использовании тайнописи в византийской письменной культуре и привел ряд характерных примеров, причем не только из рукописных памятников (самые ранние из них относятся к середине XI в.), но и из эпиграфического и нумизматического материала

на протяжении достаточно длительного времени. Б.Л. Фонкич в докладе «Современные методы воспроизведения текстов и палеографическое исследование греческих рукописей» остановился на современных изданиях греческих манускриптов, прежде всего зарубежных, продемонстрировал особенности этих публикаций и показал важность палеографического анализа непосредственно источников, хранящихся в различных архивных и библиотечных собраниях мира. Доклад Л.В. Мошковой «Кодикологический анализ посольских книг конца XV – начала XVI в.: поиск методики» носил не только практический, но и методологический характер. Исследовательница заострила внимание на самом содержании подобного анализа, признав, что в этом случае «можно (и даже нужно) ограничиться необходимым и достаточным для достижения поставленной цели», в противном случае палеографические и кодикологические наблюдения могут остаться «искусством ради искусства». Она подробно изложила принципы и методы работы на примере хранящихся в РГАДА нескольких древнейших сохранившихся посольских книг, введя несколько необходимых понятий, таких как «бумажные» и «почерковые швы». Используемые методы позволяют реконструировать процесс создания посольских книг и временное соотношение имеющихся в нашем распоряжении копий и оригиналов документов. Доклад был проиллюстрирован конкретными примерами работы.

Интересным вопросам истории книжной культуры были посвящены доклады к.и.н. Ю.Э. Шустовой и к.и.н. Д.Н. Рамазановой. В докладе Шустовой «Образ книги в кириллических изданиях XVII века (на примере изданий типографии Львовского Успенского братства)» на основе анализа изданий львовской типографии, которая была преемницей типографии Ивана Фёдорова, были выявлены представления о книге в среде духовенства и издателей, отразившиеся в своеобразной форме «похвалы книгам». В этом аспекте книги сравнивались с драгоценностями, небесными светилами, духовной трапезой, музыкальными инструментами и т. п. Интересна кажущаяся уникальной метафора книги как сердца человека, извлеченная автором из изданий эпохи барокко. Весь этот образный ряд позволяет реконструировать представления о книге в ученой среде XVII в. и трансляции их в читательский обиход. Рамазанова в докладе «Списки с изданий XVIII века: к вопросу о взаимосвязи рукописных и печатных книг в России» остановилась на малоизученной теме сосуществования печатной и рукописной традиции в XVIII в., когда казалось бы печатная книга постепенно вытесняет рукописную. Автор охарактеризовала шесть выявленных ею типов рукописных книг, бытовавших в XVIII в.,

от полных копий текстов печатных изданий до списков с уже сделанных рукописей с печатных книг. Представленная типология, бесспорно, поможет выяснению читательских потребностей и репертуара рукописных книг того времени.

Д.геогр.н. В.Н. Стрелецкий в докладе «Мировая историческая география: научные традиции, современные проблемы развития и “полюса роста”» представил внушительную панораму истории и современного состояния еще одной из вспомогательных исторических дисциплин – исторической географии. Он провел сравнительный анализ ведущих национальных школ исторической географии, подробно охарактеризовав французскую, немецкую, английскую и американскую школы, определив основные проблемные поля и направления их исследований. Далее докладчик остановился на проблемах развития исторической географии, среди которых отметил мелкотемье и чрезвычайную фрагментированность исследований. В заключение Стрелецкий наметил важнейшие тренды современного этапа историко-географических исследований, обратив внимание и на отечественную традицию. К тематике исторической географии в какой-то степени примыкал и доклад д.и.н. Н.Ф. Котляра (Киев, Украина) – одного из ведущих мировых специалистов по истории Древней Руси. Его доклад «Вольные города в Южной Руси» постулировал существенную роль городского самоуправления ряда крупных городских центров в домонгольский период, рассмотренную на примере как Киева, так и других южнорусских «вольных городов».

Ономастика на пленарном заседании была представлена докладом чл.-кор. РАН Ф.Б. Успенского «Христианская двуимённость на Руси в XIV – XVI веках. Догадки и закономерности». В центре внимания автора – практически неизученный феномен сосуществования двух христианских имен у одного человека в позднесредневековый период. На основе разнообразных источников, в том числе и архивных, автор составляет базу данных по такой двуимённости, пытаясь выявить закономерности в существовании этого явления, соотнесенность имен с календарными фактами, традицией иноческого имянаречения и т. д. Докладчик подчеркнул значительную сложность в поисках закономерностей, некоторые из которых все же оказывается возможным «нащупать». Доклад д.и.н. Р.А. Симонова «Историко-математические источники Руси IX– XI вв.» касался предыстории математических и хронологических знаний, предшествовавших появлению в начале XII в. известного календарно-математического труда древнерусского ученого Кирика Новгородца. Автор показал, что основой древнерусской математической культуры служила система буквенных цифр,

заимствованная из Византии, и счет с помощью абака – археологические находки, свидетельствующие об этом, относятся к IX–XI вв. Доклад к.и.н. С.В. Зверева «Организация монетного производства в конце XVII – начале XVIII в. в связи с денежными реформами Петра I» представил детальную картину проведения денежной реформы Петра Великого в связи с деятельностью нескольких монетных дворов в Москве. Их историю и характеристику деятельности автору удалось воссоздать на основе внушительного корпуса ранее неопубликованных источников из фондов РГАДА. Наконец, еще два доклада были посвящены геральдике. К.и.н. А.П. Черных (доклад «Геральдика как код») остановился на характеристике средневековой геральдики как одного из важнейших культурных явлений и поставил под сомнение «кодированный» его характер. По мнению докладчика, гербы служили формой визуализации их конкретного носителя, не неся в себе какой-либо специальным образом закодированной информации. Попытки найти этот скрытый «код» относятся уже скорее к более позднему времени начиная с эпохи Возрождения. К.и.н. Е.В. Пчелов (доклад «Городская геральдика Российской империи: основные тенденции исторического развития») попытался на основе анализа всего комплекса официально утвержденных городских гербов имперского времени дать их типологическую классификацию по конкретным периодам в истории русской геральдики и тем самым показать те или иные предпочтения и принципы в их создании и структуре. В результате удалось понять, каким образом культурные ориентиры влияли на систему городской геральдики в ее историческом развитии и как сама эта система менялась в чисто эмблематическом и геральдическом отношении.

Далее работа конференции продолжилась в девяти секциях. В секции «Палеография, кодикология, дипломатика, эпиграфика» доклады охватывали источниковый материал от эпохи раннего Средневековья до XIX в. и от меровингской Франции (Е.В. Антонен) и готского письма (А.Ю. Виноградов и М.И. Коробов) до русских посольских книг (О.Б. Бокарёва) и документации волостных судов (Н.И. Горская). Среди проанализированных авторами источников – юридические рукописи Болоньи XII – XIII вв. (В.И. Мажуга), рукописи средневековой Испании (О.В. Ауров, А.В. Марей), немецкие служебные письма XVI в. (Т.Н. Таценко), средневековые латинские рукописи философского и богословского содержания (М.С. Петрова, Е.В. Казбекова), памятники средневековой русской эпиграфики (А.Г. Авдеев, Е.К. Шадунц) и др. Целый ряд источников впервые вводился в научный оборот; авторы основывали свои разыскания на архивных фондах РГАДА, Архива СПб.

Института истории РАН, РНБ, БАН и других, в том числе зарубежных, собраний. Секция «История книжной культуры» была посвящена истории рукописной и старопечатной книги, а также и самому феномену книги и библиотеки в Новое и новейшее время. В центре внимания авторов оказались монастырские обиходники (А.Г. Мельник), месящесловы (А.А. Романова), азбуки (И.А. Поляков и Д.О. Цыпкин), рукописные сборники XVIII в. (Т.А. Базарова) и научные сочинения (С.С. Илизаров), гравированные портреты (И.А. Вознесенская), экслибрисы (Р.К. Кармов), открытые письма (К.Г. Боленко), даже целые книжные собрания типа Нового Рогожского (В.В. Волков) и многие другие источники. Завершал тематически секцию доклад д.и.н. Б.С. Илизарова «Книга как средство политической манифестации (О некоторых особенностях прижизненных изданий произведений Сталина)».

Две секции – «Историческая хронология и метрология» и «Естественно-научное знание в истории культуры» – были посвящены тем вспомогательным историческим дисциплинам, которые тесно связаны с науками естественно-научного и математического круга. Помимо обсуждения разнообразных аспектов древнерусской хронологии (С.В. Цыб, Н.П. Иванова, Т.В. Кайгородова) в научный оборот были введены сведения о 12-летнем восточном календаре в «Толковой палее» (А.Ю. Козлова) и неизвестное ранее практическое пособие по определению фаз Луны рубежа XVII – XVIII вв. (Б.Н. Морозов и Р.А. Симонов). Г.А. Зверкина ознакомила участников конференцией с интерпретацией постулатов Евклида, зависевших, как оказалось, от практики «письменной» работы античных ученых, а А.В. Кузьмин – с космологическими представлениями английского ученого начала XVII в. Роберта Фладда. Среди других докладов на этих секциях следует отметить доклад д.и.н. С.И. Барановой об истории технологического подхода к изучению русского изразца, раскрытой на основе документов из личного архива художника-керамиста и реставратора А.В. Филиппова. В секции «Историография и история вспомогательных исторических дисциплин» особенно выделался доклад к.и.н. Н.А. Комочева, посвященный проблемам вспомогательных исторических дисциплин в современном учебном процессе и возможной переориентации соответствующих учебных курсов в связи с практическими требованиями времени. Автор особенно подчеркнул стремительную утрату ведущего положения в.и.д. в качестве фундаментальных, основополагающих наук даже в рамках профессиональной подготовки в Историко-архивном институте РГГУ.

Секция «Историческая география и историческая картография» включала 18 докладов со столь же широким тематическим

и географическим охватом – от средневековой арабской (Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова) и скандинавской (Т.Н. Джексон) географических традиций до русских географических источников XVII–XVIII вв. (Н.Ю. Болотина, А.И. Комиссаренко и А.Ю. Кононова, Н.А. Мининков и др.). Доклады также затрагивали принципиально новые источники (например, доклад Т.М. Калининой об уникальной арабской карте XI в.), а также представляли новые интерпретации в отношении уже известных (например, доклад А.А. Фролова о несохранившемся «Старом чертеже»). А.М. Булатов остановился на изображении кинокефалов на старинных европейских картах России, а д.и.н. Э.Г. Истомина – на проекте современного многотомного издания «Историческая география России».

Секция «Генеалогия и просопография» включила большой круг докладов по биографике и генеалогии от античного Рима (И.Е. Ермолова) и Венгрии XVII в. (Т.П. Гусарова) до православного духовенства России (А.В. Матисон) и католического прихода Воронежца (А.Н. Акиншин). Доклады Е.Л. Конявской, В.Д. Назарова, А.Л. Грязнова, А.Г. Гуськова, Л.Е. Морозовой, Т.А. Опаринной, С.М. Шамина, А.В. Кузьмина, К.С. Худина и других касались как конкретных вопросов истории тех или иных родов, так и просопографических исследований отдельных социальных и профессиональных групп периода русского Средневековья. Документы РГАДА о французских иммигрантах были проанализированы Т.П. Петерс, генеалогические возможности списков избирателей Московской губернии 1917 г. продемонстрированы С.С. Ковалёвой. Среди прочих необходимо выделить доклады И.В. Сахарова об истории возможного наследования титула и фамилии графа Платова и О.Ю. Кулаковской о потомке рода Бонапартов на русской военной службе.

Отдельная секция была посвящена нумизматике, бонистике, фалеристике, сфрагистике и медальерике. Доклады на секции охватывали вопросы античной (И.Е. Суриков), византийской (Н.А. Алексеенко), арабской (С.В. Кулешов), средневековой русской (А.М. Колызин, С.Н. Кистерёв и др.) нумизматики и сфрагистики. В центре внимания авторов оказались также нумизматическая историография (С.В. Зверев), фалеристика Российской империи (Л.И. Добровольская), русская бонистика XIX – начала XX в. (А.Ю. Авчухов, А.Г. Баранов) и другие темы.

Наконец, секция «Геральдика, вексиллология и эмблематика» собрала ученых с интереснейшими темами, среди которых символика петуха в античной иконографии (Л.И. Акимова), геральдика майя (К.А. Елохин), двуглавые орлы на башенных

шатрах средневековой Москвы (Д.А. Петров), символы христианства и ислама в литературных памятниках Московского царства (Д.Г. Полонский), символы сердца в декоративно-прикладном искусстве XVIII в. (Ю.Н. Звездина), французская политическая эмблематика времен Великой революции (А.А. Митрофанов), гербовые подвески европейского Средневековья (А.П. Черных), гербы российских дворян еврейского происхождения (Д.А. Хейфец), символика плакатов Белого движения (Т.С. Кутаренкова) и др. Ряд докладов был посвящен русской (Л.П. Зайцева, В.В. Незговорова) и зарубежной (А.С. Кручинин) вексиллологии.

Участниками конференции стали представители десятков научных, образовательных, музейных, архивных, библиотечных учреждений и организаций. К началу конференции, как и всегда, был издан сборник ее материалов, где нашли отражение все представленные на ней доклады: Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апр. 2017 г. / РГГУ; ИВИ РАН; Музеи Московского Кремля. М., 2017. 353 с.

Е.В. Пчелов

УДК 929.6(06)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-4-132-133

Е.В. Пчелов, С.В. Зверев

Научный семинар
по геральдике и вспомогательным
историческим дисциплинам:
хроника заседаний
(продолжение; начало см.: Вестник РГГУ.
Серия «История. Филология. Культурология.
Востоковедение». № 3, 2017)

2016, 3 февраля

Заседание 182

Д.С. Рыжова, Институт всеобщей истории РАН

«Английские гербовники XIII в. как колыбель французского блазона»

2016, 3 марта

Заседание 183

Е.В. Пчелов, заведующий кафедрой ВСИД ИАИ РГГУ

«Геральдика на звездном небе»

2016, 31 марта

Заседание 184

Р.А. Симонов, д-р ист. наук, проф.; И.А. Герасимова, д-р филос. наук, проф; Е.В. Орлова

«Сокровенные знания Древней Руси». Представление книги

2016, 6 апреля

Заседание 185

В.В. Мишин, Союз геральдистов России

«Случай в провинциальном музее: о генеалогии последнего дворцового коменданта Владимира Николаевича Воейкова»

2016, 26 мая

Заседание 186

К.А. Елохин, науч. сотр. Института всеобщей истории РАН

«Корона инков маскапайча в их истории и геральдике»

2016, 22 июня

Заседание 187

С.В. Зверев, канд. ист. наук, заведующий Отделом нумизматики и археологии ГИКМЗ «Московский Кремль»

«Печать старосты бурятского Четвертного Чернорудского рода Ленского ведомства 1844 г.»

2016, 5 октября

Заседание 188

Выездное. Выставка «“Круг Земной” русского зарубежья: Географические карты из эмигрантских собраний». А.С. Кручинин и Н.А. Кузнецов, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына

2016, 17 ноября

Заседание 189

Л.А. Заворотная, канд. ист. наук, ГМИИ им. А.С. Пушкина

«Из истории организации и проведения выставки “Сокровища гробницы Тутанхамона” в Москве, 1973–1974 гг. (по материалам Отдела рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина)»

2016, 8 декабря

Заседание 190

А.С. Кручинин, заведующий отделом военно-исторического наследия Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

«И.В. Шнейдер и русское нумизматико-филателистическое общество в Париже в конце 1920-х гг.»

2017, 26 января

Заседание 191

Мемориальное

Е.В. Пчелов, заведующий кафедрой ВСИД ИАИ РГГУ

«Памяти Игоря Станиславовича Сметанникова»;

С.В. Зверев, канд. ист. наук, заведующий Отделом нумизматики и археологии ГИКМЗ «Московский Кремль»

«Татьяна Юрьевна Стукалова и ее вклад в отечественную историческую науку».

2017, 15 марта

Заседание 192

Д.А. Хейфец, студент факультета архивного дела ИАИ РГГУ

«Гербы дворянских родов еврейского происхождения в Российской империи»

In memoriam

УДК 930(047)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-4-134-135

Игорь Станиславович Сметанников (01.06.1960 – 11.01.2017)

В январе 2017 г. скончался выдающийся геральдист и организатор в области геральдики и других вспомогательных исторических дисциплин Игорь Станиславович Сметанников.

Будучи по профессии военным (Игорь Станиславович ушел в отставку в чине подполковника), он еще в советские времена увлекся геральдикой, как тогда многие, через коллекционирование значков с гербами городов. Постепенно увлечение переросло в нечто большее и в конечном итоге стало делом всей его жизни. Своими учителями в области геральдики он небезосновательно считал нескольких выдающихся ученых-историков, среди которых важное место занимали представители научной школы геральдики Историко-архивного института – доктор исторических наук, профессор. Е.И. Каменцева и ее ученик кандидат исторических наук И.В. Борисов. Общение со специалистами способствовало профессиональному росту Игоря Станиславовича на геральдической ниве, он всегда внимательно прислушивался к мнению профессионалов и сам постоянно расширял и совершенствовал свои знания, став одним из признанных знатоков практической геральдики в России.

Колоссальна роль И.С. Сметанникова в институциональном оформлении общественного движения любителей геральдики и в области организации геральдики как практики и как науки. Он был, бесспорно, выдающимся организатором, настоящим энтузиастом, который все свои силы отдавал любимому делу. Игорь Станиславович стоял у истоков возрождения практической геральдики в России в конце 1980-х годов, он очень много сделал для развития геральдической службы силовых ведомств и прежде всего Министерства обороны РФ. Он сам был блестящим геральдистом-практиком, автором многочисленных гербов, в том числе муниципальных, знаков отличия, наград и т. п. Но главное он стал, по сути, организатором первого общественного объединения в области геральдики – Всесоюзного, а позднее Всероссийского геральдического общества, которое возглавлял на протяжении многих лет.

Общество регулярно проводило слеты геральдистов, два раза в год устраивало конференции по геральдике и генеалогии, на которых выступали с докладами многие замечательные ученые, знакомя общественность с результатами своих трудов.

Но, бесспорно, настоящим памятником неутомимой энергии и любви Игоря Станиславовича к геральдике стал возрожденный им журнал «Гербовед». Сто номеров этого издания внесли весомый вклад в историю как геральдики, так и вспомогательных исторических дисциплин в целом. Конечно, не все номера журнала и материалы, публиковавшиеся в нем, равноценны. Но Игорь Станиславович никогда не отказывал в публикации как научных статей, так и любительских штудий, полагая, что все идет в копилку геральдики и на дело ее развития. Для многих ученых-геральдистов сметанниковский «Гербовед» был одной из немногих возможностей публикации своих научных трудов. Поэтому ни Е.И. Каменцева, ни И.В. Борисов, ни Р.А. Симонов, ни Г.И. Королев, ни многие другие исследователи-историки не упускали возможности представить свои работы на страницах нового «Гербоведа». Надо сказать, что Игорь Станиславович был деятельным участником научного Геральдического семинара, который был организован в Историко-архивном институте РГГУ по инициативе Е.И. Каменцевой и продолжает работу и по сей день. Историко-архивный с радостью предоставлял ВГО свои стены для проведения различных мероприятий, а Игорь Станиславович несколько номеров «Гербоведа» специально посвятил научным трудам семинара и работам его участников (создавая в том числе авторские номера, посвященные И.В. Борисову и другим). Эти номера являются существеннейшим примером развития научной геральдики и геральдических исследований в отечественной историографии нашего времени. Выпускал И.С. Сметанников и другие геральдические публикации – книги, альманахи, газеты, брошюры, причем, наверное, ему одному было известно, чего на самом деле стоило находить на это силы, время, средства; то был поистине настоящий подвиг ради дела всей жизни.

К сожалению, в последние годы Игорь Станиславович отошел от геральдических дел, уехав на свою малую родину, хотя и не порывал связей с коллегами. Безвременная его кончина потрясла всех его друзей и знакомых. Он был очень светлым, доброжелательным и чутким человеком... Боль от утраты, конечно, велика, но главное – он оставил бесценное наследие, а памятником его жизни навсегда останутся сто номеров журнала «Гербовед».

Е.В. Пчелов

УДК 930(047)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-4-136-153

Татьяна Юрьевна Стукалова
(17.12.1958–16.01.2017)

16 января 2017 г. после недолгой тяжелой болезни скончалась Татьяна Юрьевна Стукалова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела нумизматики Государственного Исторического музея. Она была признанным специалистом в области медиевистики и вспомогательных исторических дисциплин и одним из наиболее авторитетных знатоков монет Средневековой Европы.

Т.Ю. Стукалова родилась 17 декабря 1958 г. в Москве в семье служащих. После окончания школы она поступила в медицинское училище № 24, которое с отличием закончила в 1978 г. Затем Татьяна Юрьевна почти два года работала фельдшером. Однако любовь к истории оказалась сильнее.

В 1980 г. Т.Ю. Стукалова стала сотрудником Отдела нумизматики Государственного исторического музея и навсегда связала свою жизнь с музеем.

Она прошла достойный путь – придя на работу в 1980 г. лаборантом, в 1986 г. стала младшим научным сотрудником, затем в 1992 г. научным сотрудником, в 1997 г. – старшим научным сотрудником, а с 2004 г. стала ведущим научным сотрудником Отдела нумизматики ГИМ. Но в связи с реорганизацией штатного расписания ГИМ в 2015 г. она вновь вернулась на прежнюю должность старшего научного сотрудника.

В 1985 г. Татьяна Юрьевна окончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) по кафедре «История средних веков», специальность «Франция». Ее учителями были известные и талантливые ученые – профессора Е.В. Гутнова (1914–1992), С.П. Карпов и доцент Т.П. Гусарова.

В 1996 г. Т.Ю. Стукалова блистательно защитила в МГУ кандидатскую диссертацию «Сеньоры Шартрэна и Берри в X – начале XIV в. (историко-нумизматическое исследование)».

Научным руководителем работы была профессор Н.А. Хачатурян, видный специалист в области политической и социальной истории средневековой Франции.

В день защиты оппоненты – доктор исторических наук М.П. Сотникова (Отдел нумизматики Гос. Эрмитажа) и к.и.н. А.П. Черных (Институт всеобщей истории РАН) – высказали мнение, что каждый из трех разделов диссертации (геральдика, генеалогия и нумизматика) даже по отдельности достоин искомой ученой степени.

Тема исследования была важна не только для отечественной, но и для зарубежной медиевистики, потому что даже во Франции не было проведено комплексное изучение монетной чеканки сеньоров Шартрэна и Берри, рассмотренной наряду с генеалогией и геральдикой правящих родов. Это усложнило и заметно увеличило объем работы Татьяны Юрьевны, но вместе с тем позволило выполнить глубокое научное исследование.

Много времени и сил Т.Ю. Стукалова уделяла развитию и популяризации нумизматики, геральдики и других вспомогательных дисциплин. В 1988–1998 гг. она читала курс лекций «Введение в западноевропейскую нумизматику средних веков» на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ.

В 1980-х годах Т.Ю. Стукалова была бессменным ученым секретарем Проблемного совета по нумизматике ГИМ, регулярные заседания которого стали основой для организации самостоятельных конференций. В 1993–1999 гг. Татьяна Юрьевна уже являлась ученым секретарем Всероссийских нумизматических конференций, осуществляя постоянную работу по подготовке и организации форумов, при этом взяв на себя обширную переписку с иногородними участниками.

В 1995 г. Т.Ю. Стукалова была избрана индивидуальным членом Нумизматического комитета Международной организации музеев (ИСОМ) и не раз участвовала в зарубежных форумах Комитета и международных конгрессах по нумизматике.

Круг научных интересов Т.Ю. Стукаловой был весьма широк. Она опубликовала около 170 научных работ по истории Средних веков, нумизматике, геральдике, сфрагистике, архонтологии, генеалогии, вексиллологии.

Особое место в ее обширной научной деятельности занимает архонтология – новая ветвь исторической науки, вспомогательная историческая дисциплина, находящаяся еще на стадии формирования.

Архонтология занимается изучением государственных должностных лиц разного уровня – от самых высоких (глав государств) до мелких служащих. Впервые в России эта новая вспомогательная историческая дисциплина получила четкое обоснование в книге Т.Ю. Стукаловой «Введение в средневековую французскую

архонтологию» (М., 2001), которая стала первым опытом изучения основных должностей во Франции в течение 12 столетий Старого порядка: от меровингского государства (VI – середина VIII в.) до Великой французской революции 1789 г. Главное внимание было уделено периоду Средневековья (XI–XV в.), когда изучаемые должности переживали свой расцвет.

Другим ярким примером безупречной научной работы Татьяны Юрьевны Стукаловой стало издание на русском языке книги аббата Сугерия «Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108–1137)» (М., 2006).

Как подлинный знаток средневекового текста она сумела передать в своем переводе латинского текста многие особенности авторского изложения. Изданию предшествовали подробная биография автора, обзор и характеристика его литературного наследия. Археографический раздел содержит детальные сведения об истории самого труда Сугерия, его рукописи, публикациях и посвященных ему исследований.

Большое значение имеют выполненные Т.Ю. Стукаловой подробнейшие комментарии, которые воссоздают полноценное представление об эпохе, а биографический словарь, географический указатель и генеалогические таблицы представляют собой самостоятельные ценные справочники.

Даже в подборе иллюстраций к этой книге Татьяна Юрьевна показала глубокое знание самых разнообразных исторических памятников и источников. На иллюстрациях представлены различные храмы, замки, доспехи, знамена, печати, гравюры.

Следует отметить присущую Т.Ю. Стукаловой честность историка, для которого существуют только проверенные факты, а не веяния сиюминутной конъюнктуры. Например, в год помпезного празднования 1000-летия Казани Татьяна Юрьевна оказалась среди тех немногочисленных специалистов, кто не побоялся публично выразить сомнения в правильности самой методики определения возраста города на основании единичной находки неизвестно когда сделанной свинцовой имитации чешской монеты X в., а выполненный Т.Ю. Стукаловой анализ самого нумизматического предмета не оставил никаких сомнений в его более поздней датировке.

Такой вдумчивый и требовательный подход к своей работе можно видеть и в других книгах и статьях Татьяны Юрьевны. Вместе с тем она всегда была доброжелательным коллегой и помощником для провинциальных или начинающих исследователей, которые не имели доступа к редким монетам или книгам. Но к амбициозным невеждам Т.Ю. Стукалова относилась весьма строго в своих вопросах и замечаниях на научных форумах, в статьях и рецензиях.

Проявляемые Татьяной Юрьевной в дружеском кругу тонкий юмор и ирония также нашли воплощение на страницах придуманной с ее участием в 1995 г. ежегодной однодневной юмористической газеты «Нумизматические ведомости», которую члены оргкомитета каждый раз готовили к началу очередной Всероссийской нумизматической конференции. В те годы, когда конференцию (и следовательно газету) делали москвичи, Т.Ю. Стукалова неизменно выступала в роли «безответственного секретаря» редакции газеты и в качестве автора «около-научных» юмористических статей.

Серьезная научно-редакторская работа Татьяны Юрьевны связана с работой в редколлегии сборников тезисов Всероссийских нумизматических конференций (1995–1997, 1999, 2005, 2015 гг.), в редакционном совете Международного нумизматического альманаха «Монета» (1993–2003), в качестве члена редколлегии «Бюллетеня Семинара по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам им. Е.И. Каменцевой» (с 2003), научного сборника «Номизма» (с 2010 г.), в редколлегии сборников материалов докладов и сообщений Нумизматических чтений ГИМ (с 2013 г.).

Глубокие и обширные знания Т.Ю. Стукаловой имели большое значение для сохранения высокого научного уровня этих изданий, оказывали заметное влияние на начинающих исследователей, которые включались в работу нумизматических и геральдических форумов.

Т.Ю. Стукалова являлась почетным членом Всероссийского геральдического общества и имела ряд неофициальных наград научных конференций и семинаров.

Скоропостижная кончина Татьяны Юрьевны Стукаловой стала неожиданным и горестным событием для всех, кто ее знал. Друзья и коллеги сохраняют о ней самую светлую и благодарную память.

С.В. Зверев

Список печатных работ Т.Ю. Стукаловой
Составил С.В. Зверев

1987

1. Наш рубль: Каталог выставки. М., 1987. [в коллективе авторов]

1988

2. К вопросу о «монетных союзах» в Шампани XI в. // Нумизматический сборник. Часть X (Труды ГИМ. Вып. 69). М., 1988. С. 72–83, ил.
3. Ля вытокаў айчынных манет // Червоная змена. 30 ліпеня 1988. С. 8.

1990

4. Французскія дэнарыі у Беларусі // Червоная змена. 3 сакавіка 1990. С. 9.

1992

5. О начале светской сеньориальной чеканки во Франции // Нумизматический сборник. Часть XI. (Труды ГИМ. Вып.80). М., 1992. С.45–64.

1993

6. Анонимный денарий графства Шартр из собрания ГИМ // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 18–21 мая 1993 г. Вологда, 1993. С. 21–22.

1994

7. Наполеон Бонапарт: Каталог выставки. М., 1994. [в коллективе авторов]
8. Денарий французского короля Филиппа I (1060–1108) в собрании ГИМ // Всероссийская нумизматическая конференция. Гос. Эрмитаж, 6–8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 107.
9. Монетная чеканка Амьена: граф, епископ, город (конец X – XII в.) // Средние века. Вып. 57. М., 1994. С. 235–248, табл.
10. 30 солей из посуды маршала де Тюренн // Техника молодежи. 1994. № 11. С. 46.

1995

11. Заметки о монетах чрезвычайных обстоятельств // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 1995. Вып. 1. С. 17–38.

12. Дополнение к каталогу монет чрезвычайных обстоятельств // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 1995. Вып. 2. С. 38–39.
13. Королевская чеканка в Аррасе при Филиппе II Августе (1180–1223) // Третья Всероссийская нумизматическая конференция во Владимире. Тезисы докладов. М., 1995. С. 30–31.

1996

14. Сеньоры Шартрэна и Берри в X – начале XIV в. (историко-нумизматическое исследование): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1996. 22 с.
15. Три турецких денария из собрания ГИМ // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове. Тезисы докладов. М., 1996. С. 59–61.
16. Сначала франк был конным ... // Финансовый бизнес. М., 1996. № 3 (29). С. 64.
17. Франку – 200 лет! // Финансовый бизнес. М., 1996. № 4 (30). С. 60–61.
18. Бельгийский и люксембургский франки // Финансовый бизнес. М., 1996. № 5 (31). С. 63–64.

1997

19. Несколько денариев французских сеньоров, чеканенные в Латинской Романии в последней четверти XIII – начале XIV в. (из собрания ГИМ) // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция в Москве. Тезисы докладов. М., 1997. С. 45–47.
20. И грош ему цена... // Финансовый бизнес. М., 1997. № 4. С. 61–64.
21. 1 декабря – день св. Элигия // Нумизматические ведомости. 1997. № 1. С. 8–9.
22. Сатира на металле // Там же. С. 20–21. [под псевдонимом Юдит Тимсдотер]
23. Нумизматическая династия // Там же. С. 24–25.
24. Une tentative de la filiation des monnaies françaises au type bléso-chartrain aux X-e et XI-e siècles // Le XII-e Congrès international de numismatique. Résumé des communications. Berlin, 1997. P. 161–162.

1998

25. Истоки средневековой геральдики // Гербовед. М., 1998. Вып. 23. С. 106–121.
26. Королевский денарий графства Дро из собрания ГИМ // Нумизматический сборник. Часть XIII (Труды ГИМ. Вып. 98). М., 1998. С. 48–52.
27. Новая ветвь на древе блуа-шартрского типа (Нант, середина X в.) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция в Санкт-Петербурге. Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 95–96.

28. Quelques explications sur les deniers connus de Déols (France, le XII-e siècle) // The 2nd International numismatic Congress in Croatia. Program and summaries. Opatija, 1998. P. 60.
29. Neka zapažanja o poznatom novcu Déols (Francuska, XII. st.) // 2. Međunarodni numizmatički kongres u Hrvatskoj. Program i sažeci radova. Opatija, 1998. S. 61.

1999

30. Несколько замечаний о двух известных денариях Деоля (Франция, XII в.) // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Ярославле. М., 1999. С. 80–81.
31. Опыт хронологии анонимных денариев Бурбоннэ (вторая половина XII – начало XIII в.) // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 1999. Вып. 6. С. 46–65.
32. Монетная чеканка в Шиноне в X в.: предыстория блуа-шартрского монетного типа // Нумизматика и эпиграфика. М., 1999. Вып. XVI. С. 265–280, табл. 1–2.
33. Появление гербов на французских сеньориальных монетах (конец XII – начало XIV в.) // Гербовед. М., 1999. Вып. 4 (36). С. 113–139, табл. 1–8.
34. Начало Блуа-Шартрского дома: Тибо Старый и его потомки в X – начале XI в. // Гербовед. М., 1999. Вып. 5 (37). С. 92–107.
35. Генрих Русский 72-й, принц Священной Римской империи // Нумизматические ведомости. 1999. № 3. С.13.
36. Филипп Красноносый // Там же. С. 22, ил. [под псевдонимом – Ю.Т.]

2000

37. Несколько замечаний о двух известных денариях Деоля (Франция, XII в.) // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 2000. С. 94–100.
38. Клад солидов из Чернобыля // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Москве. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 114–115.
39. Сквозь века. Портретная галерея на монетах // Нумизматические ведомости. 2000. № 4. С. 22–23.
40. Портреты на европейских монетах с VI в. до наших дней // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 10–12 мая 2000 г.). М., 2000. С. 58–59.
41. Великие императоры Европы. Наполеон I и Александр I: Каталог выставки. М., 2000. [в коллективе авторов]
42. Монеты. Монетное обращение. Монетные союзы // Город средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4: Extra muros. Город, общество, государство. М., 2000. С.101–120.

43. Quelques explications sur les deniers connus de Déols (France, le XII-e siècle) // Zbornik Radova 2. Međunarodnog numizmatičkog kongresa u Hrvatskoj. Opatija, 2000. S. 110–113, ill.

2001

44. Введение в средневековую французскую архонтологию. М., 2001. 128 с., ил.
45. Опыт геральдического комментария к миниатюре XIV в. // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. Тезисы докладов и сообщений XIII научной конференции. Москва, 1–2 февраля 2001 г. М., 2001. С.133–134.
46. Чешские и моравские денарии конца X–XII вв. в собрании ГИМ // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция в Новгороде. Тезисы. СПб., 2001. С.182–183.
47. Французский королевский двор при Филиппе I и Людовике VI (1060–1137) // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып. 1. СПб.; М., 2001. С. 68–80.
48. І гріш йому ціна... // Нумізматика і фалеристика. Київ, 2001. № 4 (жовтень–грудень). С.14–16, іл.
49. Генріх Руський 72-й Священної Римської імперії // Там же. С. 28, іл. [с ошибочным указанием – Стукалова Тамара]
50. Введение // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 1995. Вып. 8. С. 3–5. [в соавторстве с С.В. Зверевым]
51. А.С. Беляков и первые «Нумизматические ведомости» // Нумизматические ведомости. 2001. № 5. С. 4. [в соавторстве с С.В. Зверевым]

2002

52. Всероссийские нумизматические конференции. I–IX (1993–2001 гг.): Библиографический указатель. М., 2002. 96 с. [в соавторстве с С.В. Зверевым]
53. Французские золотые монеты XIII – начала XVI в. в собрании ГИМ // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 2002 г. М., 2002. С. 110–112.
54. Генрих I и Анна Русская (семейно-нумизматическая драма XI в.) // Нумизматические ведомости. 2002. № 6. С. 8–9.

2003

55. Очерк монетной чеканки в Чехии и Моравии в X–XII вв. (С каталогом монет из собрания отдела нумизматики ГИМ) // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 2003. Вып. 9. С. 35–49, табл. 2–3.

56. Находка с берегов Балтики // XI Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–20 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 115–116.
57. Опыт геральдического комментария к миниатюре XIV в. // Нумизматический сборник. Часть XVI (Труды ГИМ. Вып.138). М., 2003. С.100–108.
58. Статут Ордена Святого Духа по Правому желанию, установленный в Неаполе в 1352 г. Людовиком Анжуйским: Пер. с фр. // Нумизматический сборник. Часть XVI (Труды ГИМ. Вып.138). М., 2003. С. 114–118.
59. От золотых жаб до золотых лилий: десять столетий средневековой французской вексиллологии (конец V – XV в.) // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 1. М., 2003. С. 3–6.
60. Талер. Курфюршество Саксония, Эрнестинская линия, курфюрсты Иоганн I (1525–1532) и Георг (1500–1539), монетный двор Аннаберг, без даты // Россия и Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений: Каталог выставки / Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». М., 2003. № 73. С. 113.
61. Далер. Швеция, король Густав I Ваза (1521–1560), 1543 // Там же. № 74. С. 114.
62. Талер. Герцогство Саксония, Альбертинская линия, герцог Мориц Иуда (1541–1553), монетный двор Фрейберг, 1551 // Там же. № 76. С. 114–115.
63. Талер. Священная Римская империя германской нации, имперский город Висмар, 1552 // Там же. № 77. С. 115.
64. Даальдер. Испанские Нидерланды, провинция Гелдерн, король Филипп II (1555–1598), 1557 // Там же. № 78. С. 115.
65. Талер. Палатинат (Рейнский Пфальц), Линия Зиммерн, графпалатин Рейнский, принц-курфюрст Священной Римской империи, герцог Баварии Фридрих III (1557–1576), 1567 // Там же. № 79. С. 115.
66. Талер. Священная Римская империя германской нации, имперский город Бремен, 1568 // Там же. № 80. С. 116.
67. Талер. Герцогство Юлих-Клеве-Берг, герцог Вильгельм V (1539–1592), 1583 // Там же. № 81. С. 116.
68. Рийксдаальдер. Соединенные провинции Нидерландов, провинция Голландия, 1591 // Там же. № 82. С. 116
69. Талер. Княжество Трансильвания, князь Сигизмунд Батори (1581–1602), 1593 // Там же. № 83. С. 116
70. Рийксдаальдер. Священная Римская империя, имперский город Кампен, 1596 // Там же. № 84. С. 117.

71. Талер. Священная Римская империя германской нации, император Рудольф II (1587–1612), монетный двор Халль, 1603 // Россия и Британия... № 85. С. 117.
72. Рийксдаальдер. Соединенные провинции Нидерландов, провинция Зеландия, монетный двор Мидделбург, 1607 // Там же. № 86. С. 117.
73. Талер. Священная Римская империя германской нации, император Рудольф II (1587–1612), монетный двор Иоахимсталь, 1609 // Там же. № 87. С. 117–118.
74. Риксдалер. Швеция, король Карл IX (1604–1611), 1611 // Там же. № 88. С. 118.
75. Трехкратный талер. Тевтонский орден, эрцгерцог Максимилиан австрийский (1587–1612), 1614 // Там же. № 89. С. 118.
76. Талер. Священная Римская империя германской нации, имперский город Любек, 1619 // Там же. № 90. С. 118–119.
77. Талер. Герцогство Брауншвейг-Люнебург, Линия Новый Люнебург, герцог Христиан (1611–1632), 1620 // Там же. № 91. С. 119.
78. Таллерио. Герцогство Тосканское, герцог Козимо II Медичи (1609–1621), монетный двор Пиза, 1620 // Там же. № 92. С. 119.
79. Талер. Графство Ройсс-Грейц, Генрих IV Средний цу Обер-Грейц (1604–1629) и Генрих V цу Унтер-Грейц (1604–1667), 1624 // Там же. № 93. С. 119.
80. Гроат. Англия, король Генрих VIII (1509–1547), монетный двор Лондон, без даты [1543] // Там же. № 142. С. 184.
81. Шиллинг. Англия, король Эдуард VI (1547–1553), монетный двор Тауэр, без даты [1551] // Там же. № 143. С. 185.
82. Шиллинг. Англия, король Яков I Стюарт (1604–1625), монетный двор Тауэр, без даты [1604–1625] // Там же. № 144. С. 185.

2004

83. Венгерские монеты XI в. в собрании отдела нумизматики ГИМ // XII Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2004. С. 103–105.
84. «Посланная небом в великой тайне...»: орифламма и церемония ее поднятия во Франции (вторая половина XIV – начало XV в.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал. М., 2004. С. 200–215.
85. От золотых жаб до золотых лилий: десять столетий средневековой французской вексиллологии (конец V – XV вв.) // Гербовед. 2004. Вып. 4 (70). С. 33–54.
86. К атрибуции поддельного гульдена XVII в. из раскопок в Москве // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. М., 2004. № 11. С. 50–56. [в соавторстве с С.В. Зверевым]

87. От конюха до главнокомандующего. Очерк эволюции высших военных должностей во Французском королевстве с VI до XVIII в. // Гербовед. М., 2004. Вып. 9 (75). С. 38–57.
88. Гроссо в 5 сольди. Герцогство Милан, герцог Галеаццо-Мария Сфорца (1466–1476), без даты // Италия и Московский двор: Каталог выставки / Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». М., 2004. № 22. С. 24.
89. Скудо с крестом. Венеция, дож Джованни Бембо (1615–1618), массаро Леонардо Вандрамин (29 декабря 1615 – 22 февраля 1616), без даты // Там же. № 24. С. 25.
90. Оселла. Венеция, дож Алвизо Кантарини (1676–1684), массаро Джероламо Марчелло (25 февраля 1681 – 20 апреля 1682), 1681 // Там же. № 25. С. 25.
91. Джулио. Папское государство, папа Юлий II (1503–1513), монетный двор Рим, без даты // Там же. № 26. С. 26.
92. Таллеро. Герцогство Тоскана, великий герцог Козимо II Медичи (1609–1621), монетный двор Пиза, 1621 // Там же. № 27. С. 26.
93. Пиастр. Герцогство Тоскана, великий герцог Козимо III Медичи (1670–1723), монетный двор Флоренция, 1694 // Там же. № 28. С. 26.
94. «Сказка о царе Салтане» как исторический источник // Нумизматические ведомости. 2004. № 8. С. 8–10.
95. Монеты-канарейки // Там же. С. 22.

2005

96. Три денария польского князя Мешко I в собрании ГИМ // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2005. С. 83–84.
97. По следам одной нумизматической сенсации // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 18. М., 2005. С. 3–7.
98. От золотых жаб до золотых лилий: десять столетий средневековой французской вексиллологии (конец V – XV в.) // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетени № 1–15. (Приложение к научно-популярному журналу «Гербовед». Вып. 1). М., 2005. С. 7–10, ил.
99. От золотых жаб до золотых лилий: десять столетий средневековой французской вексиллологии (конец V – XV в.) // Награда. М., 2005. Вып. 2. С. 135–150.

2006

100. Сугерий, аббат Сен-Дени. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции: Пер. с лат., коммент., вступит. ст. М., 2006. 320 с., ил., карта, генеалог. табл.

101. Наследование титула королей Иерусалимских и его отражение в нумизматике и сфрагистике // Вспомогательные исторические дисциплины. Классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII научной конференции. Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 382–384.
102. Каталог чешских и моравских денариев X–XII вв. в собрании отдела нумизматики ГИМ // Труды ГИМ. Вып. 151 (Нумизматический сборник. Часть XVII). М., 2006. С. 99–112.
103. Литовские монеты конца XIV и XV вв. в собрании ОН ГИМ // Tarptautine numizmatikos konferencija, skirta Lietuvos nacionalinio muziejaus 150-meciui. Vilnius. 2006 m. Balandzio 26–28 d. Lietuvos Nacionalinis muziejus; International Numismatic Conference. Marking the 150th anniversary of the National Museum of Lithuania. Lecture summers. Vilnius, April 26–28, 2006. National museum of Lithuania; Международная нумизматическая конференция, посвященная 150-летию Национального музея Литвы. Вильнюс, 26–28 апреля 2006 г. Вильнюс, 2006. С. 155–157.
104. Наследование титула королей Иерусалимских и его отражение в нумизматике и сфрагистике // Гербовед. М., 2006. Вып. 4 (90). С. 20–52, ил.

2007

105. Коллекция монет Тевтонского ордена (XIII – первая четверть XVI в.) в собрании ГИМ // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург – Гатчина, 16–21 апреля 2007 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2007. С. 112–114.
106. По следам одной нумизматической сенсации // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетени № 16–30. (Приложение к научно-популярному журналу «Гербовед». Вып. 2). М., 2007. С. 29–33.
107. Монограмма имени как символ государя на западноевропейских монетах V–X вв. // Гербовед. М., 2007. Вып. 3 (95). С. 34–49, ил.
108. Очерк бретонской монетной чеканки в рамках политической истории Бретани (конец VIII – X в.) // Искусство власти: Сборник в честь Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 206–220.
109. А.С. Беляков и первые «Нумизматические ведомости» // Нумизматические ведомости. 2007. № 10. С. 23. [в соавторстве с С.В. Зверевым]

2008

110. Архонтология как новый раздел вспомогательных исторических дисциплин // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитар-

- ного знания. Материалы XX Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2008 г. М., 2008. Часть II. С. 607–609.
111. Монограмма имени как символ государя на западноевропейских монетах V–X вв. // Русская антропологическая школа. Труды. М., 2008. Вып. 5. С. 387–405, табл. 1–6.
112. [Рец.] *Гаврилова Л.М., Левин С.С.* Европейские ордена в России (конец XVII – начало XX века). Из собраний Музеев Московского Кремля и Государственного Исторического музея. М., АРТ-РОДНИК, 2007. 232 с., ил. Приложение. 64 с., ил. // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 41. М., 2008. С. 10.
113. [Рец.] *Антонов В.А.* Титулы и гербы королей Дании в Северной Европе (XI–XX вв): Учеб. пособие для студентов и аспирантов. М.: МГИМО–Университет, 2007 // Там же. Бюллетень № 48. М., 2008. С. 10.
114. [Рец.] *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика: Перевод со старофр. Г.Ф. Цыбулько, под ред. А.Ю. Карачинского, научный редактор перевода Ю.П. Малинин. СПб.: Евразия, 2007 // Там же. Бюллетень № 45. М., 2008. С. 9–10.

2009

115. Монеты-«канарейки», или венецианские оселлы XVI–XVIII вв. // Там же. Бюллетень № 53. М., 2009. С. 3–7.
116. Социальное положение благородных бастардов в Западной Европе // XIX Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания» в ИАИ РГГУ. М., 2009. С. 324–327.
117. Посмертные выпуски монет шведского короля Густава II Адольфа (1611–1632) в 1633–1635 гг. // XV Всероссийская нумизматическая конференция. Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 102–104. [В соавторстве с С.В. Зверевым]
118. Польский четырехкратный дукат-медаль 1677 г. // Там же. С. 108–111.
119. Осада крепости Замостье в 1813 г.: нумизматический аспект // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 58. М., 2009. С. 3–7.
120. «Белые вороны» Йозефа Майнерта: Майнерты: искусство фальсификации; Литые копии майнертовских подделок из собрания ГИМ // Нумизматический альманах. М., 2009. № 2(36). С. 2–6.

121. [Рец.] *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 53. М., 2009. С. 8.
122. [Рец.] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Рязань: Александрия, 2009 // Там же. Бюллетень № 54. М., 2009. С. 10.
123. [Рец.] *Жан Фруассар.* Хроники, 1325–1340 гг.: Пер., статья и прим. М.В. Аникиева; под науч. ред. Ю.П. Малинина. Изд-во С.-Петербургского университета, 2008 // Там же. Бюллетень № 55. М., 2009. С. 9.
124. [Рец.] Титмар Мерзебургский. Хроника в 8 книгах. Изд. подгот. И.В. Дьяконов. 2-е изд., испр. М.: Русская панорама, 2009 // Там же. Бюллетень № 55. М., 2009. С. 10.
125. [Рец.] *Дитлов В.Б., Соколовский Е.Б., Шаманаева И.Н.* Галеры Священной Римской империи германской нации: римский император, римский король, курфюрсты: Каталог. Екатеринбург: Ривера, 2008 // Там же. Бюллетень № 55. М., 2009. С. 10.
126. [Рец.] *Козьма Пражский.* Чешская хроника. Галл Аноним. Хроника и деяния князей, или правителей польских. Рязань: Александрия, 2009 // Там же. Бюллетень № 57. М., 2009. С. 10.
127. [Рец.] *Бугров А.В., Калмыков С.В.* Эпоха золотого стандарта. М.: Изд. дом «Кодекс», 2009 // Там же. Бюллетень № 57. М., 2009. С. 10.

2010

128. Проблема датировки брактеатов Тевтонского ордена // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы XXII Международной научной конференции. Москва, 28–30 января 2010 г. М., 2010. С. 353–355.
129. *Яворуцкая-Дратх А.* Первые польские бумажные деньги 1794 г.: Пер. с пол. // Номизма. М., 2010. № 1. С. 31–42.
130. [Протокол 131-го заседания Семинара по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам 25 мая 2010 г.] // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 65. М., 2010. С. 1.

2011

131. Институты власти и должности во Франкском королевстве в VI–X вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Ответ. ред. Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. С. 13–43.
132. Институты власти и должности во Французском королевстве в XI–XIII вв. // Там же. С. 44–75.

133. Венецианская оселла 1630 г. на избавление от чумы // Номизма. М., 2011. № 2. С. 34–35.
134. Поддельная медаль на взятие Полоцка 1579 г. // Там же. С. 179–180.
135. «Покаянный брактеат» польского князя Болеслава Кривоустого (1102–1138) // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 77. М., 2011. С. 7–12.
136. Севские чехи 1686 г. из коллекции ГИМ // Нумизматические чтения 2011 года памяти Алексея Владимировича Фомина. Тезисы докладов и сообщений. М., 2010. С. 80–87. [В соавторстве с С.В. Зверевым]

2012

137. Монеты-«канарейки», или венецианские оселлы XVI–XVIII вв. // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XIX (Труды ГИМ. Вып. 192). М., 2012. С. 86–92.
138. Гульден из гроша (поддельный электорский гульден 1511 г. архиепископа Трирского из коллекции ГИМ // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения П.В. Зубова (1862–1921). Тезисы докладов и сообщений. М., 2012. С. 129–132.
139. Российские ордена в западноевропейской нумизматике // Там же. С. 149–153. [В соавторстве с С.В. Зверевым]
140. [Рец.] Материалы исследований. Сборник № 18: Научно-практическая конференция (28–29 ноября 2011 г.) / Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник; Сост. М.Е. Родина. Владимир, 2012 // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 89. М., 2011. С. 10–11.

2013

141. Монеты-амулеты со Святым Георгием XVI–XIX вв. // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам им. Е.И. Каменцевой. Бюллетень № 91. М., 2013. С. 3–7.
142. Эволюция фальсификации коллекционных монет в XIX – начале XX в. (по материалам западноевропейской коллекции отдела нумизматики ГИМ) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. II. С. 541–545.
(http://iai.rsuh.ru/binary/2081471_83.1360890151.29621.pdf)
143. Клад западноевропейских монет начала XVII века из окрестностей Псковско-Печерского монастыря. XVII Всероссийская

- нумизматическая конференция. Москва, Пушкино. 22–26 апреля 2013 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2013. С. 77–80.
144. Два поддельных медальных талера 1533 и 1540 гг. из фонда отдела нумизматики ГИМ // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам им. Е.И. Каменцевой. Бюллетень № 98. М., 2013. С. 3–7.
145. Поддельная монета князя Ярослава Святославича // Нумизматические чтения 2013 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2013. С. 27–29.
146. [Рец.] *Левин С.С.* Женские награды российской империи. М.: Изд. дом ТОНЧУ, 2013 // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам им. Е.И. Каменцевой. Бюллетень № 92. М., 2013. С. 8.
147. [Рец.] Экономические реформы: уроки истории (История мировой экономики, вып. 2). Сборник статей. М.: Институт экономики РАН, 2013 // Там же. Бюллетень № 97. М., 2013. С. 11.
148. [Рец.] Международная научная конференция «РАСМИР: Восточная нумизматика – 2011». Сборник научных трудов. Киев: Альфа Реклама, 2013 // Там же. С. 11–12.

2014

149. Юбилейные заметки: Сергей Викторович Зверев отпраздновал свой 50-летний юбилей! // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам им. Е.И. Каменцевой. Бюллетень № 100. М., 2014. С. 2–4.
150. Об изображении грифона на «даленских деньгах» 1572–1573 гг. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 358–363. (URL: https://www.dropbox.com/s/cel2h96li2plnqp/Sbornik_konf_VID_XXVI_pamyati_S.O.Schmidta.pdf)
151. Наследники советника Беккера // Нумизматические чтения 2014 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2014. С. 13–19.
152. Монеты XIII–XVII вв. из раскопок Гнездовского археологического комплекса // Там же. С. 41–44. [В соавторстве с И.В. Волковым, Т.А. Пушкиной]
153. Медаль на взятие Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г. (Две подделки из коллекции Отдела нумизматики ГИМ) // Другія Навуковыя чытанні памяці Валянціна Навумавіча Рабіэвіча (1934–2008). Праграма і тэзісы дакладаў. Мінск – Нясвіж, 26–28 лістапада 2014. С. 40.

2015

154. Поддельный толстый грош 1527 г. Николы III Шубича-Зринского (из коллекции отдела нумизматики ГИМ) // *Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 423–45.*
(URL: https://www.dropbox.com/s/cel2h96li2plnqp/Sbornik_konf_VID_XXVI_pamyati_S.O.Schmidta.pdf)
155. Поддельные монеты XIV–XV вв., поступившие в отдел нумизматики ГИМ с частной коллекцией // *Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г. М., 2015. С. 108–112.*
156. *Неизвестная россия: Российские ордена на западноевропейских монетах* // Петербургский коллекционер. СПб., 2015. № 3(89). С. 34–37. [В соавторстве с С.В. Зверевым]
157. Каталог болгарских монет XIV в. из собрания ГИМ // *Нумизматика и эпиграфика. Сборник научных трудов. М., 2015. Вып. XIX. С. 100–105.*
158. Польские монеты начала XI века в коллекции Отдела нумизматики ГИМ // *Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2015. Вып. 5. С. 236–243.* [В соавторстве с Я. Магерой]
159. Новые монеты Болеслава I Храброго // *Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2015. Вып. 5. С. 244–252.* [В соавторстве с Я. Магерой]

2016

160. Осадные монеты Гданьска 1577 г. в собрании Отдела нумизматики ГИМ // *Материалы XXVIII международной научной конференции. Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. К 95-летию со дня рождения Елены Ивановны Каменцевой. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 469–474.*
161. Счетный жетон из раскопок крепости Чембало // *IV Международный нумизматический симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 4–8 сентября 2016 г. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2016. С. 87–89.*

Сданы в печать:

162. Монеты Европы от Карла Великого до Наполеона I. Альбом. Ок. 10 а. л. [В соавторстве с С.В. Зверевым]
163. *Керсновский Рышард*. Монета в культуре средних веков: Пер. с пол., коммент., ил. Ок. 30 а. л.
164. Новые монеты Болеслава I Храброго (992–1025) // Нумизматич. сб. ГИМ. Т. XX. Ок. 0,3 а. л. [В соавторстве с Я. Магерой]
165. Два поддельных медальных талера 1533 и 1540 гг. из фонда отдела нумизматики ГИМ. Там же. Ок. 0,3 а. л.
166. Содержание I–XIX томов «Нумизматического сборника» ГИМ // Там же. Ок. 0,2 а. л.
167. Уильям Плейфэр и его памфлет о введении во Франции бумажных денег в 1789 г. // Номизма. № 3. Ок. 0,3 а. л.
168. *Керсновский Рышард*. Монеты в культуре средних веков: их место и функция: Пер. с пол. и прим. // Номизма. № 3. Ок. 0,5 а. л.
169. Монеты 1633–1635 гг. с именем умершего шведского короля Густава II Адольфа (1611–1632) // Номизма. № 4. Ок. 0,8 а. л. [В соавторстве с С.В. Зверевым]

Abstracts

E. Chernova

Why Weber? The German history of everyday life in search of a methodological basis

The article analyzes reasons of the M. Weber's works influence on supporters of the history of everyday life in Germany and examines works impact on the development of the methodology for the German history of everyday life. H. Medick, A. Ludke and their colleagues borrowed the approach of M. Weber to "ideal types" of behavior classification in order to empirically check the theory on the local material. The focus was the work "The Protestant ethics and the spirit of capitalism", because that project of protoindustrialization study was consistent with the search of the Protestant ethics influence on the formation of capitalism. An appeal to the M. Weber's authority served the opposition against the attacks of supporters of traditional social history.

Keywords: german history of everyday life, M. Weber, A. Ludtke, H. Medick, Alltagsgeschichte.

V. Durnovtsev

Environmental history in the coordinates of national historiography and historical education

The article presents a fundamentally new educational product in the Russian educational space – the master's program "Environmental History: Sources, Methods and Research Practices (Russia-West)", developed at the RSUH with the support of the V. Potanin Foundation. The program meets federal state standard of higher education in the degree program track 46.04.01 – History and is motivated by the rapid development of one of the authoritative trends in world historiography and historical education – Environmental history.

Keywords: environmental history, historiography, information resources, global history, regional history, interdisciplinary, historical education (master's level).

N. Komochev

Diplomatics in Russian encyclopedic studies articles.
Source study essay

The article is devoted to the representation of diplomatics as an auxiliary historical discipline in the Russian universal encyclopedias and dictionaries. Source study observations speak about continuity and mutual relation of these works as an integral part of the research in the field of diplomatics.

Keywords: diplomatics, acts, auxiliary historical disciplines.

S. Kovaleva

Historiographical review of Russian peasant genealogy

The article reviews the historiography of Russian peasant genealogy in different stages of its development: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet period. The first publications in Russia on peasant genealogy are given and the most significant ones are highlighted. Indicated some problems in the historiography on the subject matter. Directions in the history of peasant genealogy in the modern world are revealed and characterized for the first time. Descriptions of the main publications on the peasant genealogy are given.

Keywords: genealogy, peasants, publications, documents, research.

E. Nuikina

Constitutional foundations of anti-religious policy
of the Soviet state. 1918–1937

The publication presents a comparative analysis of articles of the three Constitutions of the RSFSR, regulating the Church and state relationship, in the most active period of persecution against the Russian Orthodox Church from 1918 to 1937. That approach allowed tracing the law enforcement practice of the constitutional norms in their development.

Keywords: the Constitution, RSFSR, antireligious policy, clergy.

T. Panova

Prince Vladimir Andreevich Staritsky's families composition

In Russian historiography there are no researches, presenting reliable information about the family members of Prince Vladimir Andreyevich of Staritsa. The lists of his children, presented in the scientific literature, testify that our knowledge in this question is approximate – the examples given in the article point on it. The data published in the represented article reflects the new and more cogent view on the question about the number of prince's children in both marriages. In the genealogical chart we adduce the data reflecting eight prince's children – this data is confirmed by written sources and data of the Kremlin Voznesensky cathedral necropolis.

Keywords: Vladimir Staritsky, genealogy, necropolis.

E. Pchelov

Municipal heraldry in pre-revolutionary Russia. The main trends of historical development

The article analyzes the history of municipal heraldry in the Tsardom of Muscovy and the Russian Empire throughout its existence. It distinguishes 7 periods in its history and marks characteristic features of the municipal heraldry at every stage, it also gives an account of approved municipal coats of arms in four main categories. In the issuance, the development trends of municipal heraldry, changes in its semantics and iconography emblems are traced. In the each of periods characteristic features of municipal heraldry were influenced by the history of heraldic practice in Russia and the history of Russian culture, art and symbolic language.

Keywords: coat of arms of the city, heraldry, emblem studies, semantics.

D. Polonskii

Piotr Skarga's Influence on the Orthodox Tradition of Pope Leo the Great' hagiography

The article discusses the historical and legendary details about Acts of Pope Leo the Great (pontiff in 440–461) that are reflected in the hagiographical work of the prominent Polish Catholic writer Piotr Skarga (1536–1612). It is shown that 'Leo's Life' composed by

Skarga, firstly, was a source for Old Belarusian translation preserved by the manuscript stored in The Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences in Vilnius (1669). Secondly, Skarga's work was used by Dimitry of Rostov for writing his story about Leo the Great that was published in Kiev in 1695 as a part of 'Lives of the Saints' and became the first voluminous 'Leo's Life' in the East Slavic tradition.

Keywords: Leo the Great, Piotr Skarga, Dimitry of Rostov, hagiography, Lives of the Saints.

D. Ramazanova

Russian manuscripts of Elias Meniates's works translated in the 18th century

The article examines the historical circumstances related to the manuscript tradition of Greek Orthodox Bishop Elias Meniates's works in Russian translations during the 18th century. Most of these translations from Greek into Russian were done by Stefan Ivanovich Pisarev (1708?–1775). The author provides the information about various manuscripts from Russian libraries and archives that keep the translations of Meniates's sermons as well as his treatise directed against the papacy entitled 'Stone of Scandal'. In its final part the article, discusses similarities in roles of translated Meniates's works for the spiritual cultures of Russia and Serbia at the Enlightenment.

Keywords: Elias Meniates, Stefan Ivanovich Pisarev, Greek language, sermons, translations, manuscript tradition, the Enlightenment.

A. Samarin

P.K. Simoni on the objects and methods of book study

This research is devoted to two articles by P.K. Simoni (1859–1939), Corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR, unpublished during lifetime of the author. In those works Simoni acts as a theorist of bibliology when he identifies a specific copy of publishing production in the diversity of its editions as a research subject. P.K. Simoni set up the issues of book preservation as an authentic cultural monument, of studies in unbound loos-leaf editions and unpublished books, and copy-by-copy method of book study.

Keywords: P.K. Simoni, bibliology, copy-by-copy method of book study, editions of a publication, faulty publications, unbound loos-leaf editions, unpublished publications.

I. Shevelev

Private diaries and regimental registers
of the Russian army military operations:
the source-study analysis experience based
on the materials of the 500th Ingulsky infantry regiment

The article analyzes the narrative documents related to the history of the 500th Ingulsky regiment, which took part in the offensive on the South-Western front in summer 1916. The author discovers in the State Historical museum collection previously unpublished sources, both official and private, and makes the source-study and comparative analysis. Those materials serve the basis for reconstruction of the front life and regiments' military operations history.

Keywords: World War I, diaries, military operations registers, 500th Ingulsky Infantry regiment.

V. Tikhonov

Unpresented award. The Stalin prize in the field
of History for the 1952

Paper written on the basis of a complex of documents of the Russian state archive of contemporary history, is devoted to the description and analysis of an internal process of awarding the Stalin prize in 1952. It shows the decision-making mechanisms, ideological background for the selection of books of likely winners. Not awarding the Stalin prize is evaluated as part of an overall process of gradual de-Stalinization.

Keywords: soviet history studies, Stalin prize, ideology, de-Stalinization.

N. Uspenskaya

The historiography of France environmental history
in the 20–21st centuries

The article covers the analysis of the most famous works of French historians and researchers, which are associated with the origins and development of environmental history in France during the XX and XXI centuries. The historical geography had the great influence on the works of French scientists and the formation of environmental history, but, according to French historians, it interfered with the development

of environmental history in France. In addition, there were a lot of discussions related to methods, concepts interdisciplinary approaches of environmental history among French historians. Nowadays, nevertheless there are still unsolved problems, new approaches to the development of environmental history has appeared in France.

Keywords: human, ecology, nature, historical geography, environmental history, environment.

S. Zverev

Coinage in Novgorod in the middle of 17th century

The article examines the history of coinage in Novgorod during the monetary reforms of Tsar Alexei Mikhailovich in the middle of the XVII century. The development of commodity monetary relations, the growth and strengthening of the Russian market, the reinforcement of state power and the annexation of the Ukraine in 1654 made it essential to improve the monetary system. The aim of the monetary reform of 1654 was to introduce a set of large and small denominations, the use of copper as a coinage metal. The accelerated issue of copper coins led to inflation, which in turn produced the disruption of the economy and the Copper Riot 1662 in Moscow.

Keywords: monetary reform, copper kopeks, Mint, Novgorod.

Сведения об авторах

Дурновцев Валерий Иванович – доктор исторических наук, профессор, РГГУ, vdurnovcev@gmail.com

Зверев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, заведующим нумизматики и археологии, Музеи Московского Кремля, svzverev@yandex.ru

Ковалева Светлана Сергеевна – аспирант, Историко-архивный институт, РГГУ, russian.genealogy@yandex.ru

Комочев Никита Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, доцент, РГГУ, komni@list.ru

Нуйкина Елена Юрьевна – аспирант, Историко-архивный институт, РГГУ, elenaveststar@mail.ru

Панова Татьяна Дмитриевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музеи Московского Кремля, panova@kremlin.museum.ru

Полонский Дмитрий Георгиевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Архив Российской академии наук, dpolon@gmail.com

Пчелов Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, РГГУ, заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт, РГГУ, evg-pchelov@yandex.ru

Рамазанова Джамиля Нуровна – кандидат исторических наук, заведующий НИО редких книг РГБ, доцент, РГГУ, jamilyara@gmail.com

Самарин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора по научно-издательской деятельности, Российская государственная библиотека; ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, samarinay@rsl.ru

Тихонов Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, доцент, РГГУ, tihonovvitaliy@list.ru

Успенская Наталья Сергеевна – аспирант Историко-архивного института, РГГУ, u-natalia@inbox.ru

Чернова Елизавета Леонидовна – кандидат исторических наук, начальник отдела студенческой научно-исследовательской работы Управления по научной работе, преподаватель, РГГУ, kraevist@rambler.ru

Шевелёв Иван Геннадиевич – аспирант Историко-архивного Института, РГГУ, научный сотрудник ОПИ ГИМ, ivanshevel@mail.ru

General data about the authors

Chernova Elizaveta L. – Ph.D. in History, head, Student Research Work Desk, Department for Scientific Work, Russian State University for the Humanities, kraevist@rambler.ru

Durnovtsev Valerii I. – Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, vdurnovcev@gmail.com

Komochev Nikita A. – Ph.D. in History, researcher, Institute of Slavic Studies (Russian Academy of Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities, komni@list.ru

Kovaleva Svetlana S. – postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, russian.genealogy@yandex.ru

Nuikina Elena Yu. – postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, elenaveststar@mail.ru

Panova Tatiana D. – Dr. in History, leading researcher, State Historical and Cultural Museum and Heritage Site “The Moscow Kremlin”, panova@kremlin.museum.ru

Pchelov Evgenii V. – Ph.D. in History, associate professor, head, Department of Auxiliary Historical Disciplines, Russian State University for Humanities, evg-pchelov@yandex.ru,

Polonskii Dmitrii G. – Ph.D. in Engineering, Senior Research Fellow, State Budgetary Science Institution, Archive of the Russian Academy of Sciences, dpolon@gmail.com

Ramazanova Dzhamilya N. – Ph.D. in History, head, Rare Books Research Department, Russian State Library, associate professor, Russian State University for the Humanities, jamilyara@gmail.com

Samarin Alexandr Yu. – Ph.D. in History, associate professor Deputy director (scientific and publishing activities), Russian State Library; Leading researcher, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, samarinay@rsl.ru

Shevelev Ivan G. – postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, researcher, Department of Written Sources of State Historical Museum, ivanshevel@mail.ru

Tikhonov Vitaly V. – Ph.D. in History, leading researcher, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, associate professor, Russian State University for the Humanities, tihonovvitaliy@list.ru

Uspenskaya Natal'ya S. – postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, u-natalia@inbox.ru

Zverev Sergei V. – Ph.D. in History, head, Department of Numismatics and Archeology, State Historical and Cultural Museum and Heritage Site “The Moscow Kremlin”, svzverev@yandex.ru

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *Т.В. Рютина*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 20.04.2018.

Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 200

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggi.ru

www.knigirggi.ru

Журнал «Вестник РГГУ»

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 70969

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!